

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

**1 (33)
2018**

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 1(33)
2018**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, Действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Лаптев С.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Акперов И.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор экономических наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)»
Моисеева Н.К.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и управления практиками НИУ МИЭТ, член редакционной коллегии научных журналов «Маркетинг услуг», «Организация производства»
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Донцова Л.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры анализа хозяйственной деятельности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редакционных коллегий научных журналов «Лизинг. Технологии бизнеса» и «Финансовый менеджмент»
Горина С.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование», член редакционной коллегии научного журнала «Лизинг. Технологии бизнеса»

Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Ариф Асалыоглу	Стамбул, Турция	Международный институт развития научного сотрудничества

Человек. Общество. Инклюзия

№ 1(33) 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	кандидат философских наук, доцент	Д.С. Райдугин
Ответственный секретарь		С.А. Бобко
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Александрова
Математика 01.01.00	доктор технических наук, профессор	О.М. Полещук
	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Педагогические науки 13.00.00	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, доцент	Е.О. Кубякин
	доктор социологических наук, доцент	Е.М. Куликов
	доктор социологических наук, доцент	Э.К. Наберушкина
	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Воеводина
Филологические науки 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	С.Н. Богатырева
	кандидат исторических наук, доцент	Гениш Эйюп
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Л.М. Аллахвердиева
	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	кандидат юридических наук, доцент	В.В. Степанов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Smolin O.N. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, First Vice President of the Russian Paralympic Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Gorshkov M.K. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice-President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia - Ph.D in Philosophy, Professor, scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Nitsevich V.F. Moscow, Russia - Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Mironov A.V. Moscow, Russia - Doctor of Sociology, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in- Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Poisk”

Laptev S.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Business Management” in Plekhanov Russian Economic University

Akperov I.G. Rostov-on-Don, Russia - Doctor of Economics, Professor, Chancellor of Private Educational Institution “Yuzhny University”

Moiseeva N.K. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Marketing and Management Practice”, Member of the Editorial Board of “Service Marketing”, “Industrial Engineering”

Gryzunova N.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Dontsova L.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Business Analysis” in Plekhanov Russian Economic University, Member of the Editorial Board of “Leasing. Business to Technology” and “Financial Management”

Gorina S.A. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor, General Manager of LTD “Audit and Consulting”, Member of the Editorial Board of “Leasing. Business to Technology”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan - Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic, Ph.D in Sociology - Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic - Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Arif Asalyoglu Istanbul, Turkey, Ph.D in History, - International Institute of Scientific Cooperation Development

Human. Society. Inclusion

Issue 1(33) 2018

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor	
Raydugin D.S.	Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Associate Professor	
Bobko S.A.	Secretary	
Scientific Research Areas:		
13.00.04 Adaptive Physical Education	Alexandrova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Poleshchuk O.M. Kadymov V.A.	Doctor of Technical Sciences, Professor Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Doctor of Sociology, Professor
13.00.00 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Kubyakin E.O. Kulikov E.M. Naberushkina E.K. Voevodina E.V.	Doctor of Sociology, Associate Professor Doctor of Sociology Doctor of Sociology, Associate Professor Candidate of Sociology, Associate Professor
10.00.00 Philology	Bogatyreva S.N. Genish E.	Candidate of Philology, Associate Professor Candidate of History, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
08.00.00 Economics	Allakhverdieva L.M. Nesterenko Y.N. Litvinenko I.L.	Candidate of Economics, Professor Candidate of Economics, Professor Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Stepanov V.V.	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.А. Бердник

Контентные риски в поле сетевой культуры молодежи (на примере анализа сообществ «ВКонтакте») 12

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ж.Е. Вавилова

Киберинклюзия в социально-философской перспективе: возможности и угрозы 30

Г.В. Авдошин

Онтологическая трактовка категории отношения 37

К.М. Товбин, Р.Ю. Аторин, К.Я. Кожурин

Прологомены к современному старообрядоведению 43

Е.А. Воронцов

Политическая философия Фомы Аквинского 50

М.К. Мосиенко

Судьба как феномен 66

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Ю. Фомин

Буддийские мотивы в творчестве И.А. Бунина: своеобразие художественной рецепции 71

Е.А. Тарасюк

Чужая речь в русской лингвистике (из истории вопроса) 79

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Герасимов, С.Д. Савенок

Государственная стратегия содействия занятости инвалидов в современной России 84

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Головина, Т.Я. Александрова

За пределами стандарта: о преподавании экономической теории в современном техническом вузе 92

Е.В. Александрова, О.В. Шерченкова, Е.В. Журавлева

Аэробика в оздоровительно-коррекционных программах для студентов с детским церебральным параличом 98

О.Ю. Асаянова, Т.Г. Богданова, С.Д. Иванов, А.Д. Иванов

Обучение тубинфицированных детей в рамках проекта «Московская электронная школа» 104

<i>С.М. Исаев, И.В. Колесникова, Е.В. Михальчи</i> Международный опыт реализации адаптационных дисциплин для студентов с ОВЗ и инвалидностью	112
МАТЕМАТИКА/ИНФОРМАТИКА	
<i>Д.В. Нуцубидзе, Н.В. Труб</i> Поведение одного решения уравнения теплопроводности на бесконечности	125
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Э.Р. Хасанов</i> Защита авторских прав на музыкальное произведение в России и США: сравнительно-правовой анализ	129
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	
<i>М.С. Ильинских</i> Особенности формирования мотивационной сферы выпускников организаций для детей-сирот	136
К сведению авторов	144

Contents

SOCIAL SCIENCE

Berdnik E.A.

- Content risks in the field of youth network culture (on the example of the «VKontakte» communities analysis) 12

PHILOSOPHY

Vavilova Z.

- Cyberinclusion from a social philosophical perspective: opportunities and threats 30

Avdoshin G.V.

- The ontological treatment of the category of relationship 37

Tovbin K., Atorin R., Kozhurin K.

- Prologomena to the modern old Russian belief 43

Vorontsov E.A.

- Political philosophy of thomas aquinas 50

Mosienko M.K.

- Fate as a phenomenon 66

PHILOLOGY

Fomin A.Y.

- Buddhist motives in the works of I.A. Bunin: the originality of art reception 71

Tarasyuk E.

- The concept of another speech in russian linguistics (background outline) 79

ECONOMY

Gerasimov A., Savenok S.

- The state strategy for promoting the employability and employment of people with disabilities in modern Russia 84

PEDAGOGY

Golovina I.V., Alexandrova T.Y.

- Beyond the standard: the teaching of economic theory in the modern technical university 92

Aleksandrova E.V., Sherchenkova O.V., Zhuravleva E.V.

- Aerobics in health-correction programs for cerebral palsy students 98

Asayanova O.Y., Bogdanova T.G., Ivanov S.D., Ivanov A.D.

- Teaching of tuberculosis infected children in the project's boundaries "Moscow electronic school" 104

Isaev S.M., Kolesnikova I.V., Mikhailchi E.V.

- International experience of adaptation disciplines implementation for students with disability 112

MATHEMATICS/INFORMATICS

Trub N.V., Nutsbidze D.V.

The end behavior of the heat equation solution at infinity 125

LEGAL SCIENCE

Khasanov E.R.

Protection of copyrights on the piece of music in Russia and the USA:
comparative and legal analysis 129

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Ilyinskikh M.S.

Some special features of motivational environment formation for orphanage
establishments leavers 136

For the Attention of Authors 144

Е.А. Бердник

**КОНТЕНТНЫЕ РИСКИ В ПОЛЕ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ
МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СООБЩЕСТВ
«ВКОНТАКТЕ»)**

**CONTENT RISKS IN THE FIELD OF YOUTH NETWORK
CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE «VKONTAKTE»
COMMUNITIES ANALYSIS)**

БЕРДНИК Екатерина Александровна — старший преподаватель кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета имени митрополита Коломенского и Московского Макария (Булгакова) Белгородского национального исследовательского университета (e-mail: berdник_e@bsu.edu.ru)

BERDNIK Ekaterina Aleksandrovna — Senior Lecturer, Department of Cultural and Political Studies, Faculty of Social Work and Theology named after the Metropolitan of Moscow and Kolomna Macary (Bulgakov), Belgorod National Research University (e-mail: berdник_e@bsu.edu.ru)

Аннотация. В статье актуализируются вопросы трансформации социокультурной сферы под воздействием сетевых коммуникаций. Автор рассматривает процесс становления сетевой культуры российской молодежи с позиций рискологического подхода. Описываются методика и результаты контент-анализа сообществ «Вконтакте», реализованного в заданных методологических рамках. Анализируется рискогенность контента виртуальных сообществ с точки зрения его негативного воздействия на сознание и ценностные установки молодых людей.

Ключевые слова: сетевая культура, сетевые коммуникации, информационная безопасность, информационно-коммуникативные риски, контентные риски, социализация, ценностные установки.

Abstract. The article deals with the sociocultural sphere transformation influenced by the network communications. The author considers the process of Russian youth network culture formation from the risk-based approach perspective. The methods and results of the «Vkontakte» communities content - analysis are described, implemented within the given methodological framework. The riskogenics of the virtual community's content is analyzed with regard to its negative impact on the young people's consciousness and values.

Keywords: network culture, network communications, information security, information and communication risks, content risks, socialization, values.

Введение

Современный общественно-политический дискурс характеризуется повышенным вниманием к проблемам информационной безопасности, нейтрализации различных информационно-коммуникативных рисков и угроз, обеспечения цифрового суверенитета, а также воздействия глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства на социальных субъектов. В средствах массовой информации широко дискутируются границы доступа к персональным данным пользователей, «эффект Сноудена», вопросы безопасного пребывания в Сети, влияние социальных медиа на различные сферы социума и т.д. Вместе с тем научный подход к данной проблеме позволяет сформулировать различные ее уровни и направления. В первую очередь отметим, что сущность информационно-коммуникативных рисков и угроз, а также проблем информационной безопасности социальных субъектов сводится к «защите информации и защите от информации», что определяет развитие двух базовых направлений, связанных:

- 1) с разработкой технической базы для обеспечения устойчивости программного обеспечения информационных сетей и сохранения конфиденциальности, целостности информации (технологический подход);
- 2) с выявлением, оценкой последствий, нейтрализацией, а также защитой от негативной, неадекватной, манипулятивной информации (контентный подход) [см., например, 10; 23].

Рассмотрение проблемы информационной безопасности и анализа информационно-коммуникативных рисков и угроз в вертикальной плоскости позволяет выявить различные уровни ее проявления. Так, макроуровень затрагивает вопросы устойчивости, управляемости и воспроизводимости социальных систем в новых информационно-коммуникативных условиях, на мезоуровне актуализируются обозначенные вопросы в рамках различных социальных групп и организаций. При этом микроуровень отражает проблемы обеспечения информационной безопасности личности в пространстве сетевых коммуникаций, без решения которых невозможно дальнейшее стабильное существование системобразующих структур общества. Вместе с тем исследование вопросов информационной безопасности, нейтрализации информационно-коммуникативных рисков и угроз в различных сферах и отраслях общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовно-культурной) отражает горизонтальную плоскость указанной проблемы.

Значительный интерес в рамках обозначенного проблемного поля представляет культурная сфера общества, качественная трансформация которой под воздействием сетевых коммуникаций, а также появление новых культурных феноменов несет в себе не только возможности адаптации к изменяющимся условиям, но и существенные риски стабильному существованию социальных субъектов. К маркерам такого рода процессов можно отнести размывание культурных границ и особенностей национальных культур, девальвацию родовой, культурной и исторической памяти, разрушение культурно-конфессиональной самоидентификации и традиционных моделей поведения, навязывание чуждых культурных норм и ценностей. При этом изменение способа осуществления информационно-коммуникативной деятельности социальных субъектов на микроуровне неминуемо порождает новые правила соорганизации социальных

субъектов, формирует специфические коммуникативные предпосылки включения индивида в социальные отношения, а также альтернативные механизмы социализации и определения идентичности.

В этой связи нельзя оставить без внимания процесс становления сетевой культуры. Нормы, ценности, цели, стереотипы, мотивы, возникающие в поле сетевой культуры, диктуют сегодня специфическую логику деятельности социальных субъектов. По сути, от социокультурных установок, сформированных сетевыми коммуникациями, зависит сегодня, что считать риском, а что нет, и достоин ли быть сохраненным тот культурный порядок, который существует сегодня. В настоящее время в научном сообществе предпринимаются попытки на разных уровнях теоретизирования и эвристичности осмыслить процесс становления сетевой культуры. Так, анализ аксиологических оснований сетевого общества, выявление типологических характеристик сетевой культуры, а также социокультурных последствий современных информационно-коммуникативных процессов можно обнаружить в работах М. Кастельса, Ян ван Дейка, А. Виттеля, О.Н. Астафьевой, И.И. Докучаева, Е.Э. Дробышевой, А.В. Назарчука, Л.В. Нургалеевой, А.В. Соколова, В.В. Васильковой, В.Н. Щербины, Е.Н. Юдиной и др. Вместе с тем проведенный анализ позволяет определить сетевую культуру как подсистему общей культуры, которая в самом общем виде предстает качественно новым способом осуществления информационно-коммуникативной деятельности социальных субъектов в условиях интенсификации современного информационного пространства и повсеместного распространения сетевых медиа-технологий. В поле сетевой культуры мы включаем: 1) нормативно-ценностные механизмы регуляции сетевых коммуникаций, которые определяют их мотивацию, целеполагание, предсказуемость, воспроизводство; 2) технологические и программные средства реализации данного вида информационно-коммуникативной деятельности (персональный компьютер, планшет, смартфон, оптоволоконные сети, программные платформы различных социальных медиа и т.д.); 3) разнообразные результаты, продукты и эффекты сетевых коммуникаций, появление которых обусловлено их повсеместным использованием [подробнее см., например: 7; 8; 9].

Следует отметить, что осмысление трансформационных процессов в обществе характеризуется нарастанием беспокойства относительно дезинтеграции всей системы социальных взаимодействий, вызванной технологическими инновациями и формированием нового способа информационно-коммуникативной деятельности. В трудах западных и отечественных исследователей (А. Барда и Яна Зодерквиста, У. Бека, Г. Бехманна, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, Н. Лумана, Дж. Урри, Т.В. Владимировой, В.И. Зубкова, Д.Н. Карповой, С.А. Кравченко, И.Д. Тузовского, О.Н. Яницкого, М.В. Радионова и др.) выявляются разнообразные риски и угрозы, вызванные новым технологическим базисом современного общества. К примеру, российский исследователь Т.В. Владимирова выделяет основные группы рисков и угроз безопасности для личности, общества и государства, связанные с особенностями сетевых коммуникаций [10]. К ним относятся расширение возможностей манипулирования разноуровневыми социальными субъектами (сознанием человека, его психической деятельностью, общественным мнением и т.д.); увеличение масштабов отечественной и международной преступности, террористических организаций на основе интер-

нет-сетей; дестабилизация государственного управления и существующих политических режимов.

Примечательно, что новейшие документы стратегического планирования Российской Федерации отражают практически весь спектр проблем информационной безопасности, а также большинство актуальных информационно-коммуникативных рисков и угроз. При этом значительное внимание уделено защите социокультурной и духовной сферы российского общества в новых информационно-коммуникативных реалиях. Так, в «Стратегии национальной безопасности РФ» от 31 декабря 2015 г. [4] в качестве стратегической цели и приоритета национального планирования в области культуры указывается сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, формирование у подрастающего поколения достойного отношения к истории России, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности. При этом одной из основных угроз государственной и общественной безопасности в области культуры называется деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе, разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В документе отмечается необходимость обеспечения культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществления контроля в информационной сфере и недопущение распространения провокативного контента. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» от 5 декабря 2016 г. помимо прочих угроз информационной сферы отмечается наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей [5]. В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.», утвержденной 9 мая 2017 г. указывается на противоречие между заинтересованностью российского общества в получении высокоинтеллектуальной и высококультурной информации и ее развлекательно-справочным характером, а также на факт, что темпы создания, обработки и распространения информации превышают возможности ее освоения большинством людей, что значительно упрощает влияние на взгляды и предпочтения населения со стороны государств и организаций, которым принадлежат технологии распространения информации [6].

Из указанных выше документов видно, что в контексте наблюдаемых социокультурных трансформаций и появления сетевых культурных форм, особый интерес представляет молодежь как самая уязвимая социальная группа. Данное обстоятельство обусловлено характерной для молодости объект-субъектной транзакцией, диспозиционностью в структуре личности, значительно усиливаемой социальной неопределенностью в обществе и трансформацией процессов передачи социокультурного опыта между поколениями. Вместе с тем ключевым для молодых людей является социализационный процесс конструирования ментальных структур, придающих впоследствии смысл их обыденным действиям, а также определяющий результативность освоения субъектной позиции и формирования жизненных стратегий, что впоследствии оказывает решающее

воздействие на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов. Следует отметить, что процесс социализации и формирования ментальных структур в значительной степени зависит от характера протекаемых в обществе информационно-коммуникативных процессов и соответствующей деятельности социальных субъектов. В этой связи вопрос о роли сетевой культуры в такого рода процессах обретает решающее значение при исследовании современной молодежи, информационно-коммуникативная деятельность которой приобретает сетевой характер, осуществляясь преимущественно в глобальном пространстве Интернета на платформах социальных медиа.

Анализ различных аспектов пребывания подрастающего поколения в Сети осуществлен в работах И.А. Гарасюк, О.А. Гримова, С.А. Данилова, С.А. Кравченко, И.В. Мирошниченко, С.С. Носова, С.И. Самыгина и др. В рамках социально-психологического направления обозначенную проблему исследуют А.Е. Войскунский, Е.П. Белинская, С.П. Бондаренко, А.Е. Жичкина, Г.В. Шукова, Т.Д. Марцинковская, А.А. Морозова, Г.У. Солдатова и др.

На основании проведенных в этой области исследований можно выделить следующие группы рисков и угроз, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе сетевых коммуникаций [см. 20; 25]:

- 1) технологические — вирусное ПО, утечка персональных данных, взломы аккаунтов и т.д.;
- 2) экономические — несанкционированное снятие денежных средств, финансовое мошенничество, вирусный маркетинг;
- 3) психофизиологические — расстройства памяти, сна, низкая физическая активность, интернет-зависимость и т.д.;
- 4) когнитивные — рассредоточенность внимания, трудности с запоминанием, пониманием, прочтением текстовой информации;
- 5) контентные — материалы, явно содержащие незаконную, деструктивную информацию;
- 6) манипулятивное воздействие — материалы, скрыто содержащие информацию для воздействия на мотивацию и поведение пользователей;
- 7) негативные коммуникации — нежелательные контакты, «кибербуллинг» или кибертравля, киберпреследования, «груминг» или сексуальные домогательства в Сети;
- 8) самоизоляция — отказ от социальной жизни.

Обладая колоссальными возможностями для воздействия на механизмы социокультурной и нормативно-ценностной регуляции, сетевые коммуникации открывают дорогу для трансформации количественных и качественных характеристик процессов социокультурной самоидентификации, формирования субъектности и самоосознания молодых людей. В контексте выявления социокультурных эффектов сетевых коммуникаций, а также нейтрализации негативных социализационных сценариев, профилактики девиантного поведения в молодежной среде особый интерес представляет контент популярных сетевых площадок.

Актуальные эмпирические исследования контента разнообразных сетевых площадок и социальных медиа акцентируются на изучении психологических портретов пользователей, стратегий самопрезентаций и формирования сетевых идентичностей, выявлении специфики политического дискурса в комментариях к новостным событиям, а также на различных аспектах коммуникации лидеров мнений с молодыми пользователями социальных сетей и др. [см. 11; 12; 26; 27].

Вместе с тем отсутствует анализ структуры контента популярных молодежных площадок в Сети с точки зрения его рискогенности и негативного воздействия на сознание и ценностные установки молодых людей. Данное обстоятельство определило цель эмпирического исследования, осуществленного на базе Центра религиоведческих исследований и профилактики экстремизма совместно со студенческим Центром профилактики молодежного экстремизма социально-теологического факультета имени митрополита Коломенского и Московского Макария (Булгакова) Белгородского национально-исследовательского университета в мае–июне 2017 г.

Материалы и методы

Наиболее релевантной, заявленной целью исследования является методика контент-анализа, широко применяемая для качественного и количественного анализа материалов средств массовой информации. С ее помощью на основе подсчета выделенных в соответствии с целями и задачами исследования единиц возможно перевести содержание анализируемой информации в статистические показатели.

Этап формирования критериев рискогенной информации

Основную сложность в реализации данного метода в контексте настоящего исследования представляет процесс формирования смысловых единиц, которые будут квалифицированы как рискогенный контент и подсчитываться во время проведения процедуры контент-анализа. Методологической базой для решения задачи выделения критериев рискогенной информации, распространяемой в социальных медиа, послужили политико-правовые документы Российской Федерации, такие как: 1) Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2]; 2) «Концепция информационной безопасности детей и подростков», утвержденная Правительством 02.12.2015 г. [3]; 3) Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в действующей редакции) [1].

В рассмотренных документах актуализируется роль информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве нового агента социализации, который вытесняет традиционные ее формы. Вместе с тем обосновываются критерии рискогенной информации в соответствии со стратегическими национальными приоритетами, важнейшим из которых является воспитание детей и молодежи в духе традиционных духовно-нравственных ценностей, соотносимых с преобладанием духовного над материальным, защитой человеческой жизни, правами и свободами человека, традиционной семьей, созидательным трудом, служением Отечеству, нормами морали и нравственности, гуманизмом, милосердием, справедливостью, взаимопомощью, коллективизмом, историческим единством народов России, преемственностью истории нашей Родины.

Таким образом, на основании положений, указанных в обозначенных нормативно-правовых документах Российской Федерации, а также принимая во внимание тот факт, что информационно-коммуникативная среда Интернет является существенным фактором социокультурного развития и социализации молодых людей, было выделено 9 критериев рискогенной информации, распространяе-

мой посредством популярных площадок в социальных медиа. К ним была отнесена информация следующего характера:

- 1) побуждающая к совершению действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;
- 2) способная вызвать желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;
- 3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным;
- 4) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;
- 5) оправдывающая противоправное поведение;
- 6) содержащая нецензурную брань;
- 7) содержащая информацию порнографического характера;
- 8) содержащая информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий;
- 9) содержащая признаки экстремистской деятельности или оскорбления чувств верующих.

Наличие подобного контента на популярных молодежных площадках социальных медиа, в соответствии с нормативными документами Российской Федерации, представляет угрозу социокультурному развитию, являясь фактором, подрывающим основы безопасности государства, а также создающим риски десоциализации молодых людей, развития, закрепления аморального, девиантного и противоправного поведения в молодежной среде.

На основании изложенных критериев был составлен идентификатор контент-анализа, в котором конкретизированы эмпирические индикаторы указанных критериев.

Этап отбора объектов для анализа

Для анализа была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», так как по данным актуальных отечественных исследований, указанная виртуальная площадка занимает лидирующие позиции по популярности у российской молодежи уже несколько лет подряд, а также является неотъемлемым атрибутом обыденных информационно-коммуникативных практиках [см. 28; 29; 30].

Далее был сформирован список популярных сообществ и пабликов «ВКонтакте» для последующего анализа контента. Отбор осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе было проведено предварительное исследование, в ходе которого молодым людям в возрасте от 14 до 29 лет (N=300) было предложено указать самые популярные в их окружении сообщества и паблики «ВКонтакте». В результате опроса было отобрано 34 виртуальные площадки из числа наиболее упоминаемых. Следует отметить, что 99% из них носят досуговый и юмористический характер.

На втором этапе с помощью программных сервисов для киберметрического анализа [31; 32; 33] были выделены самые многочисленные сообщества «ВКонтакте» в 12 тематических группах (по 3 в каждой группе): 1) досуговые (музы-

ка, фильмы, авто, путешествия); 2) юмор (в том числе «черный»), розыгрыши, пародии, познавательно-юмористическая тематика; 3) политические, новостные; 4) красота, здоровье, спорт; 5) онлайн-игры, обсуждение популярных игр; 6) «группы грусти», сообщества для одиноких; 7) семья, дом, дети, рецепты; 8) творчество (искусство, дизайн, интерьер); 9) романтические знакомства, общение с противоположным полом; 10) философия, религия, психология, эзотерика, литература, поэзия, цитатники; 11) представительства интернет-магазинов, товары, услуги; 12) бизнес, заработок. В результате по окончании обозначенных этапов (киберметрического анализа и опроса молодежи) было отобрано 70 сообществ и пабликов для последующего анализа, 40 из которых — юмористической и досуговой направленности.

Интерес представляли также статистические показатели сообществ, такие как общее количество подписчиков, количество подписчиков из России, количество ежедневной аудитории, средний возраст подписчиков. Данная информация собиралась с помощью указанных программных сервисов для киберметрического анализа.

Этап отбора единиц анализа

В качестве единиц анализа были выбраны отдельно взятые сообщения (посты), размещенные администрацией/модераторами сообщества. При этом комментарии пользователей анализу не подвергались.

В ходе предварительного изучения было установлено, что первые 30 постов группы в полной мере репрезентируют контент сообщества. Вместе с тем анализ методологической базы уже осуществленных эмпирических исследований контента виртуальных сообществ подтверждает достаточность указанного количества анализируемых единиц [18].

Таким образом, в каждом сообществе было подвергнуто анализу 30 информационных единиц — постов, в которых единицей счета являлась рискогенная информация, подпадающая под выделенные выше критерии. В общей сложности было проанализировано 2100 постов.

Учету подлежал и способ подачи контента в посте, информационные единицы классифицировались по следующим группам: 1) текст, 2) видео, аудио/музыка, 3) фото, 4) анимационное фото/«гифки», 5) фото с комментарием, демотиватор, комикс.

В итоге по каждому из 70 сообществ был заполнен протокол контент-анализа, куда вносились статистические данные сообществ, тип представленного контента в анализируемых информационных единицах (постах), а также встречаемость рискогенного контента в постах по каждому из 9 выделенных критериев. На основании заполненных протоколов была сформирована сводная таблица Excel с количественными данными.

Результаты

Среднее количество подписчиков в рассмотренных сообществах и пабликах составляет более 3 млн человек (максимум — 11 млн 600 тыс. человек, минимум — 700 тыс. человек). Анализ доступной статистики групп показал, что в 65% из них средний возраст подписчиков составляет 20 лет, в 25% — около 16 лет и только в 15% сообществ средний возраст участников был старше 25 лет (рис. 1).

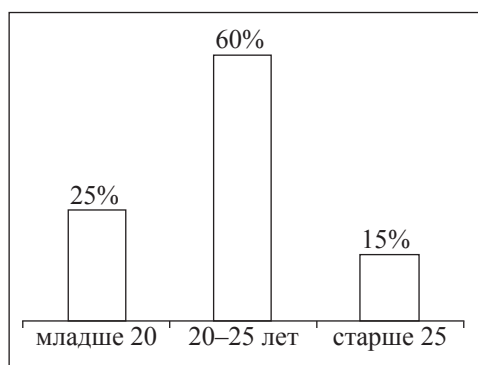

Рис. 1. Возраст подписчиков в анализируемых сообществах «ВКонтакте»

Численность подписчиков из России на данных виртуальных площадках в среднем составляет 75%, остальные участники групп являются представителями ближнего зарубежья (Украина, Белоруссия и др.). Все сообщества являются открытыми, указание на ограничение по возрасту (18+) присутствует только на страницах 2 групп.

Самым распространенным типом представленного в сообществах контента является демотиватор, комикс или фотография с комментариями на ней — 36% (763 поста), затем следует тексто-

вая информация — 35% (742 поста), фото — 25% (528 постов), видео — 9,1% (191 поста), аудио, музыка — 8,2% (173), анимационное фото («гифка») — 4% (86 постов)¹ (рис. 2).

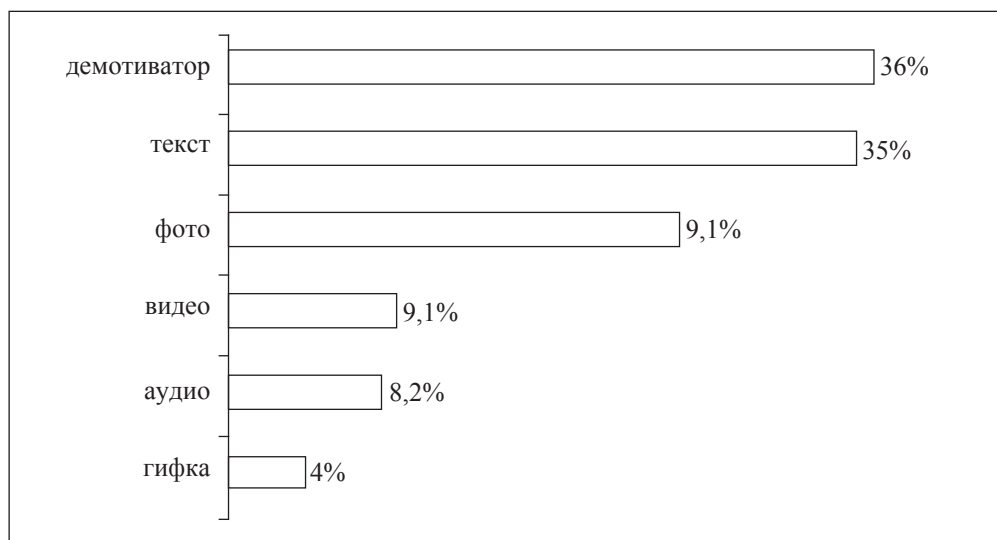

Рис. 2. Тип контента в сообществах

Следует отметить, что в группах, где средний возраст подписчиков меньше 20 лет, преобладают демотиваторы, комиксы или фотографии с комментариями (более 70%) из чего можно сделать вывод, что администрация сообществ использует наиболее доступный для данной возрастной группы способ подачи информации. При этом в группах с более взрослой аудиторией текст встречается чаще.

В ходе исследования было установлено, что в 40 из 70 сообществ (60%) в той или иной степени содержится рискованный контент. При этом группы с «чистым» контентом имеют более узкую тематическую направленность (новости, рецепты, творчество, поэзия и т.д.), в то время как большая часть обнаружен-

¹ Сумма превышает 100% т.к. в одном сообщении (посте) может быть представлен контент нескольких типов.

ного негативного контента содержится на площадках досуговой и юмористическо-познавательной направленности (рис. 3).

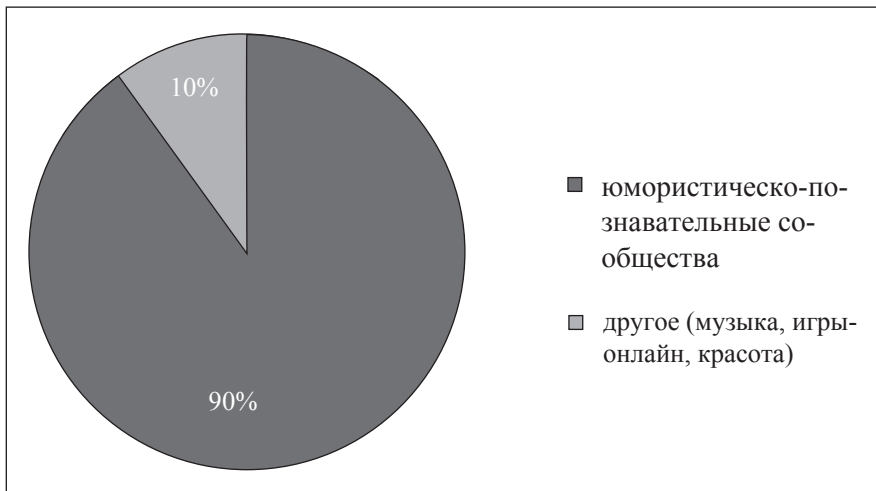

Рис. 3. Распределение негативного контента по тематической направленности групп

Из них около половины (45% или 18 сообществ) содержат менее 20% рискогенной информации, и только две группы содержат рискогенный контент в каждом посте (более 80%). Отметим, что количество подписчиков в этих двух группах превышает 3 млн человек в каждой, а средний возраст подписчиков — менее 20 лет.

При этом самым распространенным способом подачи негативного контента является демотиватор (82% постов), далее следуют текстовые посты — 10%, фото — 5% (рис. 4).

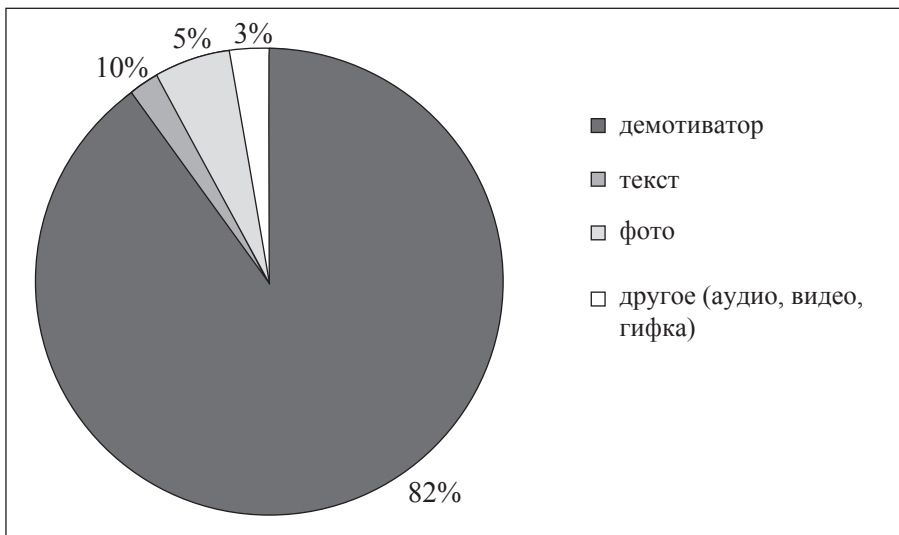

Рис. 4. Способы подачи негативного контента

Частота встречаемости различных видов негативного контента на популярных сетевых площадках отображена на рис. 4. Как видно из диаграммы, самым распространенным является нецензурная брань (критерий 6) — 40% от всего обнаруженного негативного контента, второе место по встречаемости занимает информация, отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и другим членам семьи (критерий 4) — 17%, далее следует информация, побуждающая к совершению действий, представляющих угрозу жизни и (или здоровью), в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству (критерий 1) — 10%, способная вызвать желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию и др. (критерий 2) — 9%. Примерно в одинаковом объеме представлены материалы, содержащие порнографию (критерий 7), обосновывающие или оправдывающие допустимость насилия и (или) жестокости, либо побуждающие осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным (критерий 3), оправдывающие противоправное поведение (критерий 5), информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (критерий 8), а также признаки экстремистской деятельности или оскорбления чувств верующих (критерий 9).

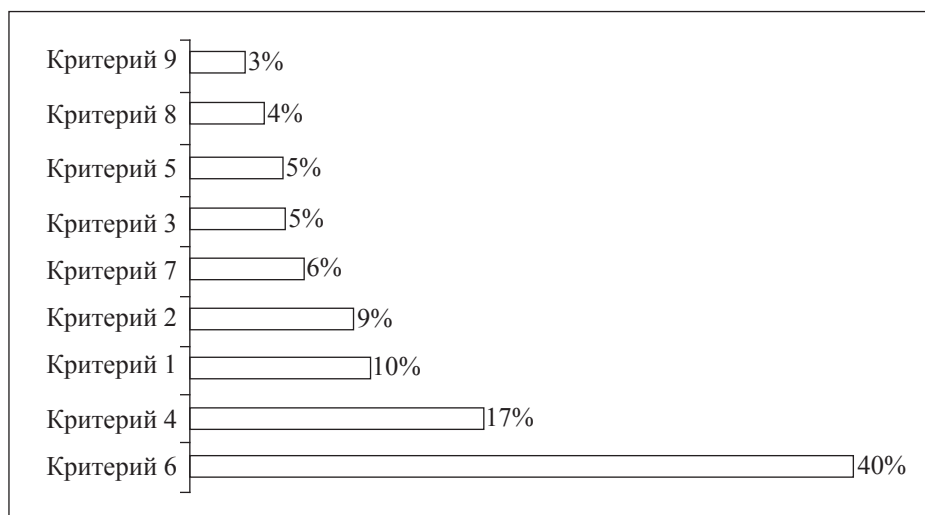

Рис. 4. Представленность негативного контента¹

Таким образом, полученные результаты позволили зафиксировать наличие рискогенного контента на популярных открытых площадках в социальной сети «ВКонтакте», а также выявить его структуру и представленность.

Обсуждение и выводы

По данным упомянутых выше актуальных исследований, современная российская молодежь в среднем проводит в социальных сетях несколько часов ежедневно. Вместе с тем результаты проведенного нами анализа контента популяр-

¹ Сумма превышает 100% т.к. каждый пост мог содержать несколько видов рискогенной информации.

ных площадок в социальной сети «ВКонтакте» указывают на то, что молодые люди регулярно сталкиваются с негативной информацией в процессе сетевых коммуникаций. Было установлено, что самыми распространенными способами подачи информации, в том числе негативной, является текст и демотиватор. При этом последний используется значительно чаще в группах с аудиторией младше 20 лет.

Отметим, что демотиватор представляет собой «сообщение (картинку, фото и т.п.), сопровождающееся комментарием (подписью), который интерпретирует данное сообщение особым образом» [15]. Исследователями отмечается значительный потенциал данного способа подачи информации по оказанию воздействия на индивида [см. 13; 14]. Являясь конвергированным средством выражения определенных смыслов и идей, демотиваторы напрямую воздействуют на образно-символическую сферу и могут служить строительным материалом для формирования мировоззренческих и ценностно-смысловых конструкций молодых людей.

Популярность досуговых и юмористически-познавательных сообществ среди молодежи, а также распространенность негативного контента именно на данных площадках может свидетельствовать, по нашему мнению, о стремлении привлечь пользователей на свой ресурс и расширить охват аудитории с помощью провокативного контента, а также о целенаправленной популяризации определенных ценностных ориентаций, смыслов, идей, моделей поведения, выяснение целей и задач которой требует отдельного исследования.

Вместе с тем вызывает обеспокоенность широкое использование нецензурной брани, допускаемое администраторами виртуальных сообществ, в том числе тех, где средний возраст подписчиков младше 20 лет. Следует отметить, что в соответствии с ФЗ № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также разъяснениями, данными в «Концепции информационной безопасности детей и подростков», нецензурная брань подразделяется на: 1) матерные слова и выражения (в соответствии со словарями ненормативной лексики), 2) бранные слова и выражения, не относящиеся к матерным и имеющие соответствующую пометку в толковых словарях. При этом слова и выражения первого типа, в соответствии с законодательством Российской Федерации, полностью запрещены к распространению среди детей и подростков до 18 лет, а использование лексики второго типа должно быть ограничено среди определенных возрастных категорий. В процессе проведенного контент-анализа подсчитывались оба типа нецензурной брани, т.к. в большинстве виртуальных сообществ отсутствует идентификация по возрасту и к публикуемому контенту имеют доступ как совершеннолетние, так и несовершеннолетние граждане. Установлено, что именно матерные слова и выражения становятся часто фоном сетевых коммуникаций, вводя данный способ общения в норму и обыденность. В ряде исследований, посвященных воздействию нецензурной лексики на человека, отмечается вред, наносимый не только окружающим, но и самому субъекту коммуникации. Так, российский специалист в области культурологии, философии и филологии В.Ю. Михайлин убедительно обосновывает способность нецензурной лексики (мата) запускать процессы «расчеловечивания» через пробуждение звериного духа, разрушение душевно-духовного стержня современного человека, примитивизацию личности [19]. Между тем принятие такого способа коммуницирования за норму через ежедневную практику сете-

вых коммуникаций может стать препятствием для становления нравственного стержня молодых людей и первой ступенькой на пути к формированию негативных образцов поведения и ущербных жизненных стратегий.

Обеспокоенность вызывает и значительное распространение информации, способствующей деформации традиционных представлений о семье, формирующей неуважение к старшим и другим членам семьи. Образы и словесные описания, в которых традиционные семейные отношения подаются как неудовлетворяющие потребностям современного общества и человека, пропагандирующие альтернативные модели семейных отношений или полный отказ от таковых, эксплуатирующие интерес подростков к сексу и нетрадиционным сексуальным отношениям, популяризирующие неуважительное, жестокое отношение к родителям и другим членам семьи постепенно становятся неизменным спутником взаимодействия в социальных медиа. При этом молодым людям практически невозможно сознательно оценить данный контент как негативный, т.к. в информационном пространстве практически не присутствуют реальные положительные примеры традиционных семейных отношений, а также модели поведения, популяризирующие уважение к членам своей семьи, целомудрие, заботу и жертвенность.

Широкий резонанс в СМИ получили случаи доведения до самоубийства несовершеннолетних в социальных сетях [21; 22]. В ходе расследования было установлено, что подростки вовлекались в игровые квесты и получали задания на площадках закрытых групп «Вконтакте», доступ в которые тщательно фильтровался модераторами. Тем не менее, в ходе нашего анализа было установлено наличие информации, побуждающей к совершению действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью), в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству (критерий 1) на страницах открытых сообществ, пользующихся популярностью в молодежной среде. Такого рода образы или словесные описания демонстрировали нереалистичные эталоны моделей поведения, а также людей, совершивших или совершающих действия, представляющие угрозу их жизни и (или) здоровью как соответствующих норме, искажали последствия рискованных действий, представления о статистических и социокультурных нормах поведения. Безусловно, данный контент может способствовать формированию суицидального поведения, а также негативной Я-концепции молодых людей.

Запрещенной к распространению среди несовершеннолетних является информация, способная вызвать желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию и др. (критерий 2). Тем не менее, было выявлено, что в открытом доступе присутствуют образы и словесные описания, представляющие данные практики как соответствующие норме, популяризирующие их в качестве способа повышения своего социального статуса, самооценки, а также искажающие последствия данных действий.

Несмотря на малую представленность, нельзя оставить без внимания присутствие на площадках популярных сообществ материалов, содержащих порнографию (критерий 7). В данном контексте будет уместно привести исследования американского социального психолога, профессора Стэнфордского университета Филипа Зимбардо, согласно которым интернет-порнография, становясь навязчивой зависимостью, вызывает серьезные психические и волевые расстройства, тем самым оказывая негативные последствия на всю социальную

активность молодых людей, формируя «поколение неудачников». Автор также отмечает, что молодым людям, начинающим знакомство с данной сферой человеческой жизни с интернет-порнографией, значительно сложнее впоследствии преодолеть навязчивую зависимость, чем мужчинам, столкнувшимся с порнографией в зрелом возрасте [17].

Наличие беспрепятственного доступа на страницах виртуальных сообществ к информации, обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости, побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным (критерий 3), оправдывающей противоправное поведение (критерий 5), содержащей признаки экстремистской деятельности или оскорбления чувств верующих (критерий 9) также представляет существенную опасность для становления подрастающего поколения. Регулярное пребывание в пространстве такого рода деструктивных идей и смыслов приводит к постепенному размыванию границ дозволенного, способствует формированию неадекватных моделей поведения, основанных на насилии, жестокости, нарушении закона, оправданию данных поведенческих форм, романтизации криминального мира, принятии идеологии фашизма, экстремистских идей, распространению расовой, религиозной розни и т.д. Данное положение дел не соответствует законодательству Российской Федерации и требует доработки инструментов фильтрации подобного контента в сети Интернет.

Распространение информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (критерий 8) представляет риски по нескольким причинам. Во-первых, такого рода контент часто становится поводом для травли (кибербуллинга), киберпреследований пострадавшего в социальных сетях; во-вторых, может происходить обратный процесс, когда жертва становится объектом для подражания в молодежной среде. В качестве примера можно привести дело Дианы Шурыгиной [16; 24], которое получило вирусное распространение в Сети, а сама девушка стала интернет-звездой и объектом для подражания. В этой связи нахождение данного контента на открытых площадках виртуальных сообществ может представлять существенные риски для процесса социализации молодых людей, популяризируя девиантные модели поведения, а также деструктивных агентов влияния и лидеров мнений.

Резюмируя, необходимо отметить, что проведенное исследование не претендует на репрезентативность всего контента, представленного на площадках социальных медиа. Нам удалось охватить лишь его небольшую часть и изучить поверхностный срез. Необходима дальнейшая детализация представленности негативного контента, а также способов и технологий его распространения и восприятия молодыми людьми. Тем не менее, проведенный анализ позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, виртуальное пространство популярных сетевых площадок является скорее недружественным, агрессивным по отношению к молодым пользователям. Возможность беспрепятственного распространения разнообразного контента (в том числе запрещенного законодательством РФ) создает дополнительные риски социализационным процессам, формированию субъектности и внутреннего мира молодых людей. Развивающий потенциал сетевого пространства может проявиться только при наличии критического мышления и устойчивых ценностных ориентиров субъекта, либо регулирующего воздействия агентов социализации (семья, школа, институт и т.д.).

Во-вторых, налицо несоответствие ценностей, смыслов, идей распространяемых в поле сетевой культуры посредством открытых виртуальных площадок, заявленным в основных документах стратегического планирования Российской Федерации. Напомним, что к ним относится воспитание детей и молодежи в духе традиционных духовно-нравственных ценностей, которые соотносятся с преобладанием духовного над материальным, защитой человеческой жизни, правами и свободами человека, традиционной семьей, созидательным трудом, служением Отечеству, нормами морали и нравственности, гуманизмом, милосердием, справедливостью, взаимопомощью, коллективизмом, историческим единством народов России, преемственностью истории нашей Родины [4]. Данное обстоятельство обуславливает усиление угроз национальной безопасности, культурному суверенитету, межпоколенческой преемственности, становясь фактором малопрогнозируемости общественного развития.

В этой связи процесс формирования сетевой культуры молодежи необходимо должен учитывать риски и угрозы, возникающие в ее поле. Формирование и внедрение механизмов защиты и нейтрализации информационно-коммуникативных рисков и угроз (в том числе контентных) является первоочередной задачей, решение которой требует участия разноуровневых социальных субъектов. Важным направлением является совершенствование законодательного регулирования информационно-коммуникативного пространства сети Интернет относительно возрастной маркировки публикуемой информации в Сети, фильтрации запрещенного контента. Изменение образовательных стандартов и включение в учебно-методические программы дисциплин блока по информационной безопасности также является существенным шагом на пути к формированию адекватного современным рискам и угрозам способа информационно-коммуникативной деятельности. Вместе с тем необходима общественная дискуссия по данной проблеме с привлечением разработчиков контента, а также популяризация существующих рисков и угроз среди родительской общественности и разработка просветительских программ.

Нормативно-правовые акты

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.06.2002 г. №114-ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127578/#friends#ixzz4pqMAvZpt> (дата обращения: 7.05.2017).

2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12181695/1/#ixzz4gwpQ0gmJ> (дата обращения: 11.04.2017).

3. Концепция информационной безопасности детей и подростков от 02.12.2015 г. [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mPbAMyJ29uSPhL3p20168GA6hv3CtVxD.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).

4. Стратегия национальной безопасности РФ от 31.12.2015 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 7.09.2017).

5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5.12.2016 [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 6.05.2017).

6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. от 9.05.2017 [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 12.06.2017).

Список литературы

7. Бердник Е.А. Сетевая культура как объект социологического анализа // Перспективы. — Серия: Філософія, історія, соціологія, політологія. — Одеса: ПДПУ імені К.Д. Ушинського, 2009. — 2 (46). — С. 13–17.

8. Бердник Е.А. Социокультурные эффекты новых медиа: трансформация социальности, актуализация сетевой субъектности и становление сетевой культуры // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. — Випуск 19. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. — С. 146–151.

9. Бердник Е.А. Феномен сетевой культуры в социогуманитарном дискурсе // Экономика. Общество. Человек: материалы II Международной практической конференции «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования». — Ч. 2: Философские проблемы социально-гуманитарного знания / сост. С.В. Бацанова; науч. ред. д-р экон. наук, проф. Е.Н. Чижова / Белгор. гос. технол. ун-т; Белгор. регион. отд-е РАЕН. — Белгород: Изд-во БГТУ, 2014. — С. 21–27.

10. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». Режим доступа <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

11. Вожжова А.В., Пупкова Ю.В. Лидеры мнений в социальных сетях // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. — 2017. — № 6. — С. 86–93 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «eLibrary». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30454218> (дата обращения: 10.10.2017).

12. Гаврилюк Т.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Стратегия и практика контент-анализа комментариев к новостям социально-политического характера в сети Интернет // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24921535> (дата обращения: 10.10.2017)

13. Гибадуллина Н. М.-Н. Политические демотиваторы и их влияние на молодежь // Информация и образование: границы коммуникаций. — 2013. — 5(13). — С. 228–230 // [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «eLibrary». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21958057> (дата обращения: 15.10.2017).

14. Гладырь Б.С. Влияние демотиваторов на формирование картины мира современного школьника // Новая наука: теоретический и практический взгляд. — 2016. — № 3-2 (69). — С. 158–161 [Электронный ресурс] // Науч-

ная электронная библиотека «eLibrary». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25601280> (дата обращения: 15.10.2017).

15. Голиков А.С., Калашикова А.А. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник Харьковского государственного университета. — 2010. — Вып. 16. — С.124–130.

16. Ефанов А.А. «Феномен Д. Шурыгиной», или о предпочтениях общества потребления // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 19 мая 2017 г. / Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Департамент «Факультет журналистики»; составитель О.Ф. Автохутдинова. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. — С. 228–230.

17. Зимбардо Ф. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 343 с.

18. Каменский Е.Г., Гримов О.А. Сетевые сообщества в социальных сетях как фактор развития личностной субъектности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — № 2 (34). — С. 62–67.

19. Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / Предисл. К. Кобрина. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 540 с.

20. Морозова А.А. Основные виды рисков медиапотребления в социальных сетях (на примере «ВКонтакте») [Электронный ресурс] // Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Электронный архив. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38269/1/journ_staff_2016_30.pdf.

21. Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. — 2016. — № 51 (16 мая) [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Новая газета». Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 20.12.2017).

22. Мурсалиева Г. Дети в Сети. Шлем безопасности ребенку в Интернете. — М.: АСТ, 2017. — 330 с.

23. Наберушкина Э.К., Бердник Е.А. Социокультурные аспекты информационной безопасности в сетевом обществе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — Белгород, 2016. — № 17 (237). — С. 90–99.

24. Петровская И. Пять вечеров с Дианой Шурыгиной. Как жертва изнасилования благодаря ТВ стала звездой // Новая газета. — 2017. — № 24 (2601) (10 марта).

25. Солдатова В.Н., Шляпников М.А., Журина Г.У. Эволюция онлайн рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. — 2015. — № 3. — С. 50–65 [Электронный ресурс] // Портал психологических изданий «PsyJournals.ru» (МГППУ). Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/78574/mpj_2015_n3_Soldatova_Shlyapnikov_Zhurina.pdf (дата обращения: 10.11.2017).

26. Фленина Т.А., Богдановская А.Б., Климанова А.В. Возможности использования контент-анализа в исследовании сетевой идентичности современной российской молодежи // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. — 2015. — № 6 [Электронный ресурс] // Научная электронная библи-

отека «eLibrary». Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24925429&> (дата обращения: 10.11.2017).

27. Черемисова И.В. Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. — 2016. — № 2 (16) [Электронный ресурс]. Научная электронная библиотека «Киберленинка». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-stranits-aktivnyh-polzovateley-sotsialnoy-seti-vkontakte> (дата обращения: 17.11.2017).

28. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. [Электронный ресурс] // Портал «Think with Google». Режим доступа: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/research-study/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (дата обращения: 17.11.2017).

29. Качественное исследование молодежи Сбербанка России совместно с исследовательским агентством Validata; март 2017 г. [Электронный ресурс] // Пресс-релизы «Сбербанка». Режим доступа: http://www.sberbank.ru/ru/press_center/all/article?newsID=2889a5e5-df1d-4e9f-acf1-ad0456fbc8f&blockID=1303®ionID=2&lang=ru (дата обращения: 17.11.2017).

30. О пользе и вреде интернета и особенностях его использования [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12494> (дата обращения: 17.11.2017).

31. Статистика сообществ «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://allsocial.ru/communities/> (дата обращения: 17.11.2017).

32. Топ сообществ ВКонтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: vktoppost.ru (дата обращения: 17.11.2017).

33. Статистика сообществ «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Borgi.ru. Анализ сообществ и рекламы ВКонтакте. Режим доступа: <https://borgi.ru/vk/stats/> (дата обращения: 17.11.2017).

Ж.Е. Вавилова

**КИБЕРИНКЛЮЗИЯ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ**

**CYBERINCLUSION FROM A SOCIAL PHILOSOPHICAL
PERSPECTIVE: OPPORTUNITIES AND THREATS**

ВАВИЛОВА Жанна Евгеньевна — старший преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета (e-mail: zhannavavilova@mail.ru).

VAVILOVA Zhanna — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University (e-mail: zhannavavilova@mail.ru)

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть с социально-философских позиций процесс осуществления инклюзии в условиях киберсреды. С одной стороны, в свете феномена виртуализации общественной жизни включение каждого человека в глобальное информационное пространство независимо от способностей, возраста и цвета кожи, осуществимо на практике, что приближает современное общество к идеалу равенства и справедливости. С другой стороны, киберинклюзия таит в себе ряд опасностей, как имманентных социальной реальности в целом, так и присущих исключительно сфере виртуального.

Ключевые слова: инклюзия, глобальное информационное пространство, информационные технологии, Интернет, виртуальность, стереотипы, справедливость, марксизм, Другой.

Abstract. The paper attempts to view the process of cyberinclusion from the perspective of social philosophy. On the one hand, virtualization of social life makes it possible to include each member of society in the global information space irrespective of their skills, age or skin color, which makes us closer to the ideal of social equality and justice. On the other hand, cyberinclusion may hide certain threats, both immanent to social reality in general, and related exclusively to the virtual sphere.

Keywords: inclusion, global information space, information technologies, Internet, virtual reality, stereotypes, justice, Marxism, the other.

Маршалл Маклюэн, канадский философ и автор известной метафоры «глобальной деревни», рассматривал медийные технологии как наши внешние расширения, по которым можно очертить контур современного человека, не ограниченный одной лишь телесностью. В эпоху цифровой революции медиа стали продолжением наших сенсорных систем, так же как в эпоху революции индустриальной.

стриальной таким продолжением была прядильная машина [10, с. 42]. Без этих приспособлений, своеобразных протезов, человек начинает чувствовать себя отключенным от реальности, не имея возможности манипулировать объектами окружающей среды и информацией о них в том объеме и темпе, который диктует цифровая эпоха. Их отсутствие сегодня равносильно ампутации, лишению органа, необходимого для жизни «электронмадического киборга» XXI века, которого описывает в своих книгах Уильям Митчелл, теоретик медиа в урбанизированной среде [11, с. 62]. Индивид обретает качества «вещно-функционального узла гигантской паутины» [8, с. 85], поэтому для поддержания своей «узелковой» субъектности расширения ему необходимы, их наличие — условие его интеграции в матрицу общественных отношений, характеризующих современную нам эпоху.

Виртуализация социального пространства, сопровождающаяся переключением внимания человека с объектов физической реальности на информацию о них, окружающих людях и себе самом, требует постоянного переосмысления роли Интернета с позиций социальной философии не только для обнаружения всеобщего в тенденциях развития социального, но и с прагматической точки зрения для оптимизации условий коммуникации, опосредованной технологической мембраной и выявления факторов интеграции человека как индивидуальности, обладающей неповторимой совокупностью черт, в социальное пространство. В статье будет дана попытка проанализировать роль медиатехнологий, в частности Интернета, в процессе инклюзии в широком смысле термина, то есть с точки зрения вовлечения «лиц с ограниченными возможностями в общий поток общественных процессов» [4, с. 43], что является необходимым звеном механизма воплощения в обществе идей равенства и справедливости.

В марксистской традиции о справедливости принято говорить с момента возникновения элементов распределительной системы, которая на ранних этапах развития общества эволюционировала от уравнилельных форм распределения результатов коллективного труда до учета степени причастности человека в совместной деятельности [1, с. 32]. Именно тогда естественное, обусловленное природными предпосылками неравенство между людьми стало основой неравенства общественного и общественных отношений в целом. В дальнейшем, в связи с появлением частной собственности и наследования власти оно стало сопровождаться неравенством социальным, не зависимым от физических и умственных способностей человека. Параллельно формированию общественных структур развивались представления человека о равенстве и такой социальной справедливости, которая учитывала бы «не только социальные, но и индивидуальные различия и последствия для общества неравной индивидуальной одаренности, применив неравную мерку к неодинаковым людям» [1, с. 69]. Эти идеи стали предпосылкой возникновения марксистского учения о труде, равенстве и справедливости. Так, К. Маркс писал:

«Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признаёт неравную индивидуальную

одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями» [5, с. 25].

Тем самым, речь идет о праве человека на равенство и признании неравенства частью человеческой природы. Принятие этой позиции в практике социальной организации необходимо для того, чтобы попытаться уравновесить индивидуальное (особенности каждого члена социума) и общественное (равный статус членов при неравных возможностях), определив эту «мерку» при бесконечных градациях человеческих возможностей и способностей. Диалектика единичного, особенного и общего особенно остро проявляется в вопросе определения статуса инвалидности для решения связанных с этим социальных задач: какие конкретно состояния обозначать этим термином, какие меры необходимы для обеспечения равного доступа к благам, равных возможностей и прав, как при получении статуса человека с ограниченными возможностями, дающего в обществе определенные преимущества, льготы, избежать стереотипного отношения в профессиональной сфере и межличностном общении и т.д.

Понимание инвалидности в марксистском ключе мы находим в работах Хелен Келлер, известной американской писательницы, боровавшейся с «социальной слепотой и глухотой» в своих манифестах и статьях. Она выступала за расширение образовательных возможностей для инвалидов, утверждая при этом, что создание условий для социализации и профессиональной самореализации каждого индивида — это ключ к решению задач, связанных с инвалидностью с социальной, а не чисто медицинской точки зрения:

«Теперь мы знаем, что благосостояние целого народа необходимо для благосостояния каждого. Мы знаем, что слепые отстранены от полезной деятельности не только в силу их неспособности. Их бездействие в первую очередь вызвано условиями, которые лишают сотни тысяч людей средств к существованию» [9, с. 36].

Пример самой Келлер доказывает, насколько высока трудоспособность человека с самыми тяжелыми проблемами со здоровьем, признаваемыми отклонениями, не совместимыми с возможностью профессиональной самореализации, при условии организации благоприятной внешней среды.

Марксистская теория предполагала, что с переходом к коммунизму доля распределения благ по потребностям, в том числе в связи с нетрудоспособностью, должна неуклонно увеличиваться. Сегодня эти идеи можно пересмотреть в свете использования новых технологий, которые помимо того, что способствуют увеличению прибавочного продукта и освобождению человека от экономической зависимости, также позволяют по-новому структурировать общественную сферу, создавая предпосылки для инклюзии как в реальном пространстве, так и в киберсреде. Рассмотрим основные преимущества и недостатки «киберинклюзии» в сравнении с инклюзией, попытки внедрения которой мы можем сегодня наблюдать во многих учебных заведениях страны.

К основному преимуществу киберинклюзии можно отнести преодоление физической изоляции индивида виртуальными средствами. Меры, которыми сопровождается инклюзия на практике, в частности в системе образования, требуют колоссальных усилий и денежных средств: необходимо оснастить все учебные заведения, охваченные проектом, не только лифтами и пандусами, но и другим специализированным оборудованием для разных категорий инвалидов (тифлотехникой, световыми сигнализаторами, тактильными дисплеями и т.д.).

Возможно, еще более трудная задача в рамках этой реформы — обучить всех педагогов, вне зависимости от того, с какой категорией учащихся им придется работать. Помимо того, что эти меры требуют финансирования, их невозможно внедрить повсеместно в краткие сроки.

Организация киберпространства делает информацию, в том числе образовательного характера, доступной уже сейчас. Выход за рамки соматичности сопровождается созданием и поддержанием дистанционной интерактивной среды, что, в частности, выражается во включении всех участников образовательного процесса в системы поддержания связи, такие как форумы, чаты и т.д. Доступность — ключевое понятие для киберинклюзии. О.В. Шевкун, отечественный специалист интернет-радиовещания, пишет об универсальности виртуальной среды, открытой всем без исключения; здесь возможно преодоление барьеров, стоящих на пути социальной интеграции людей с ограниченными возможностями, поскольку обработка информации основывается на оперировании двоичным кодом и при условии использования специального программного обеспечения правильно выбранный канал ввода и вывода информации может способствовать включению инвалидов в этот процесс [7]. Мультиmodalность киберсферы позволяет замещать неработающий канал при дисфункции анализатора.

Еще одна особенность виртуальной коммуникации, которая, на первый взгляд, затрудняет достижение взаимопонимания в интеракциях, как любая опосредованность, в той или иной степени представляющая собой преграду между контактирующими, позволяет, с другой стороны, рассматривать киберпространство как среду для общения людей в условиях, когда непосредственный контакт вызвал бы существенное искажение в передаче информации. Речь идет о том, что биологические и социально-демографические характеристики человека, являющиеся его неотъемлемыми признаками в непосредственной интеракции, часто становятся фактором отчуждения, вызывают стереотипные реакции, ложась в основу формирования предвзятого подхода к индивиду, «навешивания ярлыков». В условиях виртуального взаимодействия эти свойства отходят на задний план, замещаясь знаковой мембраной, репрезентирующей индивидуальное сознание по ту сторону Сети. Пока индивид действует в компьютерно-опосредованном пространстве как пользователь, киберсуществование помогает ему преодолеть эти факторы отчуждения: для одних это биологические признаки (в том числе дисфункция систем организма), для других — социальные (такие, как уровень дохода) или демографические (например, гендер). Внешность здесь заменяется визуальным знаком-репрезентативом, аватаром, что предполагает практически неограниченные модификации человеческой телесности [16]. Виртуальное инобытие позволяет человеку ощутить себя наравне с Другим, не хуже и не лучше, не скованным условностями и не обделенным правами, не страдающим от предрассудков окружающих и дискриминации, но и не изолированным, а свободным членом общества [2].

Освобождение человека для реализации его творческого потенциала было неотъемлемой частью мечты марксизма. Однако тревога по поводу состояния индивида в медиатизированной, виртуализованной среде симулякров, звучащая в работах зарубежных и отечественных ученых [6; 8], небезосновательна. Интернет — это инструмент, которым можно как принести пользу, так и причинить вред, что не может не отразиться на механизме включения людей с ограниченными возможностями в социальную киберсреду.

Опосредованность, медиативный характер виртуальной сферы, тесно связаны с анонимностью. Это одна из опций киберобщения, которой можно воспользоваться для маскировки свойств, не устраивающих пользователя в себе самом или, по его мнению, вызывающих негативные реакции среди его окружения. За пределами специализированных социальных сетей людям с ограниченными возможностями не всегда комфортно упоминать об этом в профиле учетной записи. Такая маркировка, если она вообще предусмотрена на конкретной платформе, напоминает соответствующий стикер на стекле автомобиля: она предполагает определенные преимущества, но при этом создает повод к стереотипизации, выражающейся по-разному: от проявлений жалости до отторжения, неприятия на психологическом уровне и отчуждения — на социальном. Например, то, что в школьной повседневности принято называть буллингом, травлей, издевательствами над отдельными членами коллектива, в сетевом взаимодействии обретает форму троллинга, оскорблений или злонамеренной деанонимизации, отнюдь не редких в отношении инвалидов.

Стереотипизация — это механизм для распознавания объекта как относящегося к определенному типу, являющийся необходимым звеном в процессе социализации, формирующей картину мира [3]. Опасность стереотипов проявляется когда они задействуются априорно, для рассортировки объектов по группам до непосредственного контакта с ними. В свете рассматриваемой проблемы можно вспомнить один из последних фильмов, вызвавший полемику в сообществе глухих во всем мире. Лента французского режиссера Эрика Лартиго «Семейство Белье» (2014 г.) была названа «кинематографическим оскорблением», что выразилось в демонстрации «эстетической глухоты», мисрепрезентации проблем слабослышащих людей во французском обществе, показанных в комедийном жанре [13]. Одним из побочных мотивов в фильме стала сюжетная линия, в центре которой глухонемой отец семейства выдвигает свою кандидатуру на должность мэра города — казалось бы, симптом социальной интеграции, подкрепленный по сценарию победой кандидата. Однако фильм не избежал стереотипов, во многом в связи с тем, что режиссерский и актерский состав набирался из слышащих людей, не владеющих языком жестов. Медиа, как школа и семья, формируют отношение общества к этим проблемам, поэтому необходимо, чтобы в информационной среде циркулировали версии, отражающие разнообразные взгляды на способы их решения, в том числе от лица непосредственно вовлеченных групп. Это особенно важно при дефиците прямого контакта между элементами социальной структуры, с чем и призваны бороться инклюзивные меры. Вот одна из точек зрения, артикулируемая членами сообщества людей с ограниченными возможностями:

«Инвалидность не является частью вашей личности. Вместо этого, как раса или пол, она является частью контекста, в котором развивается ваша личность. Часто на инвалидов навешивают ярлык, как будто мы все одинаковы. Это преумножает опыт, который люди с ограниченными возможностями получают в системе образования, где школы, как правило, объединяют детей-инвалидов, независимо от тяжести или типа дисфункции» [15]. Автор статьи признает, что это может быть практичным для школы, но ограничивает самих учащихся-инвалидов и поощряет общий страх перед инвалидностью среди остальных людей. Его выбор — выход в неограниченное виртуальное пространство и абсолютная открытость в онлайн-коммуникациях, дающая уве-

ренность в том, что люди ценят его как индивидуальность, независимо от статуса.

Существуют и другие опасности Сети, связанные со стереотипизацией и анонимностью. Например, фетишизация — сайты знакомств для людей с ограниченными возможностями посещают лица со специфическими парафилиями, маскирующиеся под членов онлайн-сообщества [15]. Различные виды парафилий, объединенные общим термином «манкофилия», или влечение к людям с любимыми соматическими или психическими дисфункциями [12, с. 116], процветают на благодатной почве анонимного общения, что может приводить к травматичным ситуациям для инвалидов.

К технологическим проблемам киберинклюзии можно отнести отсутствие адаптированных технологий для пользователей со специфическими ограничениями. Точнее, сегодня уровень развития технологий уже позволяет людям со всевозможными нарушениями компенсировать их; даже проблемы инвалидов по зрению при включении во всемирное информационное пространство решаемы благодаря использованию скринридеров и систем увеличения экрана. Проблема, однако, заключается в адаптации программного обеспечения (в том числе при русификации имеющихся программных продуктов) и методического сопровождения [7]. Использование неадаптированного программного оборудования занимает часы для ознакомления с одной веб-страницей, а включение флеш-плееров в принципе делает это неосуществимым, что не может не вызывать фрустрацию [14].

Возможно, наиболее серьезной проблемой киберинклюзии выступают не технологические трудности, в принципе преодолеваемые, а потенциальная потеря чувства реальности, которая грозит любому пользователю Интернета. Вероятно, инвалиды более чувствительны к «переключению кода» с реального на виртуальный, в котором у них появляются возможности восполнить лакуны реальности. Вспомним фильм «Аватар» режиссера Джеймса Кэмерона (2009 г.), где по сюжету разум инвалида подключается к управлению искусственно выращенной телесной оболочкой-аватаром, которая становится субстратом для дальнейшего существования главного героя в условиях инопланетной жизни. Этот сюжет стал метафорой для описания человеческого бытия в иноформе виртуальной реальности. Словенский философ Славој Жижек, анализируя выбор героя, приходит к выводу, что бегство от реальности и ее замена фантазией не решит его проблем [17]. При всем несовершенстве окружающего мира и человека в нем, вне зависимости от его мироощущения и принятия или неприятия существующей ситуации, мир фантазий нам необходим так же, как физическая реальность.

В статье была предпринята попытка рассмотреть с социально-философских позиций преимущества и недостатки осуществления инклюзивных мер в условиях киберсреды. С одной стороны, киберинклюзию характеризует информационная доступность и более широкие возможности интеграции инвалидов в социальное пространство, что приближает современное нам общество к идеалу равенства и справедливости. С другой стороны, она таит в себе ряд опасностей, как характерных для социальной реальности (стереотипизация), так и исключительно присущих сфере виртуального (анонимизация, чувство потери реальности). Необходимо принять тот факт, что киберинклюзия уже существует, наряду с киберсоциализацией: растет не только количество специализированных сайтов, но и индивидуальных пользователей, готовых выйти из зоны комфорта,

за пределы сообщества. Поэтому помимо принятия мер по адаптации технологий нужно адаптировать и самих пользователей, вне зависимости от их статуса и состояния здоровья, к коммуникации без границ и к контакту с Другим.

Список литературы

1. Бутенко А.П., Дегтярь Л.С., Киселев В.П. и др. Социализм: социальная справедливость и равенство. — М.: Наука, 1988. — 224 с.
2. Вавилова Ж.Е. Виртуальный карнавал как пространство знаковой репрезентации субъекта // Информационное общество. — 2014. — № 5–6. — С. 56–62.
3. Вавилова Ж.Е. Эпистемическая несправедливость и принцип диалогичности // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2014. — № 8. — С. 100–104.
4. Мамедзаде Н.К. Принципы инклюзии в социально-философском аспекте // Человек. Общество. Инклюзия. — 2017. — № 3 (31). — С. 43–47.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. — Directmedia, 2015. — 697 с.
6. Чистякова О.В. Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. — 2016. — № 2 (26). — С. 90–98.
7. Шевкун О.В. Информационное пространство: мир без барьеров // Информационное общество. — 2010. — № 1. — С. 41–45.
8. Щелкунов М.Д. Образование в человеческом измерении: Серия очерков / М.Д. Щелкунов, А.В. Петров. — Казань: КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. — 98 с.
9. Keller H. Helen Keller, Her Socialist Years: Writings and Speeches / Ed. Ph. Sh. Foner. — International Publishers, 1967. — 128 p.
10. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. — Gingko Press, 2003. — 616 p.
11. Mitchell W.J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City. — MIT Press, 2004. — 269 p.
12. Pregartbauer L., Schnell T., Kasten E. Body Integrity Identity Disorder and Mancophilia: Similarities and Differences // American Journal of Applied Psychology. — 2014. — № 3 (5). — P. 116–121.
13. Reboulleau L. Une journaliste anglaise sourde s'en prend à «La Famille Bélier» [Электронный ресурс] // LCI. Режим доступа: <https://www.lci.fr/cinema/une-journaliste-anglaise-sourde-sen-prend-a-la-famille-belier-1566826.html> (дата обращения 07.12.2017).
14. Rust E. How the internet still fails disabled people [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2015/jun/29/disabled-people-internet-extra-costs-commission-scope> (дата обращения 07.12.2017).
15. Sykes T. Online dating is hard enough. Try doing it with a disability [Электронный ресурс] // The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/18/online-dating-with-disability-match> (дата обращения 07.12.2017).
16. Vavilova Z. Digital Monsters: Representations of Humans on the Internet // Sign Systems Studies. — 2015. — № 2–3. — С. 173–190.
17. Zizek S. Avatar: Return of the natives. [Электронный ресурс] // NewStatesman. Режим доступа: <http://www.newstatesman.com/film/2010/03/avatar-reality-love-couple-sex> (дата обращения 07.12.2017).

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА КАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ

THE ONTOLOGICAL TREATMENT OF THE CATEGORY OF RELATIONSHIP

АВДОШИН Георгий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного энергетического университета (e-mail: avdoshing@gmail.com)

AVDOSHIN Georgiy Valer'evich — Candidate of Philosophical Science, assistant professor, Kazan State Power Engineering University (e-mail: avdoshing@gmail.com)

Аннотация. Категория отношения, начиная с Аристотеля, имеет прежде всего логико-гносеологический смысл и служит для описания отношений единичных вещей (первых сущностей). В настоящей статье она рассматривается под иным углом зрения, а именно как взаимодействие первопринципа с миром вещей, взаимодействие единого и многого. А так как многое является по сути своей проявлением единого, то отношение становится отношением единого с самим же собой. Человек символически реализует и поддерживает эту взаимосвязь через жертвоприношение.

Ключевые слова: отношение, обмен, единое и многое, символ, сознание, жертвоприношение

Abstract. Starting with Aristotle the category of relationship primarily has a logical-gnoseological meaning and serves for describing relationships between individual things. In the given paper it is considered from another point of view, namely as an interaction between the first principle and the world of things, the one and the many. As the many is in essence a manifestation of the one, the category of relationship describes the relationship of the one with itself. The man symbolically realizes and supports this interrelation through sacrifice

Keywords: relationship, interchange, the one and the many, symbol, consciousness, sacrifice

Как известно, Аристотель, рассматривая категорию отношения («соотнесенного»), полагал, что сущности, особенно первые сущности, т.е. единичные вещи, не могут быть описаны с ее помощью, ведь категория сущности, в отличие от остальных девяти, обладает субстанциальным бытием. Об отдельном человеке, например, нельзя сказать, что он отдельный человек чего-то. Правда, философ отмечал, что вопрос этот трудный, требующий многократного обсуждения. Быть соотнесенным — значит находиться в отношении к чему-либо. Зная, что такое есть человек, или отдельно рука, или голова по своим сущностям, мы не всегда можем определить, к чему они относятся (чья это голова, или чья рука) [1, с. 66–72]. Данная позиция Аристотеля актуальна, прежде всего, в логико-гносеологическом аспекте. Если же брать онтологический аспект, то единичные вещи должны, на наш взгляд, описываться в первую очередь через

категорию отношения. В онтологическом плане именно отношение определяет бытие единичных вещей, для них находиться в отношении — главное условие их бытия. В настоящей статье мы хотим исследовать категорию отношения в онтологическом аспекте, осмыслив ее не как акцидентальную, но как субстанциальную, когда единичные вещи — это находящийся в общении с самим собой первопринцип мира, парадоксальным образом «рассыпанный» в множественность. Цель статьи — рассмотреть категорию отношения как фундаментальный способ присутствия первопринципа в мире и мира в первопринципе, символическим выражением чего в человеческом измерении полагается жертвоприношение.

Мы будем понимать под отношением главный способ существования вещей, центральную характеристику действительности. За исходную точку рассмотрения можно взять диалектику единого и иного, данную в платоновском «Пармениде», ту ее часть, где постулируется существующее единое (в противоположность запредельному Единому, не причастному бытию), которое оказывается одновременно и единым, и многим, и целым, и частями, и ограниченным и количественно бесконечным [6, с. 374]. Существующее единое, производящее многое и само им становящееся, актуализирует режим отношений, который предстает как главный способ существования этого многого. Единое как многое существует посредством отношений. Здесь можно также сказать о позиции Гегеля, который писал: «Все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее не абстрактно для себя, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собой, и отношение есть единство отношения с собой и отношения с другим» [3, с. 301]. Как только мы переходим от первопринципа к миру сущего (через различные ступени, как в платонизме или диалектике Гегеля), мы оказываемся в пространстве отношений. Если исходить из того, что все сущее происходит из единого источника, то получается, что все сущее и есть некоторым образом этот источник. И поэтому отношение в предельном смысле — это отношение первоисточника с самим собой, выраженное во взаимодействии единичных вещей друг с другом. Данная идея отражена во многих мифах и древних учениях. Например, в «Брихадараньяка упанишаде» мы находим повествование о том, что в начале все было Атманом в виде пуруши (духовного начала), который, не увидев ничего вокруг, произнес: «Я есмь». Тем самым он утвердил себя. Но пуруша не знал радости, потому что был одинок. «Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга... Поэтому пространство это заполнено женщиной. Он сочетался с нею. Тогда родились люди». Дальше говорится о том, что супруга пуруши задумалась о том, как же пуруша мог сочетаться с нею, когда сам же ее и произвел из самого себя? Она решила спрятаться, став коровой. В ответ на что пуруша стал быком — так родились коровы... А затем посредством реинкарнаций пуруши родились овцы, козы и все, что существует в парах [2, с. 74]. Появление множества описывается здесь как процесс своего рода деления первопринципа. Надо заметить, что подобные примеры встречаются не только в древних культурах. Современная биология, скажем, описывает многообразие организмов как следствие деления одной клетки, т.е., в общем-то, по тому же самому образцу.

Получается, что отношения, существующие между вещами, нужны для того, чтобы поддерживать и продлевать существование первопринципа, единого. Когда мужчина и женщина как своего рода раздвоенный Атман сочетаются друг с другом, то в результате снова появляются мужчины и женщины, т.е. снова появляется Атман. И так происходит со всеми остальными существами. Можно сказать, что здесь действует такая арифметика: $1 + 1 = 1$. И на ней держится проявленный мир (маскируясь количественными показателями, когда $1 + 1 = 2$).

Если вслушаться в само слово русского языка «отношение», то можно услышать, что отношение — это когда что-то относят, приносят. Здесь имеет место какая-то «ноша», отношение — это отнесение. Кому относят и что относят? Относят другому, относят какой-то дар с тем, чтобы он затем тоже что-то отнес тебе. Отношение — процесс обмена. Поэтому можно дать такое определение: отношение — основной способ существования многого единого, который осуществляется через единичные вещи в процессе взаимобмена их самими собой. Обмен имеет место на всех уровнях бытия. Эти уровни «скрепляются» друг с другом через такую «скрепу», как символ. Все, что имеет место в этом мире, появилось в результате отделения (рождения, творения) от первоисточка. Отделенное состояние — это состояние множественности. Но так как множественность представляет собой многообразие единиц, а само единое, от которого отделяются вещи, в самих же вещах никуда не девается, то между такими раздробленными единицами устанавливается связь — отношение. Единичные вещи «относят» самих себя самим себе, потому что все они — одно. В таком измерении вещи — это символы, выступающие зримым свидетельством единства. Именно символическая природа вещей позволяет им находиться в цепочке отношений.

В процессе отношения вещей друг с другом формируется сознание. Сознание является результатом отношения, но не в том смысле, что одно предшествует другому, а том смысле, что сознание актуализируется отношением. Сознание — это и есть, в принципе, отношение или, говоря иначе, отношение — способ существования и деятельности сознания. Если взять слово «сознание», то в нем частица «со» (как и в других словах, начинающихся с нее) означает, как известно, объединенность некоего множества элементов в целое, взаимодействие или отношение различных сил в единстве. Сознание формируется в процессе познания. Познание — один из видов отношений, познание можно определить как стремление к единству на уровне разума. Познание предполагает две стороны: познающего и предмет познания. Когда отношения между двумя (как будто) независимыми реальностями, т.е. познающим и предметом познания, приводят к единому целому, познание достигает своего результата, т.е. становится знанием. Знание — это единство познающего и познаваемого. Сознание же, часто определяемое как знание о знании, можно считать местом включения знания как единства познающего и познаваемого в процесс отношений. Для чего познающему познаваемое? Символически отвечая на это вопрос, скажем: для питания, ведь познаваемое — его пища, которая восстанавливает полноту, утоляя голод. Для чего познаваемому познающий? Для того чтобы вернуться к своему истоку и соединиться с ним. Таким образом, эти две стороны «относят» друг другу самих себя.

Здесь, думается, можно вернуться к аристотелевскому человеку «чего-то». Аристотель в определенном смысле произвел изолирование единичных вещей, первых сущностей, наделив их независимым существованием здесь «внизу»,

открыв тем самым путь европейскому типу мышления (который проходил, разумеется, через Средние века). Он базируется на законе тождества, рационализме, материализме и т.д. Отношения вещей здесь предстают именно в аспекте соотношенности («больше — меньше» и пр.). Если же взять платоновский вариант, где идея имеет статус базовой реальности, то тогда категория отношений будет работать в ином ключе. И здесь как раз сознание, включенность вещей как результатов знаний в сознание выступает ключевым моментом отношений. Мы хотели бы привести здесь наблюдение Мамардашвили — Пятигорского в «Символе и сознании», где они пишут, что «... проблема расширения сознательной жизни... в конечном счете сводится к тому, чтобы настроить себя камертоном как инструмент сознательной жизни, в которой могут случаться какие-то новые сознательные опыты, какие-то новые события, и одной из посылок такой настройки является отказ от важнейшей установки европейской культуры, установки на сохранение последовательного и постоянного тождества себя с самим собой, установки вечно сохранять и не потерять себя в потоке смены состояний сознания во времени и их разнообразия в пространстве» [4, с. 90]. Это размышление может быть понято именно в контексте возвращения к неаристотелевскому способу мышления (назовем его платоническим), в котором отдельная вещь — не сущность, но символ, отсылающий к более высокому уровню реальности и устанавливающий отношение с ним. Вещи в логико-гносеологическом смысле равны себе и являются собой. В онтологическом же смысле они подчинены первопринципу своего бытия, самим же себе в своей единичности они равны до тех пор, пока в потоке становления не перегруппируются в иные сочетания, в иные вещи.

Теперь посмотрим на проблему отношений в человеческом измерении. Отношения имеют место на различных уровнях жизнедеятельности человека, от телесного до умственного. Для их поддержания необходим непрекращающийся обмен, который устанавливается между сторонами. Сам обмен, будь то обмен вещами или знаниями, имеет символическую природу. Мы думаем, что его главным символическим эквивалентом является жертвоприношение.

Говоря о жертвоприношении, можно вспомнить 90-ый гимн «Ригведы», где повествуется о том, как космическое существо Пурушу боги приносят в жертву самому себе, в результате чего создается вселенная [8]. В «Брихадараньяке упанишаде» повествуется о творении мира, где Творец, которым является отец всего сущего Брахман, предстает как смерть или голод. Он желает воплотиться. Брахман в ведической литературе отождествляется с Праджапати, который предстает не только как верховный бог, но и как первочеловек, из тела которого создается вселенная. Он является основанием мироздания (в этом отношении Праджапати можно отождествить с ведийским Пурушей). Сам Праджапати становится жертвой и, став ей, он приносит ее сам себе [2, с. 67–69]. Получается, что смысл жертвоприношения — поддержание отношения первопринципа с самим собой. Любое другое жертвоприношение обретает смысл в формуле: тот, кто приносит жертву, жертвует самого себя самому себе. При этом появляется еще что-то другое, например, вселенная.

Итак, жертвоприношение — это символический процесс, который устанавливает взаимосвязь различных уровней и частей реальности. Жертвоприношение представляет собой в первую очередь ментальную операцию, совершающуюся в сознании человека (в узком смысле — в сознании священника, его со-

вершающего) [9, р. 4–5]. Возможно, что жертва — одно из первых проявлений символического мышления человека. Жертвоприношение имеет смысл только в перспективе такой универсальной практики человека, как обмен, частью которого оно, собственно, и является. Жертвоприношение как обмен (в первую очередь) с богами имеет, по меньшей мере, два смысла. Первый: для того, чтобы что-то получить, надо что-то отдать. Второй смысл: все, что есть у человека, принадлежит не ему, поэтому оно должно быть возвращено. Последний смысл анализируется Марселем Моссом в его «Опыте о даре». Там мы читаем: «Одной из первых групп существ, с которыми людям пришлось вступать в договоры и которые по природе своей были призваны участвовать в договорах, оказались духи мертвых и боги. В самом деле, именно они являются подлинными собственниками вещей и благ мира. Именно с ними было необходимее всего обмениваться и опаснее всего не обмениваться. Но в то же время обмен с ними был наиболее легким и надежным. Точный смысл и цель жертвенного уничтожения — служить даром, который будет обязательно возмещен» [5, с. 159]. Таким образом, мы можем еще раз повторить, что жертвоприношение базируется на следующей формуле: чтобы получить, нужно отдать. Жертва образует цепочку отношений, в которой человек приобщается к миру богов (или к миру идей, если говорить философским языком).

Обращаясь снова к проблеме расширения сознательной жизни у Мамардашвили — Пятигорского, можно предположить, что жертвоприношение как раз и представляет собой отказ от последовательного и постоянного тождества с самим собой. В жертвоприношении мы отказываемся от себя и от своего с тем, чтобы напомнить и показать себе, что мы — это не мы, и наше — не наше. Иначе говоря, при жертвоприношении имеет место процесс растождествления, при котором мы становимся людьми (или даже скажем шире — существами) чего-то иного. Расширение сознания предстает здесь как процесс ухода из узких рамок отдельных единичностей в сторону первопринципа. Опираясь на «Ригведу», мы можем сказать: расширение сознания-отношения происходит в силу того, что в результате жертвы (растождествления) всегда появляется еще что-то, жертва приносит всегда больше того, что отдано.

И вот с точки зрения этой цепочки отношений-жертвоприношений мы можем говорить, в противовес (или дополнение) Аристотелю об отдельном человеке чего-то, в целом — об отдельной вещи чего-то. Единичная вещь — это обособленное единое. При этом его обособленность носит условный характер, потому что оно является частью, скажем так, определенного онтологического ряда, берущего начало в запредельном Едином. Отдельные единицы являются частью Единицы. В свою очередь, между вещами и Единым есть промежуточное умное пространство идей. Здесь имеет место описанный Платоном и неоплатониками процесс участия вещей в идеях. Не вдаваясь здесь в подробности этой обширной темы, мы хотели бы упомянуть, что Прокл в «Комментарии к «Пармениду» Платона» называет помимо таких причин участия, как демиургическая сила идей и готовность самих вещей воспринимать эту силу, следующую: это само благо, которое соединяет «сильные» идеи и «готовые» вещи, благо — причина всякого единства [7, с. 225]. А «Благо», как известно, одно из имен Единого.

Итак, мы приходим к выводу, что постулирование единичных вещей — первых сущностей Аристотеля — в качестве самостоятельных объектов является

необходимым моментом для логического и гносеологического анализа мира. Оно представляет собой необходимое условие для научной трансформации реальности (начало которой можно отнести к позднему европейскому Средневековью после того, как оно заново усвоило Аристотеля). Платонизм же в этом сравнении предстает как одно из выражений традиционного описания реальности, наряду, например, с индийскими упанишадами (учение о Брахмане и Атмане), в котором единичные вещи, будучи своего рода носителями высшей реальности, обретают смысл только в отношении к первопринципу, Единому. На человеческом уровне процесс отношения первоначала с самой собой проявляется в жертвоприношении, где Единое «умирает» в единичных вещах, а единичные вещи «умирают» в Едином. И «умирают» они с единственной целью — быть.

Список литературы

1. *Аристотель*. Категории / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
2. *Брихадараньяка упанишада* / Упанишады. В 3-х книгах. Кн. 1. — М.: Наука, Ладомир, 1992. — 239 с.
3. *Гегель Г.Ф.В.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. — М.: Мысль, 1975. — 452 с.
4. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. — М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. — 288 с.
5. *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.
6. *Платон*. Парменид / Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
7. *Прокл*. Комментарий к «Пармениду» Платона. — СПб.: Миръ, 2006. — 896 с.
8. *Ригведа*. Мандалы IX–X. — М.: Наука, 1999. — 560 с.
9. *Coomaraswamy*. An Indian Temple: The Kandarya Mahadeo / Coomaraswamy. Selected papers. Vol. 1: Traditional art and symbolism. — Princeton University Press, 1977.

ПРОЛЕГОМЕНЫ К СОВРЕМЕННОМУ СТАРООБРЯДОВЕДЕНИЮ*

PROLOGOMENA TO THE MODERN OLD RUSSIAN BELIEF

ТОВБИН Кирилл Михайлович — кандидат философских наук, доцент Сахалинского государственного университета (e-mail: kimito@yandex.ru)

АТОРИН Роман Юрьевич — кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета им. К.А. Тимирязева (e-mail: atorin85@yandex.ru)

КОЖУРИН Кирилл Яковлевич — кандидат философских наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: kozhurin@list.ru)

TOVBIN Kirill — Ph.D. in Philosophy. Associated Professor in Sakhalin State University (e-mail: kimito@yandex.ru)

ATORIN Roman — Ph.D. in Philosophy. Associated Professor in Russian Timiryazev State Agrarian University (e-mail: atorin85@yandex.ru)

KOZHURIN Kirill — Ph.D. in Philosophy. Associated Professor in Herzen State Pedagogical University of Russia (e-mail: kozhurin@list.ru)

Аннотация. В статье рассматривается актуальность создания научной антологии, посвященной русскому старообрядчеству, его месту в истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано современным научным сообществом для прояснения уникального курса развития России. Старообрядчество, выработав за столетия своего параллельного сосуществования с Российской империей собственные противодействия западническому курсу, в наши дни является арсеналом духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-политических реалий.

Ключевые слова: старообрядчество, старование, древлеправославие, антология, старообрядоведение, «параллельная Россия», российская цивилизация, русская культура.

Abstract. The article describes the urgency of creating a scientific anthology dedicated to the Russian Old Believers. Russian Old Believers are one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

Special attention is drawn to the Old Believer intellectual heritage in order to clarify the course of Russia's development in the world community of civilizations. The Old Believers have developed their own counteractions to the Western path over the centuries of their parallel coexistence with the Russian Empire. Over the centuries of coexistence with the Russian Empire, the Old Believers developed their own counteractions to the Western path. Nowadays the Old Believers are an arsenal of spiritual, intellectual and cultural methods of resistance to Westernization.

Keywords: *Old Believers, Ancient Orthodoxy, anthology, Old Believer studies, «Parallel Russia», Russian civilization, Russian culture.*

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е — основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошел к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, могущим вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таковых прецедентов весьма немного, но одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество. За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало; ученые-старообрядоведы все чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов — в области семиотики [1; 2] и аналитической культурологии [3; 4; 5; 6], исследований старообрядческой ментальности [7; 8; 9; 10] и повседневности [11], смелых биографических [12; 13; 14], историософских [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23], кросс-культурных [24; 25], социально-философских [26; 27; 28] и геополитических [29; 30; 31] обобщений.

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество — его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990–2000-е годы, чему свидетельством является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия старообрядческих деятелей в общественно-политической деятельности, и популярность самих тем древлеправославия и Раскола в современном медийном дискурсе.

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западническому и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки, старообрядцы планомерно созидали свое социально-экономическое чудо, всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов, российской научно-технической и экономической модернизации, просвещению и демократизации общества, вдохновляли русскую творческую интеллигенцию.

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело связанного на традиционных ценностях, но в то же время необычайно гибко реа-

гирующего на изменения внешней среды — вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине. В отличие от иных примеров «параллельной России» — хлыстов, скопцов или субботников, — староверы были чужды сковывающего интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия все время его существования, но она всегда с лихвой перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества.

Древлеправославие — духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлекссию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни. Старообрядчество во всем цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самим цивилизационным основаниям России. Во многом сохранение этих оснований является заслугой староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творчества, материального и духовного. С XIX века старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «Русского модерна» во всех его направлениях, от традиционалистского до авангардистского [16, с. 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий — богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты — всегда вдумчиво изучали западный дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [15, с. 59], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин — условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа.

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трехсотлетнюю историю [6, с. 101], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самосожженцы встречали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере, поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [15, с. 60].

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной, национальной демократии. Начала соборности, исстари присущие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточным хозяйственными общинами: Выговским общежительством, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волюнтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [10, с. 74–75]. Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуникации и сообщества, но на ос-

нове традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих соглашениях.

История старообрядческой мысли и письменности — кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д.С. Лихачёва и А.И. Солженицына, в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители. Однако имеются весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых — музейное представление о староверии, на другом — фантастическое, не подтвержденное реальной жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности — ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию раскола XVII века: его причины, ход, последствия. Все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [9, с. 19]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия — культ образованности и книжности, логоцентризм и сохранность языка, соборность и здравый национализм, самоорганизация и сетевые коммуникации, патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований — не являлись изначально продуктами некоей старообрядческой идеологии. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, проходя конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей свое присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен.

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Конкретнее, сборник, *во-первых*, должен содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Второй блок должен включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственническом формате;
- работы либеральных историков, перекрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX века — времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России.

Третий блок должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведенный перечень не является планом антологии; конкретная структура и перечень включенных текстов и отрывков требовали предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящен отдельный очерк.

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиозно-ведческие справки, должны перенести древлеправославие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители — известные исследователи разных сторон старообрядчества — в ряде вопросов находятся на разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю, в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данностей староверия.

Подытожим: антология актуальная не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. Поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема иной статьи.

Список литературы

1. *Кожурин К.Я.* Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им А.С. Пушкина. — 2012. — № 4. — С. 69–77.

2. Расков Д.Е. Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. — 2012. — № 6. — С. 82–94.
3. Баев В.Г., Давыденкова А.Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им А.С. Пушкина. — 2012. — № 1. — С. 220–228.
4. Мурашова Н.С. Персоносфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 45. — С. 71–85.
5. Потехина Е.А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. — 2017. — Vol. 2. — № 1. — С. 77–89.
6. Пулькин М.В. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самоожжений // Культурно-историческая психология. — 2012. — № 2. — С. 96–103.
7. Урушев Д.А. Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. — 2010. — № 4. — С. 116–123.
8. Аторин Р.Ю. Религиозное мировоззрение протопopa Аввакума и влияние его деятельности на развитие экклесиологии старообрядчества: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. — Белгород: БелГУ, 2009.
9. Шахов М.О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философские основы и социальная позиция. — М.: Изд-во РАГС, 2001.
10. Чистяков Г.С. Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Труды ВНК к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. Ч. 2: История, книжность и культура русского старообрядчества. — Ярославль, 2008. — С. 73–75.
11. Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. — М.: Молодая гвардия, 2014.
12. Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. — СПб.: Питер, 2007.
13. Кожурин К.Я. Боярыня Морозова. — М.: Молодая гвардия, 2012.
14. Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. — М.: Молодая гвардия, 2013.
15. Бобков А.И. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2017. — Т. 19. — С. 57–62.
16. Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? — М.: Культурная революция, 2008.
17. Керов В.В. Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Ответственные науки и современность. — 2010. — № 5. — С. 111–125.
18. Кожурин К.Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ. — 2015. — № 5. — С. 55–58.
19. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. — М.: Концептуал, 2016.
20. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
21. Товбин К.М. Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2013. — № 1. — С. 109–120.

22. Урушев Д.А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. — М.: Вече, 2013.

23. Хирьянова Л.В. Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной старообрядческой культуры // Общество и этнополитика. Материалы III НПКСиБАГС / ред. Савинов Л.В. — Новосибирск: Изд-во СиБАГС, 2010. — С. 209–216.

24. Агеева Е.А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI МНПК. — Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2015. — С. 20–26.

25. Бубнов Н.Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. — 2016. — № 4 (56). — С. 54–63.

26. Баев В.Г., Воронова-Оренбургская С.О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. — 2011. — Вып. 22. — № 30. — С. 27–31.

27. Муравьев А.В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. — 2010. — № 10. — С. 35–47.

28. Романова Е.В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012.

29. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку. — Владивосток: ДВО РАН, 2013.

30. Дутчак Е.Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. — 2010. — № 3. — С. 163–172.

31. Урушев Д.А. Начало русской драмы // История в подробностях. — 2013. — № 7 (37). — С. 20–25.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ФОМЫ АКВИНСКОГО

POLITICAL PHILOSOPHY OF THOMAS AQUINAS

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и философии МГТЭУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — The Candidate of Philosophical Sciences. The Head of Chair of History and Philosophy, MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена реконструкции политической философии Фомы Аквинского. Рассматривается учение мыслителя о законе, о генезисе и сущности политической власти, границах гражданского послушания. Автор концентрирует внимание на взаимосвязи политических воззрений Фомы Аквинского с общетеоретическими установками его обширной философской системы.

Ключевые слова: Фома Аквинский, Средневековье, власть, государство, закон, форма правления, мораль.

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of political philosophy of Thomas Aquinas. It deals with the thinker's doctrine of the law, genesis and the essence of political power, the limits of civil obedience. The author focuses on the relationship of political views of Thomas Aquinas with general theoretical principles of his extensive philosophical system.

Keyword: Thomas Aquinas, the middle ages, power, state, law, form of government, morality.

По глубине анализа и диапазону обсуждаемых тем Фома Аквинский (1225–1274) входит в когорту крупнейших западных мыслителей. Созданный им многоплановый синтез христианского вероучения и достижений античной мысли оставил заметный след в развитии основных областей философских знаний, этим синтезом охватываемых, и не потерял своей значимости и поныне.

Фома Аквинский известен главным образом как выдающийся метафизик и теолог. Политическая составляющая его многоплановой философской системы изучена, особенно в нашей стране, значительно меньше (Б.Н. Чичерин, В.С. Нерсисянц). Современные отечественные исследования, посвященные данной теме, сконцентрированы на отдельных (по преимуществу правовых) аспектах политической доктрины мыслителя (Л.В. Битеев, К.А. Туганаев, В.П. Сальников). Истоки и взаимосвязь рассматриваемых аспектов остаются, как правило, не проясненными. Настоящая работа дает развернутую экспозицию философских оснований указанной доктрины, связывающих ее отдельные детали в единое целое.

В отличие от большинства других классиков политической мысли Фома Аквинский не оставил отдельной работы, которая содержала бы систематическое изложение его взглядов на общество и государство. Компоненты разделяемой им политической теории представлены сразу в нескольких сочинениях, из которых первостепенное значение имеют вторая часть «Суммы теологии», трактат «О правлении государя» (1267), «Комментарии на Сентенции Петра Ломбарт-

ского» (1252–1256), а также «Комментарии на Политику Аристотеля» (1271–1272).

Фундамент политической концепции Фомы образует учение о сущности и видах законов, являющееся наиболее известной и остро дискутируемой частью его многогранной философской системы [22, введение].

В своем учении о законе Фома исходит из основополагающей идеалистической установки, согласно которой существование и функционирование всякой вещи обусловлено ее идеей, или формой [22, введение]. Впервые четко сформулированная Платоном, эта установка получила дальнейшую конкретизацию у Аристотеля, а затем, будучи переосмыслена в христианском духе Августином [11, с. 303], заняла ключевое положение в пространстве средневековой мысли. Показательно, что именно Аристотель и Августин оказали определяющее влияние на формирование собственно философской составляющей учения Аквината.

В самом общем виде Фома определяет закон как «меру и критерий» должного действия, направленного на достижение определенной цели. Обязывающая сила закона отражается в самой этимологии данного слова. Согласно Фоме, «закон» (*lex*) происходит от «связывания» (*ligandum*). Неразумные творения подчиняются законам неосознанно, посредством изначально присущим им стремлениям, инстинктам и склонностям. Человек как создание мыслящее способен следовать законам осознанно. В силу двойственности своей природы человек может рассматриваться не только как существо «измеряемое и регулируемое», но и как существо «измеряющее и регулирующее» [17, с. 285].

Детально разбирая фундаментальные признаки всякого закона как такового, Фома в первую очередь указывает на соотнесенность последнего с разумом. Выше отмечалось, что, согласно Фоме, закон есть «мера и критерий» должного действия. Но критерием и мерой действий человека как существа мыслящего является разум, поскольку именно эта способность отвечает за цель и средства ее реализации. Таким образом, неразумные, в том числе абсурдные и противоречивые предписания, силой закона обладать не могут.

Следующая неотъемлемая характеристика закона — направленность на общее благо. Фома исходит из доминирующей в античной и средневековой этической мысли эвдемонистической модели, согласно которой предельной целью человеческого существования является счастье [17, с. 287]. Руководствуясь данной установкой, Фома указывает на то обстоятельство, что закон, задающий нормы практической деятельности, должен соотноситься с порядком по отношению к счастью. Однако человек как существо социальное является частью общества. Но любая часть, утверждает Фома вслед за Аристотелем [4, с. 379], вторична по отношению к целому, вне связи с которым она собой быть не может. Поэтому регулируя социальное взаимодействие, закон должен предписывать не всякий порядок, а лишь тот, который направлен на достижение общего блага.

Упорядочивание социальной жизни в направлении достижения общего блага не может быть частным делом отдельного лица. Поэтому установление закона есть дело либо всего народа, либо публичного лица, которое имеет попечение о народе. Аргументируя данное положение, Фома, в частности, указывает, что реализация закона предполагает возможность наказания. Отдельное лицо этим правом обладать не может [17, с. 289]. Последнее — прерогатива легитимной власти.

И наконец, четвертый признак закона — публичность. Чтобы выступать регулирующим началом жизни граждан, закон должен быть им известен, поэтому в подавляющем большинстве случаев законы записывали и обнародовали. Опираясь на Исидора Севильского, Фома находит в этимологии закона еще один лексический оттенок: закон (*lex*) есть производная от «чтение» (*legare*) [10, с. 75].

Ряд современных исследователей полагает, что в своем учении о существенных характеристиках закона Фома имплицитно руководствовался аристотелевской концепцией о четырех видах каузальности: рациональность закона соответствует формальной причине, его направленность на общее благо — причине целевой, легитимность — причине действующей, наконец, публичность — причине материальной [25].

Во избежание возможных недоразумений сразу следует подчеркнуть, что предлагаемая Фомой концепция закона носит сугубо философский, а точнее — идеалистический характер. Фома говорит не о фактическом положении дел, т.е. не о том, что называется законом в повседневной или юридической практике, а об умозрительной сущности закона как такового. При этом должное составляет основу фактического. Сначала равенство, а затем более или менее равные вещи, но не наоборот. Такой же подход применяется Платоном и Гегелем при осмыслении сущности государства, а также Кантом в ходе его обоснования морали [12, с. 388; 7, с. 247].

Фома различает четыре основных вида законов: закон вечный, закон естественный, закон человеческий и закон божественный. Фундаментальное положение в иерархии законов принадлежит закону вечному. Его непосредственным следствием является закон естественный, на котором, в свою очередь, базируется закон человеческий. Божественный закон естественному не противоречит, но оказывается доступным человеку не через разум, а посредством Откровения.

Понятие «вечного закона» (*lex aeterna*) Фома [17, с. 311] заимствует у Августина, который, со своей стороны, мог в данном случае опираться и на античную (стоическую) и христианскую традиции. В работе «О свободном решении» Августин определяет «вечный закон» как основу справедливой упорядоченности сущего или, говоря его собственным языком, как то, благодаря чему справедливо, что все вещи находятся в совершенном порядке» [21, с. 13]. Порядок есть «расположение равных и неравных вещей, дающее каждой ее место» [1, с. 1028].

Родовым к категории «вечного закона» выступает у Фомы библейское понятие премудрости (Прем. 8:23). В соответствии с двумя важнейшими христианскими догматами — о творении и промысле — Аквинат различает в данном понятии два аспекта. Премудрость выступает, с одной стороны, как искусство, а с другой — как закон. Посредством искусства мироздание создается, а посредством закона — управляется. Как в уме мастера предшествует образ того, что должно быть создано при помощи искусства, так и в уме любого правителя должен предсуществовать образ порядка, которому должны следовать его подданные» [17, с. 310]. Впрочем, в ряде мест Фома вслед за Августином [2, с. 47] дает «вечному закону» и более широкую трактовку, отождествляя последний с истиной. «Любое познание истины есть как бы некое изливание и причастность вечному закону, который есть неизменная истина» [17, с. 312].

Современные исследователи интерпретируют «вечный закон» Фомы как тотальную совокупность «научных законов» (физического, химического, биологического и психологического плана), лежащих в основании функционирования «вечной вселенной» [24].

Рассматривая *lex aeterna* как прообраз и источник всех прочих законов, Фома опирается на широко используемое в Средние века аристотелевское представление о всеобщей взаимосвязи движущих начал [17, с. 314]. В рамках данной объясняющей модели всякое движущее начало само получает силу от начала вышестоящего. Причем во избежание дурной бесконечности ряд этот мыслится завершенным началом абсолютным, в посторонней энергии не нуждающимся. «Поскольку вечный закон есть план управления высшего управителя, то необходимо, чтобы все планы управления нижестоящих управляющих были производными от этого плана. Но все таковые планы, насколько они здравомысленны, настолько выводятся из вечного закона» [17, с. 314]. Все, что совершается в отдельном городе, должно получить соответствующую санкцию со стороны его правителя, который сам, в свою очередь, должен согласовывать свои распоряжения с волей правителя всего государства. Аналогичным образом и в случае производственной деятельности: мастер дает задания подмастерьям, каждый из которых на своем уровне трудится над реализацией общего плана, обусловленного целью заказа.

Утверждая существование единого управляющего начала, Фома подкрепляет собственную точку зрения авторитетом Августина [17, с. 314], утверждающего, что «во временном законе нет ничего справедливого и законного, кроме того, что люди вывели из вечного закона» [21, с. 13]. В данном случае любопытна переключка позиции двух наиболее авторитетных философствующих отцов Церкви с точкой зрения язычника Гераклита Эфесского, которого ни Фома, ни Августин, по-видимому, никогда не читали. «Все человеческие законы зависят от одного — божественного», — утверждал Гераклит. Он же указывал на то, что закон заключается «в повиновении воле одного» [20, с. 197, 247]. Впрочем, и для Августина, и для Фомы, исходивших из представления о согласованности истин веры и истин разума [9, с. 400], в переключке их воззрений с идеями античных философов не было бы ничего удивительного.

Будучи последовательным приверженцем апофатической традиции (в число главных идейных вдохновителей Фомы, наряду с Аристотелем и Августином, входит также Дионисий Ареопагит [7, с. 398]), Аквинат указывает, что вечный закон постигается нами лишь частично. Познавая царящий в мире порядок, обусловленный существованием вечного закона, мы имеем дело не с сущностью последнего, а лишь с его проявлением. «Хотя вечный закон познается всеми сообразно их способностям... тем не менее никто не может постигнуть его полностью, так как он не может быть полностью явлен в своих следствиях» [17, с. 312].

На уровне сознания вечный закон проявляет себя как «закон естественный». Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от современного словоупотребления, в рамках которого под «естественным законом» обычно понимается необходимая существенная связь между природными явлениями, «естественный закон» Фомы охватывает не природные явления, а область действий человека. Мы уже знаем о том, что, согласно Фоме, вселенная устроена рационально. Все вещи стремятся к достижению соответствующих их внутрен-

ней природе определенных целей. Этому универсальному принципу подчинена не только природа, но и человек. Набор изначально присущих человеку установок-склонностей, направляющих практическую деятельность человека как существа разумно-нравственного, и составляет содержание закона, который Фома называет «естественным» (*lex naturalis*). «Среди всех прочих разумное творение подчиняется божественному провидению неким превосходным образом, поскольку и само причастно провидению, провидя о себе и других... И эта причастность вечному закону в разумном творении называется естественным законом» [17, с. 293]. Если допустимо сопоставление с современными философскими учениями, то в вопросе о природе человека Фома занимает позицию, противоположную экзистенциалистской точке зрения, согласно которой не сущность определяет существование, а напротив, существование — сущность.

Порядок предписаний естественного закона соответствует трем уровням человеческого существа [17, с. 326]. Во-первых, в силу схожести с прочими субстанциями, человек стремится к самосохранению. Во-вторых, как часть животного мира, человек склонен к «тому, чему природа научила всех животных», например продолжению рода, заботе о потомстве. В-третьих, будучи существом разумным, человек стремится «к познанию истины о Боге и к жизни в обществе». Небезынтересно отметить, что обладание собственностью Фома — вместе с греками и вопреки мыслителям Нового времени — к разряду естественных прав не причисляет. В то же время было бы ошибочным считать этот компонент позитивного права противоестественным. «Обладание имуществом не противоречит естественному закону, а дополняет его, и придумано оно человеческим разумом» [19, с. 233].

Предписания естественного закона являются не только требованиями нашей природы. Они получают одобрение и со стороны разума. В учении Аквината «разумное» и «естественное» не противопоставляются, а поддерживают друг друга. Предрасположенности нашей природы и предписания разума ведут к одной и той же цели, каковой является благо. И в этом смысле «разумное», «естественное» и «благое» оказываются понятиями взаимозаменяемыми. В данном случае Фома мог опираться не только на телеологию Аристотеля, но и на этику стоиков, в соответствии с которой для человека как существа мыслящего добродетель, т.е. привычка поступать по разуму, естественна, а порок, т.е. привычка руководствоваться страстью, — нет [15, с. 78–79].

В области практической деятельности указанные выше требования естественного закона занимают такое же определяющее значение, каковое принадлежит началам знания в сфере деятельности теоретической. Фундаментальным принципом последней является закон недопустимости противоречия. Регулирующим началом деятельности практической служит максима, требующая искать блага и избегать зла. Оба указанных принципа носят интуитивный характер и в обосновании не нуждаются. Более того, они составляют необходимое условие всех знаний выводного плана (как теоретических, так и практических).

Согласно Фоме, *lex naturalis* коренится в самой человеческой природе, а потому его предписания носят сверхиндивидуальный характер и не зависят ни от времени, ни от места, ни от культуры [24]. Будучи общим для всех разумных существ, естественный закон остается неизменным и не может быть искоренен из людских сердец. «Естественный закон, в том, что касается общих начал, един для всех и в отношении правильности, и в отношении известности» [17, с. 330].

В свете сказанного проясняется смысл названия «естественный закон». Естественный закон отличается, во-первых, от закона вечного, пребывающего в Боге, во-вторых, от закона человеческого, созданного людьми, и наконец, от закона божественного, зафиксированного в Откровении.

Третий вид законов — закон человеческий (*lex human*). Естественный закон задает максимально общие начала социального взаимодействия. Специфика, детали и культурно-исторический контекст этого взаимодействия естественным законом охвачены быть не могут. Осуществление этой задачи — функция закона человеческого. Обосновывая смысл существования человеческого, или позитивного, закона, Фома также указывает на следующее. Поскольку взаимодействие с другими людьми требует учета их интересов, что, в свою очередь, предполагает способность воздерживаться от действий, указанные интересы игнорирующих, общественная жизнь немыслима без причастности сограждан к определенным добродетелям. Путь приобщения к последним двоякий: свободный (через увещание) или принудительный (через угрозу наказания). По отношению к большинству, считает Фома, эффективнее второй из указанных вариантов [17, с. 336]. Основным средством принудительного приобщения к необходимым социальным добродетелям и является закон человеческий. Его предельная цель — «временное спокойствие государства», достигаемое «при помощи подавления внешних действий», этому спокойствию препятствующих [17, с. 367].

Человеческий закон, таким образом, карает не всякое зло, а лишь то, которое ведет к явно неблагоприятным социальным последствиям. «Человеческий закон устанавливается для множества людей, большинство из которых не является совершенным в добродетели. И потому человеческий закон не запрещает многие пороки... он запрещает только самые тяжкие из них, такие, от которых может воздерживаться большинство (прежде всего те, которые связаны с причинением вреда другим людям, те, без устранения которых человеческая природа не может сохраниться» [17, с. 348].

Приведенный ход рассуждений Фомы встречался еще у греков. «Законы изданы ради мудрых — не для того, чтобы они не делали зла, а для того, чтобы им не делали зла», — учил Эпикур [6, с. 71]. По свидетельству Диогена Лаэртского, Аристипп считал, что отмена законов поведения философа не изменит, чего нельзя утверждать относительно большинства других людей, следующих социальным нормам не добровольно, а по принуждению.

Рассматривая «писанные» человеческие законы в качестве наиболее эффективного средства разрешения социальных конфликтов, Фома опирался на аргументацию, заимствованную им из «Риторики» Аристотеля [5, с. 694–695]. Легче найти небольшое количество компетентных законодателей, которые выработают и зафиксируют общий подход к разрешению типичных конфликтных ситуаций, нежели рассматривать каждую из них по отдельности, привлекая для этого каждый раз новых и новых судей. Кроме того, законодатель имеет возможность разбирать многообразные проявления одного и того же правонарушения в течение длительного времени, взвешено и всесторонне. Судья же «работает» с частным, при этом время, отводимое на принятие решения, ограничено. И наконец, тот, кто устанавливает законы, разбирает ситуацию абстрактно и в общем, что исключает возможность личного отношения, тогда как судья выносит суждение о конкретном и настоящем. Оставаться в этой ситуации беспристрастным значительно труднее [17, с. 337].

Важнейшей особенностью политического учения Фомы Аквинского является утверждение принципиальной соотнесенности человеческого закона с законом естественным [24]. Закон будет законом в той мере, в какой он является справедливым. Последний должен соответствовать трем требованиям: способствовать достижению общезначимых целей; не превышать полномочия законодателя; наделять граждан равными обязанностями и правами, пропорционально их вкладу в общее дело [17, с. 351]. Но все перечисленные требования разумны. Поэтому любой положительный закон, являясь справедливым, будет одновременно и разумным, а следовательно (как установлено выше) и естественным. «Если некий закон в чем-то отклоняется от естественного закона, то это не закон, а извращение закона» [17, с. 338].

Уточняя характер обусловленности человеческого закона законом естественным, Фома указывает, что первый выводится из второго двумя возможными способами: как частное заключение из универсальных начал или как их «конкретизация». Иллюстрацией первого способа может служить переход от естественного закона, согласно которому «никому не следует причинять зло», к положительному закону, запрещающему убийство. Пример второго варианта — переход от принципа, требующего для преступления наказания, к определению его меры. Если законы первой категории, по крайней мере частично, получают свою силу от естественного закона, то законы предписания второго типа — результат социального компромисса. Современным примером таковых могут служить второстепенные детали правил дорожного движения. Будет ли оно правосторонним или левосторонним, какой сигнал светофора считать разрешающим, а какой запрещающим — не принципиально. Другое дело, что соблюдение тех или иных правил в любом случае направлено на сохранение жизни, которая считается благом и как таковая должна быть оберегаема (первое требование естественного закона).

Проводимое Фомой разграничение абсолютного и относительного компонентов человеческого закона позволяет видеть в нем одного из предшественников теории правого государства [13, с. 140]. В данном отношении Аквинат в равной степени далек как от релятивизма, считающего социальные нормы сферой номинальных условностей, так и от открывающего дорогу тоталитаризму легизма, сводящего сферу должного к законному.

Итак, человеческий закон является производным от закона естественного. Несмотря на то, что опорные положения практического разума (уровень естественного закона) характеризуются абсолютной достоверностью и необходимостью, частные выводы из них (уровень человеческого закона) указанными характеристиками не обладают. В отличие от естественного закона, закон человеческий имеет своим предметом не необходимое, а случайное или, говоря языком Фомы, «контингентное» (от лат. *contingere* — случаться). «В вещах контингентных, например в вещах природных или делах человеческих, — утверждает Фома вслед за Аристотелем [3, с. 65], — достаточно и той достоверности, которая предполагает, что нечто имеет место в большинстве случаев, хотя и не во всех» [17, с. 347]. Недостоверность позитивного законодательства объясняется также несовершенством человеческого разума [15, с. 79]. Последнее обусловлено не только его онтологической ограниченностью (напомним, сущность вечного закона не познаваема), но и подверженностью влиянию страстей и социальных стереотипов [17, с. 334]. «Разум некоторых людей уступает стра-

стям — либо из-за дурных привычек, либо из-за дурных природных предрасположенностей, так, например... среди германцев разбой не читался преступлением, хотя это и противно природе» [17, с. 334]. Открытость иррациональным влияниям мешает разуму, с одной стороны, воспринимать общие нравственные принципы (уровень естественного закона), а с другой — прикладывать их к конкретным жизненным обстоятельствам.

Было бы ошибкой объяснять приведенные выше рассуждения о недостатках имманентного человеческого разума особенностями средневекового мироощущения. Перед нами своего рода общефилософская аксиома. Достаточно вспомнить фундаментальное для античной мысли разграничение истины и мнения. Эта же идея выступает предпосылкой новоевропейского представления о необходимости мыслить методически.

Несовершенство позитивного закона служит основанием его перманентного изменения. Конкретизируя данное положение, Фома указывает на два фактора. Первый заключается в естественном прогрессе человеческого разума, имплицитно склонного двигаться от несовершенного к совершенному. Вторая причина кроется в многообразии и изменчивости условий человеческого существования, «ведь людям, находящимся в разных условиях, полезно разное» [17, с. 359]. Впоследствии указанная идея займет важное место в построениях Монтескье.

Наконец, четвертый вид законов — изложенный в Писании закон божественный (*lex divina*). Как указывалось выше, всякий закон есть инструмент достижения определенной цели. Цели естественного и человеческого закона ограничены горизонтом здешнего существования [9, с. 238]. Сверхприродный смысл жизни человека его имманентными способностями открыт и реализован быть не может. То и другое возможно благодаря существованию законодательства сверхъестественного. Дополнительным доводом в пользу необходимости *lex divina* служит для Фомы и отмеченный выше факт несовершенства человеческого разума, суждения которого критерием истины служить не могут. Наконец, как указывалось, позитивный закон сфокусирован на регулировании внешних действий и ограничивает лишь ту часть зла, которая наносит ущерб общественной безопасности. Критерии, позволяющие дать полную оценку человеческой деятельности, предлагаются Библией [17, с. 297].

Важнейшим компонентом философско-политических учений является проблема генезиса государственной власти. Софисты решали данную проблему в свете идеи общественного договора. Платон связывал возникновение власти с экономической целесообразностью. Августин определял государство как «необходимое зло» и видел в его появление прямое следствие искажения человеческой природы.

Двигаясь в русле аристотелевской парадигмы, Фома полагает, что наряду с рациональной составляющей человеческого существа, истоки политической власти следует искать в присущей ему потребности в общении с себе подобными. Напомним, что, согласно Фоме, указанная потребность входит в реестр предписаний естественного закона. В данном отношении человек значительно превосходит всех других живых существ, включая и тех, которые считаются «стадными» [14, с. 235]. Животные наделены необходимыми средствами существования самой природой. В их распоряжении клыки, рога, когти. Они обеспечены пищей и приспособлены к соответствующей среде обитания. Главное и единственное средство выживания человека — разум, который, однако, не

может быть развит и в полной мере использован вне определенного социального окружения. Прочим живым существам присуще природное чутье, ведущее их к полезному и отвращающее от вредного. Человек обладает аналогичным знанием на уровне максимально общих начал. Но приложение общих принципов к различным сферам жизнедеятельности одиночке не под силу. «Человеку надлежит жить во множестве, чтобы один помогал другому и разные люди использовали свой разум для того, что необходимо узнать в различных областях» [14, с. 234]. Кроме того, о социальной природе человека убедительно свидетельствует присущий ему дар речи.

Если бы человек мог жить один, он ставил бы цели и находил средства их реализации самостоятельно, руководствуясь данными ему свыше светом собственного разума. Но, поскольку человек, будучи не в состоянии существовать в одиночку, «живет во множестве», он должен соотносить свою деятельность с целями и средствами других людей. «Людям выпадает на долю продвигаться к намеченной цели различными путями, что обнаруживает само по себе различие человеческих склонностей и действий [14, с. 233]. Функцию координирующего центра, трансформирующего индивидуальные цели и средства в цели и средства общезначимые, и осуществляет власть.

Однако не всякая власть будет политической. Особенность последней заключается в том, что и правящие и управляемые — члены общества равные и свободные. Между рабом и господином, отцом и ребенком политические взаимоотношения невозможны. Кроме того, политическая власть присуща не любой социальной организации, а лишь совершенной. Степень совершенства, в свою очередь, определяется уровнем той же самодостаточности. «Общество многих будет тем более совершенно, чем более оно может обеспечить себя жизненно необходимым» [14, с. 233]. Низшая степень социальной автономии характерна для семьи, высшая для государства — государство. Важно, что наряду с экономической самостоятельностью государство обладает необходимыми средствами для защиты своих интересов перед лицом внешних врагов. Организующим и управляющим началом его жизнедеятельности и будет политическая власть.

Воспроизводимая Фомой в работе «О правлении государя» аристотелевская концепция генезиса политической власти получает дополнительное — спекулятивное — подкрепление в «Сумме теологии». Необходимость властных отношений выводится здесь из фундаментального для средневекового мироощущения принципа тотальной упорядоченности сущего. Напомним, что именно этот принцип составляет главное содержание «вечного закона», который есть «то, благодаря чему справедливо, что все вещи находятся в совершенном порядке» [21, с. 13]. Порядок же, будучи основанием должного расположения равных и неравных частей, непременно предполагает неравенство [16, с. 414]. Небезынтересно в настоящем случае вспомнить несомненно знакомое Фоме аристотелевское разграничение «уравнивающей» и «пропорциональной» справедливости. Уравнивающая справедливость делит общие блага поровну, пропорциональная — по достоинству. В рамках политического общения действует справедливость «пропорциональная», согласно которой уравнивать неравное не следует [3, с. 55].

Вступая в полемику с Августином [1, 1033], Фома приходит к выводу, что определенная социальная иерархия и связанные с ней отношения господства и подчинения должны были существовать и в идеальном (догреховном) состоя-

нии. Правда, уточняет Фома, слово «господство» в данном случае не следует понимать как антоним к слову «рабство» (до грехопадения рабство как состояние пассивное и вынужденное было невозможно), а более широко — как управление вообще, в том числе и управление людьми свободными. Указывается и то обстоятельство, что характерное для первых людей (надо понимать, что имена «Адам» и «Ева» Фома понимает в собирательном смысле) состояние неравенства было порождено не теми или иными изъянами, а проистекало из различия телесной и душевной организации, а также уровня интеллектуального и нравственного развития. Интересно, что у Фомы, в отличие от многих социальных реформаторов, именно разнообразие, а не унификация служит основанием прумножения красоты человеческий порядок [16, с. 413].

В качестве оснований властных отношений в «первобытном состоянии» Фома указывает два обстоятельства. Поскольку человек по природе является существом общественным, следует допустить, что определенные социальные взаимодействия должны были существовать с момента его создания. Но общественная жизнь многих людей может протекать только под руководством кого-то одного, направляющих многих к общей цели [16, с. 413]. Предпосылкой социального неравенства служит для Фомы отмеченное выше различие людей по их интеллектуальным и нравственным качествам. Вместе со всеми крупнейшими утопистами Фома утверждает, что в идеальном состоянии бразды правления должны находиться в руках людей, превосходящих других в добродетели и познании, поскольку именно они более остальных будут сведущи относительно достижения общей пользы. При этом Фома вслед за Августином [1, с. 1028] подчеркивает, что правящие должны исполнять свои функции не из желания господствовать, а из обязанности заботиться.

Анализируя природу политической власти, Фома Аквинский обращает специальное внимание на вопрос о наилучшем государственном устройстве. Достижение социально значимых целей может осуществляется двумя путями. «Прямое» правление ведет к «подобающей цели», «непрямое» — к «подобающей» [14, с. 234]. Подобающая цель — общее благо множества, неподобающее — личное благо правителей. Прямое правление, предполагающее, что действия власти соответствует ее идее, — справедливо, непрямое — несправедливо. Управлять может один, несколько или многие. Отсюда деление всех государственных устройств на шесть видов. Три вида справедливых — монархия, аристократия, полития. Три вида несправедливых — тирания, олигархия, демократия. Из справедливых форм правления лучшая — монархия, худшая — полития. Из несправедливых форма правления лучшая — демократия, худшая — тирания. «Чем более едино правительство при справедливом правлении, тем более приносит пользы... для несправедливого правления верно обратное — насколько правительство более едино, насколько более пагубно» [14, с. 237].

Раскрывая достоинства монархической формы правления, Фома приводит целый ряд аналогий. То, что существует по природе, устроено наилучшим образом, а общее управление природой осуществляется одним. Политика есть своего рода искусство, но суть искусства заключается в подражании природе. Когда правят многие, они по необходимости координируют свои действия друг с другом, тем самым обнаруживая стремление к единству, осознавая, что единая сила эффективнее силы рассеянной и разделенной. Принцип единоначалия реализован и в устройстве человека [14, с. 235–236].

Итак, монархия — форма правления наилучшая, однако при одном существенном условии: монарх должен быть человеком добродетельным. Но быть добродетельным, обладая неограниченной властью — удел немногих [15, с. 97]. Править бескорыстно большинство людей не в состоянии. Поэтому монархия «легко деградирует» в тиранию, форму правления наихудшую. Отсюда пристальное внимание мыслителя к мерам, тиранию предотвращающим, и вывод о том, что с точки зрения социальной практики в большинстве случаев лучшим следует признать правление не монархическое, а «смешанное». «Смешанное» правление есть сочетание монархии (главенствует один), аристократии (правят добродетельные) и демократии (правлящие избираются из народа и всем народом). Фома отмечает, что при смешанной форме реализуется один из важнейших принципов «правильного правления», согласно которому во власти косвенно участвуют и управляемые. «Ведь мир в народе сохраняется благодаря тому, что все люди любят и сохраняют такой порядок» [17, с. 520]. По мнению Фомы, именно эта форма правления существовала у евреев при Моисее (Втор. 1:15; Исх. 18:1). Ряд современных исследователей полагает, что смешанное правление, о котором учит Фома, ближе всего к конституционной монархии [7, с. 244]. Другие авторы видят в знаменитом схоласте сторонника демократии [24].

Если в вопросе о «механизме», этапах возникновения и видах государственного устройства Фома почти дословно следует тексту «Политики» Аристотеля, то в вопросе о назначении государства Аквинат согласен с «Учителем» (средневековый титул Аристотеля) лишь отчасти. Ситуация для средневековой мысли типичная: промежуточные звенья рассуждений практически без изменений заимствуются у греков, а базовые установки и резюмирующие положения согласуются с христианской догматикой. Фома разделяет мнение Аристотеля о том, что цель устройства государства заключается в достижении благой жизни, являющейся следствием добродетельности его граждан [4, с. 460]. Но цель эта, уточняет Фома, не «конечная», а «предшествующая». «Конечная цель» земного бытия — обретение «небесного блаженства» [14, с. 242].

Указанная дифференциация служит основанием проводимого Фомой приоритета духовной власти над светской. «Те, кому принадлежит забота о предшествующих целях, должны подчиняться тому, кому принадлежит забота о конечной цели», утверждает в работе «О правлении государя» [14, с. 242]. В то же время, согласно «Сентенциям», сфера действия духовной власти ограничивается вопросами спасения души, в делах, касающихся блага государства, приоритет имеет власть светская [22, с. 248], однако при этом говорится, что в лице Папы обе власти совпадают. Насколько простирается эта власть — на весь мир или она ограничивается территорией Ватикана — из текста установить невозможно. Амбивалентность позиции Фомы косвенно подтверждается и фактом различия точек зрения исследователей. Диапазон решений варьируется от утверждения, что Фома был сторонником непосредственной теократии (Жильсон) [7, с. 434] до мнения, согласно которому Фома был сторонником относительной автономии светской власти (Коплстон) [9, с. 244]. Исходя из общей направленности учения Фомы, можно предположить, что соотношение светской и духовной власти аналогичны соотношению истин разума и истин веры, философии и богословия. Оба компонента различаются, но не противопоставляются, совпадая по источнику и финальной цели [7, с. 399].

Значительное место в политической доктрине Фомы Аквинского отводится обсуждению вопроса об основаниях и границах послушания существующей политической власти. Это проблема приобретает особую остроту в связи с утверждением христианской картины мира и вытекающей из нее упомянутой выше персоналистической трактовки человеческого существа.

Разбирая данный вопрос, Фома, с одной стороны, руководствуется библейским положением, согласно которому «нет власти не от Бога» (Рим. 13:1), а с другой — догматом о Боге как абсолютном благе, к злу не причастном. Но как согласовать эти религиозные установки с многочисленными фактами, когда именно власть выступает началом беспорядка и зла? Решая эту непростую дилемму, Фома различает в феномене власти три компонента: форму, происхождение, использование. Форма, или сущность есть не что иное, как воплощенный на социальном уровне (проанализированный выше) вселенский принцип порядка, в силу которого одни члены общества являются управляющими, а другие управляемыми. Только в этом смысле власть как таковая священна и именно в этом смысле следует понимать приведенную апостольскую цитату.

В отличие от сущности, приобретение и использование власти могут быть и несправедливыми, и в этом случае непослушание власти оказывается допустимым, а в определенных ситуациях обязательным. Примером несправедливого приобретения власти могут служить насильственные перевороты. В этой ситуации подданные подчиняться новой власти не обязаны и при возможности имеют право вернуть то, что было у них незаконно отнято. Однако новая власть может стать законной впоследствии. Последние осуществимо либо посредством поддержки со стороны вышестоящей власти, либо в том случае, когда новому правителю удастся прийти с подвластными к консенсусу.

Говоря о незаконном использовании власти, Фома разбирает два варианта [23, с. 72–74; 13, с. 88]. К первому относятся действия власти, противоречащие целям, ради которых она, собственно, и существует. Одной из таковых является, по Фоме, забота о добропорядочности граждан. Легальное не может быть аморальным. Второй вариант представлен ситуациями, когда власть предписывает действия, на которые ее компетентность не распространяется. Скажем, если власть требует уплаты налогов, платить которые подвластные не обязывались. В отличие от незаконных декретов первого рода, выполнять которые не следует, в случае злоупотреблений второго вида решение о послушании (или непослушании) остается на совести управляемых. Интересно, что личные недостатки правителя законности его власти не аннулируют.

В целом, пользуясь терминологией разобранный выше концепции четырех законов, можно сказать, что директивы власти необязательны либо в случае их несоответствия божественному или естественному закону (первый вариант), либо в ситуации их противности человеческому закону (второй вариант).

Приведенная позиция, представленная в «Сентенциях», получает дальнейшее уточнение в «Сумме теологии». Прежде всего Фома указывает на принципиальную относительность всякой земной власти. Последняя всегда ограничена определенной сферой. Дети обязаны внимать наставлениям отца в том, что касается воспитания и домашних обязанностей, но не заботы о теле или выборе супруга. Воин должен слушать начальника в вопросах ратного дела, но не в том, как вести хозяйство или общаться с родственниками. Кроме того, социальный контроль и в том числе контроль со стороны власти простирается на внешнее

поведение человека, возможностей внутренней свободы не стесняя. Фома берет в союзники Сенеку: «Заблуждается тот, кто полагает, что порабощение простирается на всего человека: лучшая часть его изъята». «Следовательно, — заключает Фома, — в том, что касается внутренних движений воли, человек не обязан повиноваться ближнему, но — одному только Богу» [19, с. 658].

И наконец, фиксируя ограниченность земной власти, Фома руководствуется еще одной важнейшей средневековой максимой — принципом иерархичности. Если человек оказывается точкой приложения двух скоординированных, но неравновеликих воль, он обязан внимать одной из них и игнорировать другую. Если требования проконсула противоречат требованиям императора, подобает слушать вышестоящего. Но в универсуме, о котором учит Фома, верховная власть принадлежит Богу. Поэтому субъект не обязан выполнять предписания светской власти, если та вступает в прямое противоречие с предписаниями религиозного плана.

В целом в вопросе о послушании одного человека другому Фома оставляет за каждым неотчуждаемую меру свободы, которая никакими внешними обстоятельствами уничтожена быть не может. В данном контексте уместно вспомнить о такой важной черте средневековой философии, как персонализм: каждый человек — это особый замкнутый мир, который «фактически непроницаем для других людей и совершенно прозрачен только для Бога» [11, с. 392].

Признание автономии личности никоим образом не может служить основанием игнорирования предписаний законной власти [25]. Религия утверждает свободу духовную и не отменяет начал социального взаимодействия. Напротив, отсутствие власти подрывает основы общежития и исключает возможность осуществления правосудия, что ведет к нарушению соответствующих заповедей [19, с. 660].

В контексте разговора о границах гражданского послушания Фома поднимает вопрос о правомочности свержения существующего государственного строя. Действия подобного рода Фома называет «бесчинством» [18, с. 511]. В отличие от ссоры, бесчинство затрагивает не частные интересы, а общие, а в отличие от войны, оно есть противостояние в рамках одного народа, члены которого связаны узами взаимных прав и обязанностей, тогда как война предполагает внешнего агрессора. Поскольку «бесчинство противоположно правосудности и общественному благу», оно относится к разряду серьезных преступлений. Ответственность за общественные беспорядки целиком и полностью лежит на их зачинателях. «Грех бесчинства в первую очередь и по преимуществу всей своей тяжестью ложится на тех, кто затевает бесчинство, а во вторую очередь — на тех, кто способствует им в нарушении общественного блага. Те же, кто защищает общественное благо и противостоит бесчинствующим, сами по себе не бесчинствуют, что подобно тому, как никто не может быть назван склочным только потому, что защищает себя» [18, с. 514].

Характерное для Аквината резко негативное отношение к посягательствам на власть имеет одно исключение — тиранию. Тирания подрывает саму основу политической власти, заключающуюся в реализации общественно значимых целей. Показательно, что ради сохранения власти тиран нередко сеет раздоры сознательно. Поэтому подлинным нарушителем социального мира следует считать не народ, а самого тирана. Аквинат полагает, что в ряде случаев допустимо и тираноубийство. Заговор против Цезаря Фома считал оправданным [23, с. 75].

Столь радикальная точка зрения представлена лишь в ранней работе Фомы — в «Комментариях на Сентенции». В последующих произведениях мыслитель высказывается в пользу иной позиции. В трактате «О правлении государей» Фома отказывается от своих радикальных взглядов и отдает предпочтение религиозно окрашенному консерватизму. «Если нельзя будет избежать тирании, полезнее терпеть, пока тирания не кончится, чем действуя против тирана, подвергнуться многим опасностям, которые будет тяжелее самой тирании» [14, с. 240]. Социальная практика свидетельствует также о том, что нередко новая власть оказывается суровее и несправедливее прежней. И еще одна любопытная деталь: на тираноубийство чаще решаются люди дурные, для которых неприемлема никакая власть, поэтому для большинства членов общества следствие деятельности «заговорщиков» будет опасность «потерять царя», нежели «спастись от тирана». Фома подчеркивает, что незаконный правитель должен быть смещен не по почину отдельных заговорщиков, а по законному решению общества.

В «Сумме теологии» представлена уравновешенная позиция, одинаковой степени далекая от обеих крайностей — как революционного, так и консервативного толка. С одной стороны, здесь указывается, что ниспровержение тирании не может рассматриваться как «бесчинство», но при условии, что смена власти не примет «неупорядоченных форм», в силу которых подданные окажутся подвержены ещё большим страданиям, нежели те, которые причинял им свергнутый тиран [18, с. 541]. С другой стороны, в «Сумме» проводится мысль о том, что, оказавшись под дланью незаконной власти, человек, если и должен ей подчиняться, то лишь «акцидентно, дабы избежать опасности или бесчестия» [19, с. 660]. Иными словами, в данном случае решение о послушании (или непослушании) обязательным не является и принимается каждым самостоятельно.

Подведем итоги.

Являясь частью монументальной философской системы, политическое учение Фомы Аквинского базируется на следующих общетеоретических началах: идеалистическая картина реальности, принцип взаимодополнительности веры и разума, креационизм, провиденциализм, персонализм, эвдемонизм, приоритет целого над частями.

Применяя указанные принципы к реалиям политической жизни, Фома Аквинский приходит к следующим выводам.

Существование политической власти оправдано вселенским принципом порядка. Но в конкретных исторических условиях пути приобретения и использования власти могут вступать в противоречие с ее идеей.

Основная задача государства — обеспечение материального и социального благополучия граждан. Метафизическая и нравственная составляющие человеческого существа политическими критериями не измеряются.

Предписания государственной власти, функционирующей на основе человеческого закона, не должны противоречить требованиям естественного закона и «предельному» смыслу человеческого существования. В противном случае игнорирование властных директив оправданно, а в ряде случаев обязательно.

Наряду с фундаментальными предпосылками, определяемыми разумно-нравственной природой человека, человеческий закон включает в себе относительные элементы, обусловленные его направленностью на сферу становления. Абсолютизация предписаний власти, как и трактовка их в качестве номинальных условностей, неосновательны.

В плане социальной практики наиболее оптимальной формой правления является правление «смешанное», сочетающее в себе элементы монархии, аристократии, демократии. Основным препятствием осуществления властных полномочий является преобладание личных интересов над общественными.

Признание автономии личности не может выступать основанием нарушения принятых в обществе социальных норм. Деятельность, направленная на насильственное свержение существующей власти, преследует частные интересы и к предполагаемому результату не приводит.

Список литературы

1. *Августин*. О граде Божиим. — Минск: Харвест, 2000.
2. *Августин*. Об истинной религии. — М.: Паломник, 1997.
3. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.
4. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1984.
5. *Аристотель*. Риторика // Аристотель. Этика. Эстетика. Поэтика. — Минск: Харвест, 2011.
6. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. — М.: Норма, 2004.
7. *Жильсон Э.* Философия в Средние века. — М.: Культурная революция, Республика, 2010.
8. *Исидор Севильский*. Этимологии. — СПб.: Евразия, 2006.
9. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. — М.: Мысль, 1965.
10. *Коплстон Ф.* Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя. — Долгопрудный: Вестком, 1999.
11. *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. — М.: Мысль, 1979.
12. *Платон*. Государство // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. — М.: Мысль, 1994.
13. *Сальников В.П., Исмаилов Р.Ф., Сальников М.В.* Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. — 2016. — № 9.
14. *Срединская Н.Б.* Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). — Ленинград: Наука, 1990.
15. *Чичерин Б.Н.* Политические мыслители от древнего мира до эпохи Возрождения. — М.: URSS, 2009.
16. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. II. Первая часть. Вопросы 65–119. — М.: URSS, 2014.
17. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. IV. Первая часть Второй части. Вопросы 68–114. — М.: URSS, 2012.
18. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46. — Киев: Ника-Центр, 2011.
19. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 47–122. Киев: Ника-Центр, 2013.

20. Фрагменты ранних греческих философов. — М.: Наука, 1989.
21. *Augustine*. On the Free Choice of Will, On Grace and Free Choice, and Other Writings. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
22. Aquinas: Political Writings. Edited R.W. Dyson. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
23. «Aquinas' Moral, Political, and Legal Philosophy» by J. Finnis [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/> (дата обращения: 20.11.2017).
24. «Natural law» by K. Himma [Электронный ресурс] // Internet Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/> (дата обращения: 20.11.2017).
25. «Thomas Aquinas» by Ch. Brown [Электронный ресурс] // Internet Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/> (дата обращения: 20.11.2017).

СУДЬБА КАК ФЕНОМЕН

FATE AS A PHENOMENON

МОСИЕНКО Михаил Константинович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Сибирского федерального университета (e-mail: mmk1100@mail.ru)

MOSIENKO Mikhail Konstantinovich — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecture, Department of Philosophy, Siberian Federal University (e-mail: mmk1100@mail.ru)

Аннотация. В данной статье предпринята попытка дать материалистическое истолкование судьбы. Задача работы состоит в том, чтобы прояснить, чем конкретно судьба является феноменально. Судьба рассматривается как комплексный психический, физический и социальный феномен. Автор пытается ответить на вопрос о том, что в жизни человека есть кроме судьбы. Таким содержанием человеческой жизни оказывается сверхприродная свобода — метафизическая реальность проявляющаяся в свободе человеческой воле. В заключении автор предлагает объективировать судьбу, рассматривать ее как явление среди других материальных явлений, но отказаться от объективации личности.

Ключевые слова: судьба, детерминизм, индетерминизм, объективация, свобода, материализм.

Abstract. In this article the author attempts to formulate a materialistic interpretation of destiny. The goal of this paper is to clarify what exactly destiny is as a phenomenon. Destiny is understood as a complex psychic, physical and social phenomenon. The author is replying to the following question: what else is there in human life apart from destiny? This turns out to be supernatural freedom – metaphysical reality that manifests itself in human free will. In conclusion the author proposes to objectify destiny, to perceive it as just another phenomenon among other material phenomena, at the same time he warns against objectifying a personality.

Key words: destiny, determinism, indeterminism, objectification, freedom, materialism.

Целью данной статьи является прояснить феноменальную природу судьбы. Что это такое как явление? Как устроена судьба? В каких ситуациях она работает, а в каких не работает? Следует ли вообще сохранять саму идею судьбы?

Философы не пользуются словом «судьба» в качестве категории так же часто, как пользуются, например, словами «необходимость», «случайность» и т.п. Чаще всего о судьбе говорят метафорически – имеется в виду нечто неизбежное и одновременно значимое, касающееся биографии человека или истории чего-то важного.

Из этого наблюдения следует, что судьба является словом большой психолингвистической значимости: оно имеет «вес» и в словарях отдельных людей, и во многих естественных языках. Популярна тема судьбы в национальных литературах. О судьбе говорят и философы, когда хотят выразиться ярко и образно.

Экзистенциальная философия делает своим предметом судьбу человека. Таким образом, как слово-указатель, как нестрогая категория «судьба» используется довольно часто и в довольно размытом смысле, подразумевается, что всем и так интуитивно примерно ясно, что это такое. Но на что именно этот указатель указывает?

Мы ставим себе задачу уточнить понимание судьбы как феномена. Чем конкретно является судьба феноменально? Мы понимаем, что сужение понимания, стремление к еще большей отчетливости и конкретности не только бывает непродуктивным в философском исследовании, но и часто является остро контрпродуктивным для понимания мира. Однако в данном случае нам кажется полезным взглянуть на судьбу рационально и материалистически, не считая это единственным ценным на нее взглядом.

Необходимо ответить на вопрос, указывает ли вообще слово «судьба» на нечто реальное. И если так, то какого рода реальность стоит за таким обозначением? Является ли она чисто психологической или является также материальной, или речь идет о реальности духа? Рассмотрим последовательно все эти вопросы.

Мы считаем судьбу физически реальным феноменом. Наш аргумент в пользу такого материалистического понимания судьбы также материалистичен: биологически человек формировался под давлением естественного отбора, одним из продуктов которого является язык и которому язык подвержен. Таким образом, в естественных языках не могут в течение многих лет сохраняться понятия, не отражающие реальность адекватно, не схватывающие чего-то объективно значимого для жизни человека. С представлением о «судьбе» и ее важности мы встречаемся в огромном количестве естественных языков. Это означает, что отбор работает в пользу такой концепции, она не вымывается из языков подобно другим словам и идеями, иногда исчезающим очень быстро.

Приведем еще один, также материалистический аргумент, однако на этот раз из области материализма более тонкого — из области психики, субъективных переживаний. При всей субъективности человеческие чувства и эмоции универсальны. Многие знают из личного опыта или бесчисленных свидетельств других людей, что переживание внешней движущей силы, принудительности, беспомощности, вовлеченности в поток, захваченности обстоятельствами и т.п. — довольно типично для людей на протяжении всей истории человечества. Эти универсальные, повторяющиеся переживания и есть переживания судьбы. Они указывают на стоящий за ними реальный феномен.

Это подводит нас к рассмотрению второго вопроса: является ли судьба чисто психическим явлением или ей свойственно также и более проявленная физика: материальность, подобная материальности вещей? Мы отвечаем (на данном этапе рассуждения подчеркнем, что это определение предварительное) на этот вопрос так: судьба — это материальное явление, вызывающее устойчиво соответствующие ему психические состояния. Собственно, такие состояния для исследователя — это маркеры судьбы. Когда человек переживает их психически, можно сказать, что физически он, вероятно, имеет дело с судьбой. Мы делаем оговорку, поскольку не всегда связь между материальным явлением и психическим состоянием «честна» с исследователем, иногда она есть, но не там и не с тем явлением, где ее ожидают, как, например, в случае галлюцинаций вследствие болезни и т.п.

Что представляет из себя материальная судьба? Это, прежде всего, состояние тела человека [1]. Это также сумма его социальных обстоятельств [3], текущее состояние психики, а также история прошлых психических состояний и качеств психики. Проще говоря, это итог всех психических, телесных и социальных обстоятельств человека на данный момент. Под обстоятельством мы понимаем объективную, отделенную от человека реальность, прямым образом ему не подконтрольную. Человек в каждый момент времени окутан коконом массы причин и следствий телесной, психической и социальной природы. Этот детерминирующий клубок мы и называем судьбой в материалистическом смысле. Идеалистической стороны понимания судьбы мы не касаемся, чтобы не перегружать изложение фактов, и без того требующих тщательного распутывания.

Тем не менее, один связанный с этим иным углом зрения на судьбу вопрос все же требует немедленного ответа: не является ли судьба также и духовной реальностью? Вопрос этот сложен потому, что утверждать что-то об этой реальности кроме самого ее существования мы можем только в качестве догадки. В целях создания целостной материалистической концепции судьбы как феномена, дадим следующий ответ: судьба и дух являются при таком взгляде на них противоположностями. Первое воплощает в себе опутанность каузальностью природного мира, а второе — сверхприродную свободу.

Вернемся к рассмотрению судьбы как материального явления, «кокона детерминизма», охватывающего человека. Этот образ на практике не так прост и непротиворечив, как его представляют радикальные детерминисты [5]. Человек не является вещью в порядке других вещей и наряду с переживанием и реальностью принуждения нам также свойственно переживание и реальность свободы: «кокон детерминизма» не является непроницаемым в каждый момент времени. Он представляет из себя динамическую конструкцию, как и любая материя, он может истончаться в моменты духовного, психического и физического подъема, а может уплотняться до состояния глухой стены в моменты, например, смертельной болезни. Борьба с судьбой, всегда так привлекавшая внимание людей искусства, с одной стороны, и практиков религии — с другой, это, в сущности, борьба с внешней средой, если смотреть на это грубо натуралистически. Только средовая граница проходит не по контурам тела, а по контурам воли человека [2].

Приходится признать, что и наше тело, и наша психика (не говоря уже о нашей социальной территории) не являются в строгом смысле слова «нашими». Полностью нашей является только наша свободная воля. Как явление она таинственна. Высказывать о природе воли возможно только рационально-спекулятивные догадки или интуитивные инсайты. Выскажем несколько догадок.

Во-первых, мы не согласны с представлением о воле как о чем-то абсолютно всемогущем. Это противоречит и здравому смыслу, и обыденному опыту, и фактам истории человечества. Неверно понимать человеческую волю как творящую силу, абсолютно не знающую границ на практике. Дух, возможно, и дышит там, где хочет, но конкретно-человеческий дух, опутанный его телом, его психикой и его социумом так не действует. Воля может быть сильней или слабей, затухать и загораться, включаться или едва включаться в действие. Нам до сих пор не известно достоверно, как она устроена. Факты о ней: в обычной жизни ей присущи колебания и присуща свобода.

Во-вторых, одновременно со всемогуществом воли мы склонны также отрицать ее безграничную свободу. Потенциально мы с осторожностью допускаем и то, и другое, но актуально воля человека довольно стеснена. Ей доступна, однако, определенная мера свободы. Эта мера и есть тот просвет в «коконе детерминизма», который является для человека спасением от того, чтобы быть просто вещью среди других вещей — объектом.

В-третьих, сам статус воли вызывает у нас вопросы. Ясно одно: она не является чисто психическим феноменом. Воля — это нечто психически-духовное. Мы не можем считать ее явлением в ряду других явлений, поскольку тогда она была бы включена в цепь их причинности, а значит, перестала бы быть волей в собственном смысле, то есть способностью к свободе.

С учетом сказанного выше, вернемся к рассмотрению феноменального существования судьбы. Говорить о судьбе можно только подразумевая какую-то ее оппозицию. Такой «не-судьбой», по контрасту с которой только и может быть мыслима сама судьба, мы считаем волю и возрастающую свободу, к которой она ведет [4].

Закончим наше рассуждение материалистическим определением судьбы: судьба — это то, что случается с человеком без его воли. Мера судьбы может нарастать в жизни человека, если он не реализует свою волю, не пользуется ей, а также убывать, если ситуация обратная. На практике судьба принципиально неисключима из жизни человека. Даже обладающие самой сильной и выраженной волей люди все равно проживают жизни с некоторой примесью судьбы; они погружены, хотя бы и в меньшей мере, в социум, собственное тело, психику, полными хозяевами которых они не являются. Проще говоря, они живут в мире, частично являются его объектом.

Некоторые религии делают своей целью избавление от оков причинности до конца. Таковы, например, некоторые вариации буддизма, индуизма, джайнизма, христианства. Иногда философы и психологи также высказываются в духе этой древней мечты человека.

Мы описали материалистический взгляд на судьбу, который парадоксальным образом всегда был топливом для идеалистической философии, попыток разрешить проблему захваченности человека миром через апелляцию к метафизическим идеям или мистическим откровениям, или хотя бы объяснить такую мучительную укорененность человека в природно-социальной реальности.

В чем ценность такого зауженного, одностороннего понимания судьбы? Мы полагаем, что взгляд на судьбу изнутри нее самой, т.е. с позиции натурализма, не менее полезен и для философа, и для не занимающегося философией человека, чем взгляд на судьбу извне — религиозный, мистический или идеалистически-философский. Полезность эта в том, чтобы не понимать судьбу слишком отвлеченно и одновременно слишком односторонне. Также она состоит в том, чтобы не приближаться к судьбе как чему-то опасному и непознанному, переживая при этом разрушительную для любого человека беспомощность. Материальная сторона судьбы не сложнее и не страшнее, чем кухонный стол, компьютер, шариковая ручка — это вещь среди других вещей. Она комплексная и запутанная, она имеет грубо-физическое и утонченно-физическое (психическое) измерение, но относиться к ней и обращаться с ней человеку подобает подобно обращению с другими вещами.

Отношение к материальному аспекту судьбы как непознаваемой силе, перед которой мы абсолютно беспомощны, губительно для душевной, физической и социальной жизни. Уверенно иметь с ней дело, смело брать ее, пользоваться ей, сопротивляться ей, менять ее — вот, ради какого мироощущения наша философия. Ненормально объективировать себя, собственную человечность и волю, но объективировать судьбу — означает определять ее реальное место: объекта среди объектов, феномена среди феноменов.

Список литературы

1. *Акифьев А.П.* Генетика и судьбы. — М.: Центрполиграф, 2001. — 340 с.
2. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. — С. 229–378.
3. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека: опыт персоналистической философии / Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. — С. 425–696.
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы / Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. — С. 29–264.
5. *Меньчиков Г.П.* Проблема детерминизма и ее решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Часть 1 // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 1. — С. 10–17.

А.Ю. Фомин

**БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА:
СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ**

**BUDDHIST MOTIVES IN THE WORKS OF I.A. BUNIN:
THE ORIGINALITY OF ART RECEPTION**

ФОМИН Андрей Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики МГГЭУ (Gracchus58@bk.ru)

FOMIN Andrey Yurievich — Candidate of Philological Sciences, Docent of Department of Russian language, literature and journalism, MGGEU (Gracchus58@bk.ru)

Аннотация: В статье рассматриваются роль и содержание буддийских мотивов в творчестве И.А. Бунина, особенности их художественного воплощения, роль в реализации авторского эстетического идеала. По мнению автора, художественно-мировоззренческая концепция писателя обусловлена не столько сознательным воспроизведением буддийского мирозерцания, сколько глубинным родством бунинского восприятия действительности с основными положениями буддизма.

Ключевые слова: русская литература конца XIX – начала XX вв., буддийские мотивы в русской литературе, философско-мировоззренческие поиски конца XIX – начала XX вв., творчество И.А. Бунина, И.А. Бунин и буддизм, И.А. Бунин и Восток, буддийские мотивы в творчестве И.А. Бунина.

Abstract. *The role and contents of Buddhist motives, some peculiarities of their artistic expression in the implementation of the author's aesthetic ideal in the works of I.A. Bunin are discussed in the given article. According to the author, the artistic vision of the writer is determined not so much a conscious reproduction of the Buddhist worldview, as deep kinship of Bunin's perception of reality with the basic concepts of Buddhism.*

Keywords: *Russian literature of late XIX - early XX centuries, Buddhist motives in Russian literature, philosophical-belief searches of the late XIX - early XX centuries, the creativity of I.A. Bunin, Ivan Bunin and Buddhism, I.A. Bunin and East, Buddhist motives in the works of I.A. Bunin.*

Темы «Бунин и Восток», «Бунин и буддизм» в последнее время активно разрабатываются в исследовательской литературе. Достаточно назвать исследования В.Д. Агафоновой [1], Т.В. Бернюкевич [2], Е.Б. Смольяниновой [7], О.В. Солюхиной [8], З.Р. Тагавердиевой [9] и многих других. Авторы справедливо отмечают глубокую внутреннюю заинтересованность писателя в постижении и восприятии того, что принято называть «мудростью Востока» — его культуры,

философии, наконец, предметного мира, составляющего неповторимый колорит. При этом отмечается, что тема России и тема Востока неразрывно связаны в бунином творчестве и взаимно предполагают и определяют друг друга: «Важно подчеркнуть, что толчком буниного “пути на Восток” была Россия, стремление понять ее сущность, предугадать ее будущее, соприкоснуться с прошлым. Увлечение буддизмом было вторичным, легло в уже сформированную русской культурной традицией душу, но без ее учета многое в видении мира писателем останется непонятным. При этом необходимо иметь в виду, что философия буддизма влияла на Бунина как в положительном направлении (развитие темы исторической памяти), так и в негативном (идеи фатализма в объяснении поступка человека)» [8].

Нельзя не отметить, что восточные, в частности буддийские мотивы имеют достаточно сложную структуру в творчестве писателя, обнаруживая себя отнюдь не только в собственно «восточных» произведениях. З.Р. Тагавердиева предлагает выделить религиозно-философский, эстетический и психологический аспекты их бытования в бунином творчестве [9, с. 170]. При этом первый подразумевает особенности проявления мировоззренческих установок и интенций буддизма в реализации авторской идеи, мировосприятия самого писателя, второй связывается с особенностями образной системы (в частности, он подразумевает использование специфических художественных образов и мотивов, подчас обнаруживающих парадоксальное единство Запада и Востока на уровне бытовых деталей, обычаев, типологии личности и т.п.), третий определяет мотивировку действий и духовные состояния буниных персонажей.

Однако на наш взгляд, важнейшей проблемой остается вопрос о сознательности использования писателем соответствующих мотивов, образов и мировоззренческих установок. Можно сколько угодно находить определенные мотивы и образы в творчестве художника (причем вполне доказательно), но поневоле возникает вопрос: насколько осознанно это было использовано самим И.А. Буниным? Являются ли они сознательной мировоззренческой позицией или элементом стилизации, или, наконец, проявлением определенной литературной моды, а то и просто случайным совпадением? Без уяснения этих положений любой анализ соответствующих мотивов и образов в художественном произведении будет поверхностен и неполон. Заранее отметим, что подобная проблема поднималась и ранее [2, с. 268; 8; 9, с. 268].

Говоря о влиянии Востока на художественно-мировоззренческие установки И.А. Бунина, исследователи обычно отмечают глубокий личный интерес писателя к соответствующей тематике, его знакомство с работами современных ему востоковедов и т.д. Все это верно, однако не следует, по нашему мнению, исключать и соответствующий идейный контекст эпохи.

С одной стороны, это был период духовного надлома, критического переосмысления итогов развития всей (в данном случае западной) цивилизации, многократно описанный как современниками, так и в последующей научной литературе, эпоха «переоценки ценностей». «Душа не лежит рыбачить, рука не лежит грести. / Опыт, завещанный от отцов, не больно у нас в чести. / Верой в неверие мы горды: любые истины лгут. / Нашим потом не полит хлеб, радостью беден труд» — с горечью констатировал Р. Киплинг [5, с. 234]. «Песни спеты, перепеты — / Сердце бедное, молчи: / Все отысканы ответы, / Все подделаны ключи...» — вторил ему В.Л. Поляков [6, с. 386]. С другой стороны — подоб-

ная неудовлетворенность порожидала обилие философско-мировоззренческих систем, призванных объяснить существующее, найти подлинное место человека в бесконечно усложняющемся мире и, в конечном итоге, дать новое определение человека как такового во всех мыслимых аспектах его бытия. Спектр этих систем, претендовавших на общемировоззренческие функции, чрезвычайно широк: теософия, толстовство, философия Сведенборга, Спенсера, Ницше и т.д. При этом нельзя не заметить, что традиционная базовая основа западной цивилизации — христианство — подвергается все более жесткой и агрессивной критике, как сознательной, так и опосредованной. Христианский идеал, по мысли многих современников, все менее соответствует настоящему состоянию и мира, да и историческая его оправданность также может быть поставлена под сомнение.

Неудивительно поэтому, что обращение к философским системам, опирающимся на иные культурные и мировоззренческие традиции, было в какой-то мере закономерным для художников и философов конца XIX – начала XX вв. (например, давно отмечен глубокий интерес Л.Н. Толстого к даосизму, но очень редко это ставится в контекст мировоззренческих поисков не только писателя, но всей эпохи).

Однако необходимо отметить еще один важнейший момент. В художественном произведении мы имеем дело не с плоской иллюстрацией определенных мировоззренческих постулатов, а с *эстетической философией* — реализацией мировоззренческих подходов и интенций *эстетическими средствами*, т.е. в прямом смысле с философией в художественных образах. А это предполагает известную самостоятельность подобного способа философского мышления, его несводимость, а подчас и противоположность привычным логико-терминологическим концепциям, внешне сходным в плане содержания. Поэтому грубой ошибкой было бы превращать творчество того или иного художника в интерпретацию готовых философских систем: по сути, это автономная система осмысления бытия, обладающая неповторимой содержательной спецификой и чрезвычайно своеобразным методологическим аппаратом. Более того, именно на рубеже веков актуализируется тезис о превосходстве внелогических способов восприятия и осмысления действительности, и прежде всего через эстетические категории (примером тому может быть само возникновение русского символизма и его интенсивные поиски в религиозно-философской области).

В этой связи представляются вполне обоснованными сделанные ранее исследователями выводы о бесконечном круговороте бытия и повторении исходных ситуаций жизни человека, своеобразном круге сансары, в котором существуют бунинские герои [2, с. 262–263, 264, 266], о равенстве противоположных категорий — жизни и смерти, любви и ненависти, силы и бессилия — в художественной системе бунинских произведений [2, с. 264], о характерном для героев писателя припоминании своего прошлого «из другой жизни» [2, с. 264], о страдании как доминанте жизненного пути любого человека [1, с. 23]. Смерть для многих бунинских героев — это и есть их освобождение от вечной череды повторений и перевоплощений «в этом злом и прекрасном мире», от бесконечного, но так необходимого им страдания жизни [2, с. 262, 264].

Причем эти тезисы вполне применимы отнюдь не только к собственно «восточным» произведениям писателя («Братья», «Готами», «Город Царя Царей»

и др.), являющимися наиболее исследованными в указанном плане, но и к произведениям с европейским и чисто русским колоритом. Более того, они помогают глубже понять их содержание.

Так, многократно исследованный рассказ «Легкое дыхание» интересен, на наш взгляд, не только утонченной психологической структурой внутреннего мира героев, но и прежде всего авторским пониманием человека вообще и его места в круговороте бытия. И место это — ничто, воистину легкое дыхание, мимолетное и ничего не значащее дуновение, от которого останется лишь воспоминание, да и то не у всех. Жизнь любого человека — случайность, не имеющая цели, содержания и внутренней предопределенности. Достаточно опять-таки любой случайности: неосторожного слова, неловкого движения, наконец, небольшого кусочка металла весом в несколько граммов — и рухнет в небытие все то, что принято называть «действительностью» и что неизвестно почему сведено воедино существованием человека: жарко натопленная комната, снег за окном, портрет императора, гребень в аккуратной прическе начальницы и т.д., все эти качества, детали, обстоятельства и предикаты. И теперь уже «бессмертные глаза» Оли Мещерской все так же восторженно смотрят, но уже с фотографии на памятнике. Легкое дыхание развеялось столь же случайно и необъяснимо, как и возникло.

Но точно так же в рассказе «Господин из Сан-Франциско» смерть героя случайна, необъяснима, равно как и само его существование. При этом череда намерений, поступков, чувств героя, несмотря на их внешнюю социально-психологическую мотивированность, представляется, в общем, все тем же кругом сансары, все тем же повторением многократно пройденного, все теми же пустыми хлопотами и обманутыми ожиданиями, из которых состоит жизнь человеческая и от чего может освободить только смерть.

Показательно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что пребывание в Италии оборачивается для безымянного бунинского героя непрерывной цепью страданий, и духовных, и физических (точнее даже — физиологических). Но что есть жизнь человека, как не бесконечная цепь страданий [1, с. 22]?

Подобный подход помогает понять некоторые особенности логики развития характеров и в повести «Митина любовь»: дело ведь не только в психологически точном описании чувства ревности, но и в необъяснимом, на первый взгляд, самоубийстве главного героя. А это — результат осознания им того, что все это *уже было, а если не было, то сбудется*; это все то же обманутое ожидание любви, т.е. самой жизни — неутоленная «жажда существования», все то же искушение Мары (ср. самоубийство рикши в рассказе «Братья»). Любовь — цель и смысл существования, поэтому человеку свойственно любить, а вот быть любимым — нет. Так любовь равно ведет и к жизни, и к смерти — как освобождению от страстей, увлечений и обманов нашего земного бытия. Но жажда существования — это и есть любовь, и если человеку некого любить, он начинает любить мечту, иллюзию. И недаром на могилу к Оле приходит единственный человек, совершенно, кстати, ей посторонний — классная дама.

Поэтому воистину счастливы лишь те, кто не задумывается над жизнью, над собой, кто живет мгновением и не чувствует ужаса бытия, кто легко любит, ибо они столь же легко покинут этот мир. У них воистину легкое дыхание.

С этими особенностями бунинского восприятия действительности, по нашему мнению, связана и специфическая историческая концепция писателя, по-

следовательно реализованная в его произведениях на русскую тему. Известная бунинская «Деревня», говоря словами ее автора, «край без истории» [3, с. 329]: она была, есть и будет совершенно одинаковой и в седой древности, и в недалеком прошлом, и в невеселом настоящем — языческой и в материально-бытовом, и в нравственном плане, непостижимой в сочетании звериного равнодушия и тонких движений души, в чудовищной бытовой и моральной нечистоплотности и в неожиданных проявлениях добра и красоты; в прямолинейном и грубом наживании добра и в вечном стремлении к неким высшим духовным истинам (братья Тихон и Кузьма Красовы). Именно этим объясняется, по нашему мнению, и парадоксальное сближение барина и мужика («Суходол»), владетельного князя и юродивого («Иоанн Рыдалец») — примеры можно продолжить. Все это проявления единой в своей сути человеческой личности, сохраняющей свои коренные свойства невзирая ни на историческую действительность, ни на социальный статус.

При этом следует отметить еще одну весьма характерную особенность бунинского понимания действительности и конкретной личности — отсутствие авторской оценочности, трудность определения *эстетической* позиции автора как таковой. Это обстоятельство затрудняет анализ творчества писателя, особенно школьниками и студентами. Да и в серьезных литературоведческих исследованиях авторы зачастую поневоле встают на защиту того или иного героя, так или иначе его оправдывают/подспудно осуждают. Трагический исход жизни Оли Мещерской — следствие ее природной испорченности? Трагического сцепления обстоятельств? Порочности существующих общественных отношений? Нелепая смерть безвестного господина из Сан-Франциско — воплощение трагедии бытия Человека, вечно увлекаемого желанием жить и не замечающего самой жизни, ее смысла и содержания — доказательство бессмысленности жизни типичного представителя господствующего класса или «осуждение буржуазного общества»? Братья Красовы — жертвы или виновники? Как охарактеризовать героев «Чаша жизни»? Нет ни добра, ни зла, есть то, что есть, а иного не существует.

Но, в отличие от канонического буддийского мировосприятия, окружающий мир со всеми его соблазнами, надеждами, атрибутами, деталями и т.д. приобретает у писателя свойство главного условия существования человека. Окружающее *sub specie aeternitatis* повторяемо, условно и обманчиво, но оно же есть и *единственное настоящее*, единственное, что составляет содержание кратковременного, бессмысленного и случайного явления человеческой личности. Это не иллюзия, это и есть единственная реальность. В художественном космосе И.А. Бунина именно это неповторимое ощущение его героями своего сиюминутного существования, их присутствие в нем становится определяющим для выражения авторского эстетического идеала. Если рассматривать творчество И.А. Бунина как простую иллюстрацию буддийского мирозерцания, то англичанин, антигерой рассказа «Братья», почти достиг нирваны: его уже ничто не волнует, он стоит по ту сторону забот, соблазнов и треволнений мира сего. Однако именно они заставляют его *жить*, и только здесь, на Цейлоне, «на родине древнейшего человечества», он осознает весь ужас «нечувствования», а значит, и небытия в этом единственно доступном человеку мире.

Но этот же подход лишает бунинскую художественную действительность той внутренней оправданности и промыслительной определенности, которая

присутствует, например, в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского или даже А.П. Чехова. Как бы ни были нелепы, алогичны или откровенно безумны (по крайней мере, на взгляд других персонажей) действия их героев, в их поступках и размышлениях всегда обнаруживается/обнаружится впоследствии некий *смысл*, некая *значимость* (частная или всеобщая), а следовательно, и оправданность. Поэтому даже откровенное зло и неправда имеют свои причины и свои следствия (собственно, выяснение этого и становится одной из доминант творчества названных писателей). Поэтому даже преступление, совершенное под воздействием ложных умозаключений и эмоционального аффекта, оказывается в итоге *необходимым* для духовного перерождения героя и обретения им истины, а смерть становится не просто фактическим, но *нравственным* итогом на пути жизненных исканий.

Все эти особенности бунинского творчества в свое время тонко подметил И.А. Ильин, отмечавший, что писатель превосходно описывает духовную жизнь своих героев именно через ее *внешние* проявления и субстанции. А это художественное понимание создает своеобразный архетип целой череды типичных бунинских персонажей — людей нравственно первобытных, подчиняющихся зову инстинкта, а не велению разума или воли. Эти персонажи не столько выделены из окружающей их природы, сколько являются ее непосредственной частью — и нравственно, и физически. Они не столько внедуховны, сколько до-духовны, ибо их духовная жизнь замкнута в категориях и явлениях окружающего их мира. Они — не часть природного мира, они и есть этот «природный» мир во всей его полноте. Иного мира они не знают и, согласно художественной логике писателя, не могут знать. «Бунин-художник мыслит не от человека — вниз, к природе, а от природы — вверх, к человеку. Здесь не природа очеловечивается и одухотворяется, о человеческий дух оестествляется, материализуется и становится элементарным» [4, с. 62].

Поэтому, по мнению русского философа, «И.А. Бунин есть замечательный *мастер-натуралист первобытного и до-духовного человеческого инстинкта*. И именно вследствие этого в его видениях почти нет света... Бунин знает тьму, но не верит в свет; и не показывает путей, ведущих к нему; и не ведет к свету. Он знает муку человеческую, и знает ее роковую связь с *земным наслажденчеством*, но не верит в *божественную радость*; и не показывает путей, ведущих к ней; и не ведет к Богу. А то, что называется «богом», есть начало страшное, темное и стихийное. Символ его творчества есть *страстный и скорбный демон*, жаждущий наслаждения и не знающий путей к Богу» [4, с. 194–195].

Иными словами, в творческом космосе писателя нет того начала, которое в христианском мирозерцании есть мера и источник всего сущего, — нет Бога. Есть лишь бесконечный ряд явлений природы — прекрасных, ужасных, отвратительных, соблазнительных, но никак не объяснимых; бесконечный круг повторяющихся и зачастую никак не связанных между собой событий, единственное качество которых — бытие. Это не безбожие в оценочном смысле (ибо, как показывает И.А. Ильин, «бог» в творческом мире И.А. Бунина есть — но это не Бог Любви, а бог в его языческом, плотском понимании: страшная, темная и непостижимая *сила*). Это именно то, что можно определить как характерную черту творческого мировоззрения художника, неразрывно связанную с его творческой практикой и во многом эту практику порождающую.

Но данная черта весьма удачно вписывается в буддийское миропонимание, где также отсутствует личное божественное начало и мир предстает как бесконечная череда событий, качеств, обстоятельств, судеб и т.д. Причем она заметна еще в самых ранних произведениях писателя, до его фактического обращения к теме Востока. Таким образом, скорее можно говорить о совпадении некоторых мировоззренческих установок буддизма с художественным мировосприятием писателя, нежели о сознательном моделировании им буддийских мотивов и интенций.

Подведем некоторые итоги.

1. Обращение И.А. Бунина к теме Востока (и, в частности, буддийского Востока) было во многом мотивировано идейным контекстом эпохи, поисками новых философских и религиозных систем, которые позволили бы по-новому взглянуть и на новый мир, и на изменившегося человека.
2. Совпадения с буддийскими мировоззренческими категориями и установками в художественном мире писателя — явление объективное, обнаруживающее себя в произведениях И.А. Бунина не только с «восточным», но и с сугубо европейским и русским колоритом.
3. Названные совпадения являются не только и не столько результатом сознательного воспроизведения писателем определенной религиозно-мировоззренческой системы, сколько результатом внутреннего тождества основных художественно-мировоззренческих установок И.А. Бунина с буддийским канонам. Разумеется, это не означает, что писатель — правоверный буддист. Однако избранный им подход к пониманию человека как личности, эстетический идеал И.А. Бунина закономерно предопределяет и пути художественной реализации этого идеала в непосредственной художественной практике. А буддизм (по крайней мере, в своих базовых мировоззренческих установках) обнаруживает с ними много сходных черт. Так возникает и оформляется, приобретает характерные конститутивные черты *эстетическая философия* писателя, воплощенная в его произведениях — их образной системе, композиции, героях, содержании и логике развития их внутреннего мира и т.д. Она своеобразна и неповторима, индивидуальна и несводима к определенной философско-мировоззренческой системе или религиозному учению. И.А. Бунин — прежде всего художник, творческое мировоззрение которого реализуется в эстетической форме. Один из аспектов этого сложного процесса и явился предметом данной статьи.

Список литературы

1. Агафонова В.Д. Художественное воплощение буддийских идей в произведениях И.А. Бунина // Филология и лингвистика. — 2017. — № 1. — с. 22–24.
2. Бернюкевич Т.В. Буддийские мотивы в творчестве И.А. Бунина // Личность. Культура. Общество. — 2009. — № 2. — с. 261–270.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. — М.: Худож. лит. 1987. — 687 с.
4. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелёв. — Мюнхен, 1959.

5. *Киплинг Р.* Рассказы. Стихи. Сказки / сост., предисл. и коммент. Ю.И. Кагарлицкого. — М.: Высшая школа, 1989. — 383 с.
6. Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917. Антология. — М.: Наука, 1993. — 784 с.
7. *Смолянинова Е.Б.* Буддийский Восток в творчестве И.А. Бунина: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук: 10.01.01 / СПбГУ — СПб, 2007.
8. *Солоухина О.В.* О нравственно-философских взглядах И.А. Бунина // Русская литература. — 1984. — № 4. — С. 47–59.
9. *Тагавердиева З.Р.* Буддизм в творчестве И.А. Бунина // Инновационная наука. — 2015. — № 6. — С. 169–173.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА)

THE CONCEPT OF ANOTHER SPEECH IN RUSSIAN LINGUISTICS (BACKGROUND OUTLINE)

ТАРАСЮК Елена Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета журналистики и медиакоммуникаций МГГЭУ (e-mail: tarasyuk@mggeu.ru)

TARASYUK Elena — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Journalism and Media Communications MGGEU (e-mail: tarasyuk@mggeu.ru)

Аннотация: В статье рассматривается история изучения чужой речи в русской лингвистике, анализируются работы ведущих отечественных языковедов, начиная с М.В. Ломоносова, внесших вклад в разработку проблем, связанных с историей формирования, определением грамматического статуса, функционированием предложений, компонентом которых является чужое высказывание, а также современная точка зрения на эту проблему.

Ключевые слова: чужая речь, прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь, способы передачи чужой речи.

Abstract. The article deals with the history of speech studying in the field of Russian linguistics, as well as the outstanding linguists' points of view on this subject beginning with M.V. Lomonosov, who contributed to the development of problems related to the history of formation, the definition of grammatical status, the functioning of sentences, component of which is another's utterance. The modern approach regarding this problem is analyzed as well in the given paper.

Keywords: the concept of another speech, direct speech, indirect speech, the improperly-direct speech, methods of transmitting another's speech.

В грамматиках издавна укоренился термин «чужая речь». Им определяются включенные в авторское изложение высказывания других лиц или собственные высказывания рассказчика, о которых он напоминает. Сочетание речи рассказчика (автора) и чужой речи образует конструкцию с чужой речью. Впервые возможность передачи чужой речи применительно к русскому языку отметил М.В. Ломоносов, обозначив чужие речения термином «речи вносные». Терминологические сочетания «прямая речь» и «косвенная речь», по свидетельству исследователей, также принадлежит М.В. Ломоносову. Его труды явились основой для изучения синтаксического явления, получившего позднее название «чужой речи». Значительно позднее, после появления работ А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, И.И. Давыдова и др., стало возможным выделение чужой речи во всех ее конструктивных репрезентациях.

Вслед за М.В. Ломоносовым в конце XVIII в. к проблеме чужой речи обратился А.А. Барсов. Ученый делит чужие речения на «речи вносные» и «посторонние речи чьи-нибудь». Под «вносными речами» А.А. Барсов понимает воспроизведение развернутой монологической речи. Термином «посторонние

речи чьи-нибудь» обозначается передача кратких высказываний, которые имеют характер отдельного замечания или реплики.

В XIX в. труды по практической грамматике входят термин «косвенная речь». Он обозначает как прямую, так и косвенную речь в их современном понимании. Основное внимание уделяется поискам новых разновидностей передачи чужой речи и методике их описания. В 1890 г. Козловским поставлен вопрос о вычленении нового способа передачи чужого высказывания — несобственно-прямой речи.

В начале XX в. А.М. Пешковский выдвигает гипотезу о трех шаблонах чужой речи: прямом, косвенном и несобственно-прямом. Приблизительно в это же время В.Н. Волошинов дает первое описание несобственно-прямой речи. Новизна проблемы привлекла многих исследователей, в результате несобственно-прямая речь была освещена во многих работах, посвященных стилю художественной литературы. Л.А. Булаховский, рассматривая способ передачи несобственно-прямой речи, обозначает ее термином «свободная косвенная речь», однако в лингвистической литературе получило распространение и закрепилось название «несобственно-прямая речь». С начала XX в. начинается глубокая теоретическая разработка учения о способах передачи чужой речи, возрастает интерес к исследованию структуры и функционирования конструкций с чужими высказываниями. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь анализируются как с точки зрения научно-теоретической, так и в плане методики их преподавания в школе.

Самым плодотворным периодом в истории изучения синтаксических конструкций с чужой речью явились последние пятьдесят лет. В эти годы появляется ряд монографий и диссертационных работ, а также многочисленные статьи по различным вопросам изучения конструкций, составной частью которых являются чужие сообщения.

Собственно лингвистическим изучением чужой речи во второй половине XX в. занимались исследователи М.К. Мильх, В.И. Кодухов, Г.М. Чумаков, А.И. Зарецкий, Н.С. Поспелов, А.Г. Руднев, А.И. Молотков и др. В этих трудах по данной проблеме главное место занимают конструкции с прямой и косвенной речью. При этом лингвистами неоднозначно решается вопрос как о типах конструкций с чужой речью, о чем свидетельствует наличие множества классификаций, так и о терминах для их обозначения: ср. «прямая», «косвенная», «свободная косвенная», «несобственно-прямая речь», «тематическая речь», «свободная прямая речь» и др.

В.И. Кодухов отмечает только один признак, отличающий прямую речь от косвенной — это способ передачи чужой речи (от чьего имени передается прямая речь): «Прямой речью называется передача чужого высказывания от имени того лица, чья речь передается... Косвенной речью называется такая передача чужого высказывания, при которой оно дается от лица автора, передающего его» [1].

Выделяя главные признаки прямой речи, А.И. Зарецкий отмечает: «...то, что считается прямой речью, не всегда представляет дословную передачу чужой речи» [2, с. 60]. К такому же выводу приходит Н.К. Замошникова. Анализируя прямую речь как сообщение, переданное не дословно, Р.Г. Муха пишет: «Прямая речь может передавать высказывания вымышленные, то есть не допускающие сравнения с реальным прототипом, а также высказывания, приблизительно или ложно передающие чью-то речь...» [3].

М.К. Милых считает, что «в определении прямой и косвенной речи надо исходить из их функции, учитывать, что прямая и косвенная речь — это способы передачи содержания чужого высказывания от лица автора, т.е. лица, передающего чужую речь, а затем искать способы грамматического оформления этого приема передачи чужой речи» [4].

Н.Ю. Сахарова различает первоначальную речь и речь переданную. Первоначальная речь — это речевое произведение, имевшее место в действительности; это категория, которая осознается ретроспективно, когда мы встречаемся с прямой речью. Переданная речь всегда условна и в соответствии со своей природой осознается как знак первоначальной речи, поэтому содержащие переданную речь способы передачи речи тоже условны и тоже имеют знаковую природу» [5, с. 11–12].

Процесс восприятия и передачи первоначальной речи предполагает различные изменения в ее лексическом составе и структуре, вызванные временной дистантностью (в большинстве случаев) актов восприятия и воспроизведения речи, условиями и целями передачи, а также избранным способом передачи чужого высказывания. Это положение подтверждается данными психолингвистики. Первоначальная речь (текст), воспринятая тем, кто потом ее передает, сжимается в сознании «в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержится в лексическом интеграле полученного высказывания» [6].

Обобщая сказанное, констатируем, что в виде чужой речи могут быть переданы с различной степенью точности как высказывания, имевшие место в реальной действительности, так и высказывания, не имеющие в своей основе первоначальной речи, появляющиеся в момент сообщения, но грамматически оформленные как переданные. Нельзя отрицать того, что прямая речь может представлять собой дословно переданную первоначальную речь. Но, если принять тезис о дословности воспроизведения как об одном из основных признаков прямой речи, то само понятие «прямой» суживается до понятия «цитированной» речи [2, с. 66]. В большинстве же случаев прямая речь не является воспроизведением первоначальной речи без каких-либо изменений, однако прямая речь — это единственное грамматическое средство, которое имеет вид точной передачи чужого высказывания. При использовании других способов передачи чужой речи обязательна смена форм местоимений, которые употребляются здесь с точки зрения того, кто передает чье-либо высказывание, и, следовательно, мы не можем говорить о возможности полного лексического тождества между первоначальной речью и переданной речью.

Однако степень точности переданной речи по сравнению с речью первоначальной существенной роли для отграничения прямой речи от косвенной речи не играет. Известный исследователь чужой речи Г.М. Чумаков выделяет пять основных типов передачи чужого высказывания: прямую, косвенную, тематическую, свободную прямую и несобственно-прямую речь.

По характеру выражения коммуникативной роли чужая речь, с точки зрения Г.М. Чумакова, делится на внешнюю и внутреннюю; по степени точности — на свободную и цитированную (абсолютно точную речь). Автор выделяет пять форм реализации чужой речи: монолог, монологическая реплика, диалог, полилог, монолог-диалогическую речь [7, с. 56–57].

По общему типу и способу реализации чужой речи Г.М. Чумаков выделяет несколько их разновидностей: 1) разговорная, или обычная, речь; 2) письменная, или документальная, речь; 3) песенная речь; 4) звукоподражательная речь; 5) сигнальная речь.

Предложенная Г.М. Чумаковым классификация привлекает многоаспектным подходом: комплексный учет семантики, структуры и функции чужой речи в случае его реализации, вероятно, мог бы привести к существенным выводам. Однако реализация такого подхода в работе Г.М. Чумакова не дает ожидаемого результата. Комплексный подход к материалу на деле воплотился в сумму различных подходов: в одних случаях в основу классификации кладется функция, в других — структура, в третьих — семантика.

Г.М. Чумаков считает, что специфические черты структурной организации и семантики конструкций с чужой речью, а также их особая функциональная, в том числе художественно-эстетическая, значимость позволяют ставить вопрос о выделении их в самостоятельный (четвертый) раздел синтаксиса (наряду с синтаксисом словосочетания, синтаксисом предложения и синтаксисом сложных синтаксических целых) с применением к нему нового термина «репрезентология» [7, с. 9]. Исследователи, изучающие предложения с чужой речью, их структуру, едва ли не единодушно приходят к выводу, что чужая речь — это особое, самобытное явление синтаксической организации речи, грамматический феномен. Наиболее дискуссионным в специальной литературе становится вопрос о грамматической природе конструкций с прямой речью. Одни исследователи соотносят эти конструкции со сложным предложением бессоюзного типа, другие — с конструкциями с вводными и вставными предложениями, в качестве которых рассматриваются авторские вводные слова. Третьи считают, что связь между словами автора и прямой речью еще менее тесная, чем сочинительная. Они квалифицируют конструкции с прямой речью не как синтаксическое единство, а как совокупность соположенных компонентов, которые могут быть оформлены даже средствами разных языков. Четвертые, и эта точка зрения представляется наиболее убедительной, квалифицируют конструкцию с прямой речью как специфическую категорию.

В «Грамматике русского языка» 1954 г. прямая и косвенная речь определяются так: «Чужая речь, воспроизведенная дословно, с точным сохранением не только ее содержания, но и всех особенностей лексики, грамматики и стиля высказывания и следующая за авторской речью в виде самостоятельного предложения, называется прямой речью. Чужая речь, воспроизведенная не дословно, а лишь с сохранением содержания и образующая вместе с авторской речью сложноподчиненное предложение, называется косвенной речью» [8].

Таким образом, уже в определении этих форм чужого высказывания даются их основные признаки. Для прямой речи эти признаки могут быть определены следующим образом: 1) дословное воспроизведение чужой речи, с точным сохранением содержания высказывания, лексики, грамматики и стиля; 2) строгое соблюдение структуры предложения с прямой речью, состоящей из вводных авторских слов и самого чужого высказывания в виде самостоятельного предложения.

В косвенной речи эти признаки выглядят так: 1) недословная передача чужой речи с сохранением лишь содержания; 2) структура косвенной речи — сложноподчиненное предложение, состоящее из главного и придаточного предложе-

ний. Подобное понимание прямой и косвенной речи является наиболее характерным в современной лингвистике.

Однако ряд ученых считает, что формы чужой речи не укладываются в эти рамки, выделяя простое предложение со сказуемым — глаголом речи, в структуре которого высказывание передается именным оборотом или инфинитивным оборотом (М.К. Милых, А.В. Величко, Н.Н. Чайковская, Г.М. Чумаков) и бессоюзное предложение (Н.Н. Чайковская). Этот широкий взгляд современных исследователей на проблему чужой речи, широкое понимание форм передачи чужой речи нашел подтверждение при проведенном нами семантико-синтаксическом анализе конструкций с косвенной речью. Косвенная речь — это способ передачи чужой речи, когда она передается не от лица того, кому она принадлежит (субъекта речи), а от лица говорящего (автора всего высказывания — метасубъекта косвенной передачи). По своей сущности косвенная речь (внешняя — устная/письменная или внутренняя — высказанная/невысказанная) — это всегда речь в речи, речевой акт в речевом акте (если рассматривать косвенную передачу речи как акт реальной коммуникации). Высказывания с косвенной передачей чужой речи представляют собой сложное переплетение субъективных и объективных смыслов двух речевых актов: передаваемого РА и РА косвенной передачи.

Несмотря на давнее и многостороннее изучение синтаксических конструкций с чужой речью, требует исследования проблема способов представления пропозиционального содержания передаваемой речи; способов выражения компонентов типовой ситуации речи: адресанта и адресата, речевого действия, поясняющих компонентов и другие проблемы, связанные с определением грамматического статуса, семантикой предложения, компонентом которых является чужое высказывание.

Список литературы

1. *Кодухов В.И.* Прямая и косвенная речь в современном русском языке. — Л.: Учпедгиз, 1957.
2. *Зарецкий А.И.* Что такое прямая и косвенная речь? // Труды Воронежского гос. ун-та. — 1957. — Т. 59. — С. 59–67.
3. *Муха Р.Г.* К вопросу о прямой речи (на материале английского языка) // Уч. зап. Харьков. гос. пед. ин-та иностр. яз. — 1959. — Т. 5. — С. 99–100.
4. *Милых М.К.* Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1975.
5. *Сахарова Н.Ю.* Несобственно-прямая речь в системе способов передачи чужой речи (на материале французской литературы): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / ЛГПИ им А.И. Герцена. — Л., 1970. — 24 с.
6. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982.
7. *Чумаков Г.М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. — Киев: Вища шк., 1975.
8. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. Ч. 1 / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.

А.В. Герасимов, С.Д. Савенок

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE STATE STRATEGY FOR PROMOTING THE EMPLOYABILITY AND EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN MODERN RUSSIA

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии МГГЭУ (e-mail: gav-53@mail.ru)

САВЕНОК Сергей Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии МГГЭУ (e-mail: savenok@mggu.ru)

GERASIMOV Anatoly — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of History and Philosophy, MGGEU

SAVENOK Sergey — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Sociology Department, MGGEU

Аннотация. В статье раскрывается проблема обеспечения занятости инвалидов в современной России. Особое внимание обращается на взаимосвязь формируемой организационной модели трудоустройства с государственной стратегией содействия занятости инвалидов. Авторы предлагают сформировать национальную систему трудоустройства и сопровождаемой занятости инвалидов, раскрывает ее структурные компоненты.

Abstract. The article reveals the problem of employment of disabled people in modern Russia. Special attention is paid to the interrelation of the formed organizational model of employment with the state strategy of promoting employment of disabled people. The authors suggest to form a national system of employment and accompanied employment of disabled people, revealing its structural components.

Ключевые слова: инвалид, государство, государственная стратегия, государственная услуга, занятость, трудоустройство, профессиональная ориентация.

Key words: disabled person, state, government strategy, government service, employment, job placement, professional orientation.

Рост численности инвалидов, их низкая трудовая занятость¹, растущий интерес самих инвалидов к доступному профессиональному образованию и последующему трудоустройству — все это актуализирует проблему, связанную

¹ Справочно: на 1 января 2017 г. в России проживало 12,3 млн инвалидов, работали из них около 2 млн человек. Доля работающих инвалидов трудоспособного возраста в нашей стране составляет порядка 31,8% (около 1,1 млн человек) от общего числа инвалидов трудоспособного возраста (около 3,7 млн человек). В европейских странах этот показатель достигает 40%.

с государственной политикой в сфере трудовой занятости инвалидов. Повышение трудовой занятости инвалидов может улучшить уровень их жизни, способствовать полноценной и равноправной интеграции в общество.

Занятость — это не противоречащая законодательству деятельность граждан, связанная с удовлетворением их личных и общественных потребностей и приносящая им заработок, трудовой доход. В сфере трудоустройства своих граждан государство может проводить как активную, так и пассивную деятельность. Первая из них предполагает принятие ряда мер, направленных на содействие занятости населения, включая инвалидов.

Содействие занятости инвалидов — это сложный, многоплановый процесс их возвращения или приобщения к общественно полезному труду в соответствии с состоянием здоровья, способностями и личными пожеланиями. Государственная стратегия содействия занятости инвалидов представляет собой комплекс мероприятий, направленных на трудоустройство и сопровождение при содействии занятости индивидов с учетом их психофизиологических особенностей, склонностей, интересов, возможностей и потребностей на рынке труда. Ее можно рассматривать как в статике (как некий документ), так и в динамике (как процесс, включающий в себя стратегический анализ, стратегический выбор с отбором альтернативных вариантов при определенных условиях и реализацию стратегии). Причем динамический аспект государственной стратегии предполагает необходимость корректировки и уточнения стратегических целей и задач, а также механизмов их достижения и соответствующих индикаторов.

Выбор государственной стратегии содействия занятости инвалидов существенно зависит от взятой за основу организационной модели трудоустройства. Для нашей страны традиционно характерна административная модель: вопросы трудоустройства решаются преимущественно государством, проводящим определенную политику занятости инвалидов на основании квотирования рабочих мест, создания специальных предприятий и проведения гибкой фискальной политики. Другими словами, в сфере содействия занятости инвалидов при реализации административной модели доминирует принцип «кнута и пряника». В роли первого выступает квотирование рабочих мест, а в качестве второго — налоговые льготы. Как правило, такая государственная стратегия содействия занятости инвалидов не соответствует рыночным реалиям.

Практика показывает, что работодателю невыгодно брать на работу человека с инвалидностью, зачастую не готового к работе как специалиста, не готового строить взаимоотношения в трудовом коллективе, требующего длительной адаптационной и профессиональной подготовки, организации рабочего места и адаптации здорового коллектива к человеку с определенными проблемами со здоровьем. Работодатель имеет проблемы, но не имеет существенных государственных преференций (наиболее значимые налоговые льготы отменены), не готов и не умеет работать с государственными службами занятости. Предприятия и учреждения предпочитают нанять трудоспособного гражданина без ограничений жизнедеятельности и при необходимости заплатить штраф, нежели заботиться об адаптации инвалида и заниматься обустройством под него рабочих и бытовых помещений.

Распоряжением Правительства России от 10 мая 2017 г. № 893-р утвержден план мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2017–2020

годы, подготовленный Минтрудом России [2]. Планом предусмотрены меры, направленные на совершенствование механизма квотирования рабочих мест для инвалидов, осуществление контрольно-надзорной деятельности за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты, оптимизацию работы органов исполнительной власти и органов службы занятости в целях расширения возможностей трудоустройства инвалидов. В 2017 г. служба занятости помогла найти работу 88,6 тыс. инвалидов, что больше на 33 тыс. человек, чем годом ранее [4].

Нынешняя государственная стратегия содействия занятости инвалидов по-прежнему носит ярко выраженный административный характер. Во-первых, она основывается не столько на сбалансированности интересов государства, потенциального работодателя и работника-инвалида, сколько на государственных интересах. Во-вторых, она почти не учитывает того факта, что уровень работоспособности инвалида объективно ниже, чем у здорового человека. В-третьих, в законодательстве предусмотрен широкий спектр прав инвалидов в трудовой сфере, однако финансовое и организационное бремя их обеспечения необоснованно возложено на работодателя. Например, норма времени труда инвалида меньше, чем у обычного работника, однако зарплата такая же. При этом никаких компенсаций от государства нанимателю не предусмотрено.

Наконец, политика государства еще больше усиливает бытующее мнение у большинства работодателей относительно условий работы инвалидов. Так, например, считается, что уволить инвалида или подвергнуть дисциплинарному взысканию нельзя. По крайней мере, судебная практика свидетельствует о преимущественной защите прав работников-инвалидов.

В настоящее время Россия стоит на пороге поэтапного перехода от административной к социально-ориентированной модели трудоустройства инвалидов. При реализации этой модели государственные органы социальной защиты и занятости населения оказывают содействие выпускникам образовательных учреждений в рамках сложившейся конъюнктуры рынка труда и имеющихся квот и вакансий. Между потенциальными работодателями, вузами, органами местного самоуправления и общественными организациями устанавливаются прочные взаимосвязи, способствующие решению проблемы занятости инвалидов. Иными словами, управление сферой занятости инвалидов должно приобрести системный характер.

На наш взгляд, в целях координации и повышения социально-экономической эффективности управленческой деятельности в области содействия занятости инвалидов необходимо создать *национальную систему трудоустройства и сопровождаемой занятости инвалидов*. Она может быть представлена государственными и негосударственными (некоммерческими) организациями, деятельность которых направлена на решение задач профессиональной ориентации, трудоустройства и сопровождения при содействии занятости инвалидов путем объединения совместных ресурсов и координации своих действий. В федеративном государстве такая система должна полноценно функционировать как на федеральном, региональном (субъектном), так и местном (муниципальном) уровнях.

В самом общем виде структура национальной системы сопровождаемой занятости инвалидов может быть представлена как целостная совокупность следующих структурообразующих подсистем: институционально-организа-

онной, информационно коммуникативной, нормативно-правовой, профессионально-кадровой и подсистемы материально-технического и финансово-экономического обеспечения.

Институционально-организационная подсистема включает в себя органы государственной власти и местного самоуправления, специализированные государственные учреждения и разветвленную сеть общественных организаций, занимающихся решением вопросов профессиональной реабилитации инвалидов.

Органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке и реализации государственной политики в сфере труда и занятости населения в России, в том числе и инвалидов, являются Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации и подведомственные ему организации, региональные органы управления социальной сферой и Центры занятости населения. На местах могут создаваться и специальные структуры. Например, в Москве действует «Отдел трудовой адаптации молодежи и инвалидов» Комиссии общественных связей города Москвы. Все эти органы имеют схожие цели: разрешать основные проблемы трудоустройства инвалидов и других социально незащищенных категорий граждан. Кроме контроля над соблюдением квот они реализуют массу различных программ: подбор персонала из числа инвалидов для заинтересованных работодателей; проведение ярмарок вакансий; повышение квалификации лиц с инвалидностью, содействие частной инициативе и открытию индивидуальных предприятий инвалидами; формирование групп для выполнения оплачиваемых общественных работ и др.

Специализированные государственные учреждения обеспечивают медицинское и психолого-педагогическое сопровождение, учебно-производственный процесс и трудоустройство инвалидов. Вместе с заинтересованными органами исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления они содействуют занятости инвалидов:

- путем формирования специализированных регистров получателей государственных услуг, включающих сведения о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей для инвалидов по использованию их труда;
- путем подбора заказчиков на выполнение работ, связанных с привлечением труда инвалидов;
- путем координации взаимодействия организаций, заинтересованных в трудовой реабилитации инвалидов;
- путем создания сети консультативных центров для оказания бесплатных информационно-консультативных услуг инвалидам по их профессиональной ориентации и трудоустройству и работодателям, желающим создать и оборудовать рабочие места для инвалидов;
- путем содействия инвалидам в получении профессионального образования, включая организацию создания учебных мест для инвалидов, в том числе для детей-инвалидов, обучающихся на дому с использованием дистанционных образовательных технологий;
- путем разработки стандартов специально оборудованных рабочих мест и содействия в создании специальных условий на рабочем месте для инвалидов;
- путем содействия инвалидам в их трудоустройстве и самозанятости.

Содействие занятости инвалидов может осуществляться в формах информирования по вопросам занятости, обеспечения профессионального образования,

трудоустройства в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалидов, созданием адаптированных рабочих мест и условий труда для инвалидов.

За последние 10–15 лет в России создано немало общественных организаций, призванных содействовать занятости инвалидов. Например, в Москве активную деятельность, направленную на содействие занятости инвалидов, осуществляют региональная общественная организация инвалидов «Перспектива», Центр социально-трудовой реабилитации «Инициатива-М», Биржа труда инвалидов «МИКО», Объединение ассоциаций инвалидов и др.

Информационно-коммуникативная подсистема представляет собой всю совокупность каналов коммуникаций, способов и методов обмена информации, ее систематизации и использования в целях оперативного решения задач профессиональной реабилитации инвалидов.

Так, на портале «Работа в России» организован специальный раздел «Трудоустройство инвалидов». В нем представлена информация о вакансиях, социальных услугах для инвалидов и правилах их оформления, а также о государственной поддержке граждан, ухаживающих за инвалидами. На портале имеется возможность выбора вакансии с учетом определенного ограничения функции жизнедеятельности (нарушение слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата и т.д.). Также реализован голосовой сервис, позволяющий гражданам с ограничениями по зрению пользоваться всем функционалом портала. Дополнительно появился фильтр «Квотируемое рабочее место», отражающий наличие у работодателя свободных рабочих мест для инвалидов в счет квоты. В настоящее время на портале представлена информация о 67 тыс. свободных рабочих мест для инвалидов, в том числе квотируемых [4].

В ряде субъектов РФ разрабатываются и внедряются регламенты межведомственного взаимодействия при организации профессиональной ориентации, профессионального обучения и трудоустройства инвалидов и лиц с ОВЗ, а также сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве. Например, такой регламент был разработан в Брянской области [3]. В нем определены: участники межведомственного взаимодействия; виды деятельности, осуществляемой участниками в рамках межведомственного взаимодействия; формы межведомственного взаимодействия; требования к содержанию, порядку и условиям обмена информацией, в том числе в электронной форме.

К основным участникам межведомственного взаимодействия относятся: департамент образования, его подведомственные учреждения и организации, управление государственной службы по труду и занятости с подведомственными ему государственными казенными учреждениями — центрами занятости населения, федеральное казенное учреждение «Главное бюро медико-социальной экспертизы» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи. В процессе межведомственного взаимодействия могут также участвовать органы местного самоуправления, общественные объединения инвалидов, образовательные организации высшего образования, профессиональные образовательные организации, общеобразовательные организации, некоммерческие социально ориентированные организации, объединения работодателей, иные организации в соответствии с компетенцией.

Межведомственное взаимодействие может осуществляться в следующих формах: обмен документами и информацией, в том числе в электронной форме; создание координационных и совещательных органов, комиссий, рабочих групп; заключение соглашений о взаимодействии; осуществление работы по законодательной и нормативной деятельности; осуществление совместных действий (мероприятий) в рамках реализации индивидуальных программ реабилитации или абилитации инвалидов (детей-инвалидов); проведение информационной работы.

Что касается требований к содержанию, порядку и условиям обмена информацией, в том числе в электронной форме, то они, как правило, определяют:

- порядок оформления и направления межведомственных запросов о предоставлении информации (при направлении запроса по электронной почте или в форме документа на бумажном носителе);
- соблюдение участниками межведомственного взаимодействия конфиденциальности и безопасности передачи персональных данных граждан в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- порядок и срок уведомления запрашивающего органа о невыполнении запроса;
- срок подготовки и направления ответа на межведомственный запрос.

Особого внимания заслуживает вопрос взаимодействия между федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы и органами службы занятости, на которые с 1 января 2019 г. в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2017 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации”» возлагается функция организации сопровождения при содействии занятости инвалида [1]. Под сопровождением при содействии занятости инвалида понимается оказание индивидуальной помощи незанятому инвалиду при его трудоустройстве, создание условий для осуществления им трудовой деятельности и ускорения его профессиональной адаптации на рабочем месте, а также формирование пути его передвижения до места работы и обратно и по территории работодателя.

Мероприятия по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов включаются в региональные программы содействия занятости населения. Местные власти могут участвовать в организации и финансировании такого сопровождения. Информация о незанятых инвалидах, испытывающих трудности в поиске работы, об оказанных государственных услугах по содействию их занятости включается в Регистр получателей государственных услуг в сфере занятости населения — физических лиц.

Установлены особенности организации содействия занятости инвалидов. При осуществлении содействия занятости инвалидов органами службы занятости совместно с работодателями обеспечиваются индивидуальный подход, мониторинг трудоустройства и закрепляемости инвалидов на рабочих местах, оборудованных для работы инвалидов.

Нормативно-правовая подсистема интегрирует общенациональные ценностные установки, формализованные (правовые) и неформализованные нормы, регулирующие отношения в сфере трудоустройства и сопровождения при содействии занятости инвалидов.

Важное значение имеет разработка стандартов государственной услуги содействия инвалидам в поиске подходящей работы, а работодателям — в под-

борке необходимых работников-инвалидов, в том числе из числа выпускников образовательных учреждений. Стандарт должен устанавливать требования, обязательные при осуществлении государственными учреждениями службы занятости населения содействия гражданам в поиске подходящей работы и подборе работодателям необходимых работников. Приказом Минтруда России от 13 ноября 2012 г. № 524н утвержден Федеральный государственный стандарт государственной услуги содействия гражданам в трудоустройстве, но он фактически не учитывает вопросы содействия трудоустройству инвалидов.

Представляется весьма важным оперативное внесение соответствующих изменений и дополнений в действующие правовые акты, регулирующие отношения в сфере труда и занятости на основе синхронизации государственной социальной и правовой политики в сфере трудоустройства и трудового сопровождения инвалидов и других категорий социально незащищенных граждан.

Профессионально-кадровая подсистема представляет собой совокупность лиц, непосредственно или опосредованно участвующих в оказании услуг в сфере трудоустройства и профессиональной реабилитации инвалидов. Это и чиновники (государственные и муниципальные служащие), медицинские работники, преподаватели, учителя общеобразовательных учреждений, представители общественных организаций и др.

Подсистема материально-технического и финансово-экономического обеспечения включает всю совокупность материальных и финансовых затрат на медико-социальную экспертизу, квотирование и создание дополнительных рабочих мест, получение профессионального образования, профессиональную переподготовку, оказание консультационных услуг инвалидам и т.п.

Основными тенденциями развития государственной политики трудовой занятости инвалидов являются: усиление связи между реабилитацией и трудовой занятостью инвалидов; устранение значительной дифференциации в уровне государственной поддержки инвалидов в различных регионах Российской Федерации; повышение координации деятельности различных служб и учреждений в области трудовой занятости инвалидов как на федеральном, так и на региональном уровнях; обеспечение сбалансированности интересов инвалидов и работодателей; совершенствование механизма квотирования рабочих мест для инвалидов; совершенствование системы гарантированного трудоустройства инвалидов; развитие механизма сопровождаемой занятости инвалидов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2017 N 476-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286752/ (дата обращения: 06.03.2018).
2. План мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2017–2020 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 мая 2017 г. № 893-р. [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/11/pravitelstvo-rasp893-site-dok.html> (дата обращения: 06.03.2018).
3. Об утверждении регламента межведомственного взаимодействия при организации профессиональной ориентации, профессионального обучения и

трудоустройства инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве. Правительство Брянской области. Постановление от 16 января 2017 г. № 9-п [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/974043635> (дата обращения: 06.03.2018).

4. Министр Максим Топилин: В 2017 году служба занятости помогла найти работу 88,6 тыс. инвалидов [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты РФ. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/7> (дата обращения: 06.03.2018).

И.В. Головина, Т.Я. Александрова

**ЗА ПРЕДЕЛАМИ СТАНДАРТА: О ПРЕПОДАВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОМ
ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

**BEYOND THE STANDARD: THE TEACHING OF ECONOMIC
THEORY IN THE MODERN TECHNICAL UNIVERSITY**

ГОЛОВИНА Ирина Витальевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика и управление» Северо-кавказского филиала Ордена Трудового Красного Знамени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский технический университет» (СКФ МТУСИ) (e-mail: golovina1953@gmail.com)

АЛЕКСАНДРОВА Татьяна Яковлевна — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией «Современные методы управления» Северо-кавказского филиала Ордена Трудового Красного Знамени федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский технический университет» (СКФ МТУСИ) (e-mail: talexand774@mail.ru)

GOLOVINA Irina Vitalievna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head the Department «Economy and management» of The North Caucasian Branch of The Order of The Red Banner of Labour of The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Moscow Technical University (SCF MTUCI) (e-mail: golovina1953@gmail.com)

ALEXANDROVA Tatiana Yakovlevna — Candidate of Economic Sciences, Head The Laboratory of «Modern Management Methods» North-Caucasian Branch of The Order of The Red Banner of Labour of The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Moscow Technical University (SCF MTUCI) (e-mail: talexand774@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается круг проблем, касающихся содержания и методики преподавания экономической теории студентам инженерных направлений и специальностей технических вузов. Показано значение экономической подготовки студентов для их будущей профессиональной деятельности. Сформулированы предложения по использованию информационных технологий в преподавании экономической теории.

Ключевые слова: экономическая теория, поведенческая экономика, методика преподавания, информационные технологии, мультимедийная презентация, образовательный стандарт.

Abstract. The article discusses the issue in terms of content and methods of teaching economic theory for students of engineering majors at technical universities. The

significance of students' economic trainings for their future careers is revealed. Suggestions for the use of information technology in economic theory teaching are given as well.

Keywords: *economic theory, behavioral Economics, methods of teaching, information technology, multimedia presentation, educational standard.*

Проблема интеграции высшего образования и производства, обеспечения тесного взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда сохраняет актуальность на протяжении десятилетий. Поиск ее решения продолжается до сих пор, появляются все новые инициативы в этом направлении, такие, например, как сближение образовательных и профессиональных стандартов, разделение бакалавриата на академический и прикладной и т.д. [2, с. 10].

Прагматический подход к высшей школе как сфере оказания образовательных услуг, причем во все более возрастающей степени на контрактной основе, сказался на содержании образовательных программ, ориентированных в большинстве случаев на узкоспециализированную подготовку выпускников.

Научно-педагогической общественностью уже не раз высказывалась тревога по поводу вымывания основ фундаментальной подготовки в сфере высшего образования. Безусловно, базовая часть образовательных программ технических вузов содержит предусмотренный стандартами перечень дисциплин, включающих философию, историю, иностранный язык и др. Вот только экономической теории в этом списке места не нашлось. Конечно, остается возможность выбора этой и других экономических дисциплин самим вузом, но реализуется ли эта возможность?

В нынешних условиях, когда технические вузы нацелены на усиление профессиональных компонентов образовательных программ, едва ли можно ждать от них инициативы в пользу экономических дисциплин. Собственно, подобный нигилизм в отношении экономических дисциплин как непрофильных в подготовке инженеров существовал всегда, однако в прежние годы он сдерживался либо идеологическими императивами, как в советское время, либо требованиями государственного образовательного стандарта, поскольку, например, ГОС 2-го поколения содержал дисциплину «экономика» в качестве федерального компонента.

Таким образом, проблема имеет давнюю историю, что, однако, не отменяет необходимости ее решения. Следует подчеркнуть, что речь идет не о подготовке экономистов для конкретных отраслей в контексте определенного направления и профиля обучения, хотя и эта проблема не менее актуальна.

Важно обеспечить определенный уровень экономической подготовки каждому выпускнику, вступающему в профессиональную жизнь. Ведь каждому придется принимать осмысленные экономические решения, причем не только в отношении собственных доходов и расходов, но и в процессе решения профессиональных задач. Кстати, по ряду технических направлений в состав видов профессиональной деятельности, по которым готовятся выпускники, ФГОС ВО включает и предпринимательскую деятельность. О каком предпринимательстве может идти речь без знания экономики, хотя бы общих основ? Крылатое выражение «цена вопроса» давно уже вышло за рамки первоначального смысла (размер взятки за положительное решение вопроса) и отражает рыночные реалии, экономические и финансовые последствия любого решения, касающегося как узкоспециализированных, так и глобальных социально-экономических проблем.

Справедливости ради стоит отметить, что определенное понимание ущербности подготовки будущего профессионала, не обладающего сформированным экономическим мышлением, все же пробивает себе дорогу в техническом вузе. Так, в рамках подготовки бакалавров в образовательные программы включаются отраслевые или частные экономические дисциплины. Однако без знания основ экономического устройства общества изучение, например, экономики конкретной отрасли или основ технико-экономического анализа и т.п. просто повисает в воздухе, не складываясь в систему.

Необходимость экономической подготовки любого выпускника выглядит особенно очевидной и настоятельной ввиду участвовавших кризисных явлений в экономике, не только национальной, но и мировой. В условиях, когда бюджет страны чуть ли не наполовину завязан на нефтегазовых доходах, важно представлять себе, как преумножить или уберечь от обесценивания свои доходы, чтобы обеспечить завтрашний день. Несмотря на призывы поменьше обращать внимание на колебания валютных курсов, прозвучавшие не так давно из уст одного из топ-менеджеров ЦБ, каждому поневоле приходится разбираться в том, как работает экономический механизм, анализировать и прогнозировать развитие ситуации.

Последние годы усилился интерес к изучению поведенческих аспектов хозяйственной деятельности. Новый подход знаменует отказ от неоклассической парадигмы с ее постулатом рациональности хозяйственного поведения и привносит психологические моменты в исследование экономических процессов, в которых действуют люди со своими предпочтениями, интуицией, эмоциональными оценками и т.п.

Иррациональность поведения, основанного на интуиции и ожиданиях, может сделать человека объектом манипуляций со стороны маркетологов, производителей и других рыночных субъектов.

Безусловно, иррациональные моменты присутствуют при принятии тех или иных хозяйственных решений, особенно в условиях возрастающей степени неопределенности экономической среды. Более того, люди ограничены не только в доступе к информации, но и в возможностях ее переработки. Это, однако, не отменяет необходимости искать оптимальные или, по крайней мере, удовлетворительные пути и направления деятельности. Тем важнее дать будущим специалистам и бакалаврам необходимые знания, заложить основы, вооружить хотя бы самыми общими ориентирами.

В таком случае встает вопрос о требованиях, которые должны предъявляться к содержанию учебной дисциплины «экономика». Постановка такого вопроса вполне правомерна, поскольку, во-первых, экономическая теория представлена различными направлениями и школами; во-вторых, в стандартах третьего поколения не прописано содержание дисциплин, как это делалось в стандартах предыдущих поколений. Тем самым формирование проблематики курса экономической теории становится прерогативой каждой кафедры, каждого конкретного вуза.

Представляется, что главная задача, которую нужно решить, обеспечивая должный уровень преподавания экономических дисциплин, заключается в том, чтобы научить будущих инженеров, «технарей» говорить с представителями бизнеса на одном языке, уметь вычленять экономические аспекты любого технического решения, оценивать его последствия, делать осмысленный выбор в

пользу лучшей из имеющихся альтернатив. Чтобы решить подобную задачу, экономическая теория, а вслед за ней и учебная дисциплина «экономика» должна, как призывал в свое время Дж. М. Кейнс, перестать быть набором готовых решений и стать скорее методом, чем учением, интеллектуальным инструментом, техникой мышления.

Как известно, компетентностный подход ориентирует на применение полученных в вузе знаний и умений. Из этого и следует исходить, определяя проблематику курса экономики.

В последние годы изданы десятки учебников по экономике, предназначенных для бакалавров, в том числе, для технических вузов. Разнообразие учебников демонстрирует довольно широкий спектр экономических идей и концепций преподавания. И это понятно, поскольку современная экономическая мысль представлена многочисленными направлениями и школами, среди которых достаточно проблематично выделить то, что принято называть «*mainstream*». Ряд трудностей концептуального характера связан с «экспансией» экономической теории в самые различные области общественности, что актуализирует развитие междисциплинарных связей и тем самым приводит к расширительным трактовкам ключевых экономических понятий, усиливая неопределенность подходов и методологии. Приходится констатировать, что отечественная экономическая мысль все еще находится в процессе поиска собственной парадигмы, которую следовало бы положить в основу разработки учебной и методической литературы.

Эта ситуация не могла не отразиться на содержании отечественных учебников. Одни авторы предпринимают попытки адаптировать «экономикс» к российским реалиям, авторы других стремятся объединить, синтезировать положения, принадлежащие различным школам. Представляется, что содержание современного курса экономики для технического вуза должно стать предметом обсуждения всех участников учебного процесса, причем не только педагогов, но и студентов, и потенциальных работодателей.

Не претендуя на собственные открытия и достижения в этой области, но в то же время, опираясь на многолетний опыт работы, попытаемся определить круг проблем, которые обязательно должны быть включены в содержание курса экономики для неэкономических (технических) направлений подготовки. К ним относятся:

- ресурсы: состав, ограничения, эффективность использования;
- рынок: структура, основы ценообразования;
- затраты и результаты хозяйственной деятельности, прибыль и ее источники;
- деньги, денежно-кредитная политика;
- доходы, их распределение и перераспределение;
- государство и его регулирующая роль; государственный бюджет;
- экономическое поведение и выбор производителей и потребителей, экономика домашних хозяйств.

Приведенный перечень можно структурировать, выделив исходные экономические положения, а также микро- и макроэкономические проблемы.

Не менее актуальной проблемой является обновление методики преподавания экономической теории, которая остается по преимуществу традиционной, несмотря на призывы к усилению проблемности, интерактивности и т.п. Сама организация учебного процесса, предусматривающего лекции, практические за-

нения, самостоятельную работу и контроль, с жестко определенными и зафиксированными в планах часами, заведомо предполагает использование сложившихся методов преподавания, нацеленных исключительно на то, чтобы донести до студентов содержание дисциплины, но не формирование соответствующих компетенций, в том числе умения применять экономические знания в будущей профессиональной деятельности.

Многие надежды на обновление, «осовременивание» методики преподавания связываются сегодня с внедрением информационных технологий, что придает образованию новое качество, позволяет существенно интенсифицировать весь процесс обучения, расширить доступ к информационным ресурсам, обеспечить студентов электронными пособиями, применять мультимедийные средства на учебных занятиях и т.д.

К настоящему времени уже можно говорить о накопленном опыте использования информационных технологий в образовании вообще и в преподавании экономических дисциплин, в частности. Преподаватели используют компьютеры как техническое средство реализации традиционных педагогических технологий, разрабатывая, например, мультимедийные презентации в целях визуализации учебного материала. Значительно реже используются программные продукты для бизнеса, такие, как «1С: Предприятие», *Probject Expert* и др. Применяется компьютерное тестирование как средство текущего и рубежного контроля. Широко используются интернет-ресурсы как источник информации, что позволяет поднять уровень самостоятельной работы студентов, поручать им выполнение заданий, имеющих творческий, поисковый характер.

Потенциал огромен и очевиден для всех участников учебного процесса, но насколько эффективно он реализуется? Прежде всего, стоит отметить неразработанность методических аспектов применения информационных технологий. Меняется роль преподавателя, лектора, который утрачивает монополию на информацию; он, скорее, проводник, который призван указать путь, способ получения знания. Но для этого он сам должен обладать определенной информационной культурой, не говоря уже о навыках работы с программными продуктами, умении использовать мультимедийные ресурсы.

Так, например, многие лекторы используют мультимедийные презентации, что, безусловно, может существенно повысить степень наглядности, заострить внимание на ключевых положениях или незнакомых терминах и понятиях. Однако здесь возможны крайности, когда лекция превращается в комментарий изображений, представленных на слайдах или если презентация представляет из себя исключительно текстовые слайды, предназначенные для их переписывания студентами. Тем самым общение преподавателя и студента сводится к минимуму, исключается воздействие личности преподавателя на обучающихся. Достигнет ли такая лекция своей цели? Ведь это все те же репродуктивные методы, только на новый лад.

Представляется, что презентации вполне уместны в преподавании экономической теории, если они выполняют две основные функции: во-первых, иллюстративную, поскольку учебный материал содержит формулы, графические изображения, нуждается в подкреплении теоретических положений статистическими данными; во-вторых, систематизирующую, поскольку дает возможность структурировать тему, вычленить главные проблемы, поставить

ключевые вопросы. При этом текст на слайдах должен быть минимизирован и ни в коем случае не дублировать слова лектора. Если перегрузить лекцию текстовыми слайдами, студенты окажутся перед выбором: слушать лектора или переписывать текст. Ведь и то, и другое одновременно они делать просто не смогут [3, с. 181].

Приведенные рекомендации основаны на личном опыте использования мультимедийных презентаций; авторы не претендуют на разработку соответствующей методики, однако очевидна насущная необходимость исследований в этом направлении.

Не менее актуальной задачей является формирование информационной культуры у студентов, привитие им навыков работы с информацией. Это, прежде всего, вопрос организации и контроля самостоятельной работы студентов. Не секрет, что студенты зачастую крайне потребительски подходят к использованию интернет-ресурсов, копируя готовые тексты, безотносительно их качества и актуальности. Укоренившейся нормой становятся заимствования чужих работ. Конечно, преподаватель может ужесточить контроль, пресекая различные формы академического обмана, однако только этими средствами проблему вряд ли удастся решить. Поэтому важнейшей задачей преподавателя является разработка таких заданий для самостоятельной работы, которые стимулировали бы интеллектуальную деятельность студента, целенаправленный поиск информации, ее критическое переосмысление. Собственно говоря, подобные цели ставились добросовестными преподавателями во все времена, однако сейчас, в условиях многократно возросшего объема информации и практически мгновенного доступа к мировым информационным ресурсам, следует задуматься о необходимости обновления методики и в этой сфере.

Итак, претендуя на место в базовой части стандартов, наряду с историей и философией, экономическая теория как учебная дисциплина пока не «дотягивает» до должного уровня, до уровня решения тех задач, которые она призвана решать. Однако отмеченные в статье проблемы, особенно те из них, которые связаны с методикой преподавания, быстрым устареванием привычных приемов и методов, актуальны и для других дисциплин. В обновлении нуждается вся организация учебного процесса, которая сегодня являет собой противоречивое сочетание старого и нового. Экономическая теория должна вписаться в этот процесс модернизации образования как важнейшее средство преодоления академической замкнутости и сближения, сопряжения высшего образования с потребностями рынка труда.

Список литературы

1. Головина И.В. О государственном регулировании в сфере высшего образования // Государственное регулирование экономики: закономерности и противоречия. — Ростов н/Д: Изд-во «Содействие-XXI век», 2014. — С. 122–126.
2. Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. — 2017. — № 6. — С. 5–15.
3. Полянин А.Р., Коротун С.Н. Методика использования презентаций на лекции в вузе: современный дискурс // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2017. — Т.1. — № 4 (41). — С. 172–184.

Е.В. Александрова, О.В. Шерченкова, Е.В. Журавлева

АЭРОБИКА В ОЗДОРОВИТЕЛЬНО-КОРРЕКЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

AEROBICS IN HEALTH-CORRECTION PROGRAMS FOR CEREBRAL PALSY STUDENTS

АЛЕКСАНДРОВА Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (silaeva@mggeu.ru)

ШЕРЧЕНКОВА Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (sherchenkova@mggeu.ru)

ЖУРАВЛЕВА Екатерина Витальевна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (zbarazskaya@mggeu.ru)

ALEKSANDROVA Ekaterina Viktorovna — Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of Adaptive Physical Culture, MGGEU (silaeva@mggeu.ru)

SHERCHENKOVA Olga Vladimirovna — Senior Lecturer of Adaptive Physical Culture, MGGEU (sherchenkova@mggeu.ru);

ZHURAVLEVA Ekaterina Vitalievna — Senior Lecturer of Adaptive Physical Culture, MGGEU (zbarazskaya@mggeu.ru)

Аннотация. В данной статье рассматривается результативность включения аэробики в программу занятий оздоровительно-коррекционной направленности для лиц с ДЦП в сравнении с классическими программами адаптивной физической культуры. Проведенное исследование выявило статистически значимое улучшение показателей уровня физической подготовки у студентов, занимавшихся в течение года по разработанной авторами исследования методике, по сравнению со студентами, занимавшимися по стандартной программе.

Ключевые слова: аэробика, адаптивная физическая культура, инклюзивное образование, ДЦП, физическая подготовка студентов с ДЦП.

Abstract. This paper aims to propose and experimentally verify the new method of adaptive aerobic exercise for young people with cerebral palsy. The experimental results have shown a significant improvement in physical conditions of students with cerebral palsy over one academic year.

Key words: aerobics, adaptive physical culture, inclusive education, cerebral palsy.

Согласно данным международной статистики, количество инвалидов в современном мире достаточно велико и четко прослеживается тенденция к его увеличению. В России насчитывается около 13 миллионов инвалидов, что составляет приблизительно 9% населения страны, в их числе также и больные с ДЦП. Такое заболевание, как ДЦП является самой распространенной причиной инвалидности, вызванной заболеванием нервной системы.

Актуальность рассматриваемой нами проблемы обусловлена тем фактом, что из всех функциональных отклонений в состоянии здоровья человека ДЦП

является наиболее сложным и тяжелым по адаптации инвалида к социальной среде. В последнее десятилетие имеет место тенденция к увеличению числа детей с данным заболеванием в связи с ухудшением экологии, неправильным образом жизни, технологизацией современного общества и т.д. Нарушение опорно-двигательной системы, ограничения двигательных возможностей людей с ДЦП отрицательно сказывается на их социализации [4].

Низкая двигательная активность приводит к тому, что у данной категории студентов не формируется мотивация и свойственная их возрасту потребность в движении. Физическое воспитание является одним из основных путей коррекции нарушений физического развития студентов с ДЦП, их двигательной сферы, психомоторики, волевых качеств.

Организационный процесс физического воспитания в МГГЭУ в настоящее время представляет собой два или три занятия адаптивной физической культурой, которая входит в общеобразовательное воспитание студентов.

В занятия адаптивной физической культуры входят такие дисциплины как футбол-гимнастика, упражнения с гимнастическими палками, упражнения с отягощением (набивные мячи, гантели), корригирующие упражнения, общеразвивающие упражнения, дыхательные упражнения и занятия в тренажерном зале.

Развитие спорта для инвалидов и лиц с ОВЗ, паралимпийское движение способствуют открытию в специальных (коррекционных) учреждениях, инклюзивных образовательных учреждениях (в частности, МГГЭУ) современных спортивных залов с коррекционными тренажерами, гимнастических залов со специальным покрытием (татами), разрабатываются новые экспериментальные методики по дополнительному физическому воспитанию лиц с ДЦП.

На сегодняшний день существует значительное количество оздоровительно-коррекционных методик и программ для студентов с ДЦП, основанных на использовании средств общей физической подготовки, лыжной подготовки, волейбола, дыхательной, суставной и медитативной гимнастики и т.д.

На наш взгляд, одним из самых эффективных оздоровительно-коррекционных средств для данной категории студентов может выступать оздоровительная аэробика, что подтверждается результатами проведенного нами педагогического эксперимента.

Оздоровительная аэробика привлекает своей эмоциональностью, свойственной современным танцам непринужденностью, исключает монотонность в выполнении движений, мотивирует, способствует развитию физических, психических качеств и укреплению здоровья. В настоящее время оздоровительная аэробика включена в программу физического воспитания общеобразовательных учебных заведений, учреждений высшего и среднего профессионального образования. Аэробика применяется на обязательных занятиях по физическому воспитанию, а также во внеурочных формах физкультурно-оздоровительных, физкультурно-массовых и спортивных мероприятий [2]. Анализ научно-методической литературы показывает, что в настоящее время отсутствует научно обоснованная методика использования аэробики оздоровительно-коррекционной направленности для лиц с ДЦП, что послужило основанием для выбора темы нашего исследования.

Тема исследования: «Исследование эффективности занятий аэробикой в оздоровительно-коррекционных программах для студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата».

Целью исследования выступает определение эффективности использования разработанной нами методики оздоровительно-коррекционной аэробики в русле внеучебной деятельности студентов с ДЦП.

Гипотеза исследования заключается в следующем: показатели физической подготовки студентов с ДЦП существенно возрастут если:

- будут определены существенные для студентов с ДЦП показатели физической подготовки;
- будет разработана методика и определены условия эффективного применения оздоровительно-коррекционной аэробики для студентов с ДЦП;
- будет определена взаимосвязь оптимальной трудоемкости и оздоровительного эффекта занятий по аэробике.

В ходе исследования использовались следующие методы:

- 1) анализ и обобщение информации литературных источников;
- 2) измерение уровня физической подготовки студентов с ДЦП;
- 3) педагогический эксперимент;
- 4) обработка полученных данных с использованием методов математической статистики.

Авторами была разработана методика аэробики оздоровительно-коррекционной направленности на основе комплексного подхода, который включал в себя систему определенных видов физической активности с использованием поточного способа, где упражнения выполнялись непрерывно.

В течение занятий не было перерывов для объяснений и показа; в это время выполнялись предыдущие упражнения, ходьба или приставной шаг. В начале занятия звучала спокойная музыка, затем она сменялась ритмичной мелодией, что позволило задавать различный темп выполнения движений.

В подготовительной части занятия проводилась разминка в виде танцевальной аэробики или аэробики со скакалкой (10 мин.), в основной части разучивалась аэробная комбинация (30 мин.), а также осуществлялась силовая тренировка (10 мин.), в заключительной — стретчинг (10 мин.). Оптимальной продолжительностью занятий было принято считать 60 мин.

Основой танцевальной аэробики являлось выполнение модификаций базовых шагов оздоровительной аэробики согласно стилям различных танцевальных направлений (хип-хоп, танго, диско, джаз). Использовались педагогические приемы, активизирующие внимание и поддерживающие интерес к занятиям. Чередование различных по характеру упражнений, а также задания на внимание после каждой смены вида деятельности позволили сохранить интерес к изучаемому материалу и способствовали повышению эффективности обучения. Эффективность данного приема обусловлена тем, что у студентов с нарушением опорно-двигательной системы в результате монотонной работы быстро пропадает желание к выполнению упражнений ввиду выученной беспомощности и, как следствие, низкой активности.

Проведенный нами педагогический эксперимент позволил провести анализ изменений в показателях физической подготовленности студентов в течение учебного года. Выборку составили студенты, имеющие диагноз ДЦП III группы инвалидности. Всего в исследовании приняли участие 56 студентов, 26 из них вошли в состав экспериментальной группы, 30 — в состав контрольной. Студенты в контрольной группе в течение учебного года посещали традиционные коррекционно-оздоровительные занятия АФК. Тогда как в программу экспериментальной группы были включены занятия аэробикой.

Сравнительная характеристика контрольной и экспериментальной группы основывалась на диагностике следующих физических показателей:

- 1) поднимание туловища;
- 2) приседания;
- 3) отжимания от скамьи;
- 4) выполнение «лодочки»;
- 5) удержание ног под углом 45°;
- 6) гибкость.

Значения результатов по динамичной нагрузке на брюшной пресс (подъемы туловища), приседаниям и отжиманиям от скамьи соответствуют количеству выполнений за минуту. По «лодочке» и статической нагрузке на брюшной пресс (удержание ног под углом 45° к полу, лежа на спине) — длительности удержания заданной позы (в секундах). Гибкость измерялась по тому, как далеко (в сантиметрах) смог дотянуться студент, выполняя наклоны вперед из положения «сидя на полу».

Результаты проведенного эксперимента в контрольной и экспериментальной группах представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Динамика показателей уровня физической подготовки у студентов экспериментальной группы, средние значения. Пояснения по размерности значений в тесте

	Брюшной пресс, динамика	Приседания	Отжимания от скамьи	«Лодочка»	Брюшной пресс, статика	Гибкость
В начале учебного года	29,3	38,3	9,2	80,5	75,7	8,8
В конце учебного года	34,8	43,7	12,1	106,6	95,8	12,3

Таблица 2

Динамика показателей уровня физической подготовки у студентов контрольной группы, средние значения. Пояснения по размерности значений в тексте

	Брюшной пресс, динамика	Приседания	Отжимания от скамьи	«Лодочка»	Брюшной пресс, статика	Гибкость
В начале учебного года	27,3	40,1	12,5	81,4	76,8	8,8
В конце учебного года	30,6	44,2	14,1	104,5	96,4	12,3

К концу года определенные нами физические показатели студентов экспериментальной группы улучшились.

Кроме того, улучшение результатов в экспериментальной группе было более выраженным, чем в контрольной. На рис. 1 приведены графики, позволяющие сравнить прогресс физических показателей студентов обеих групп.

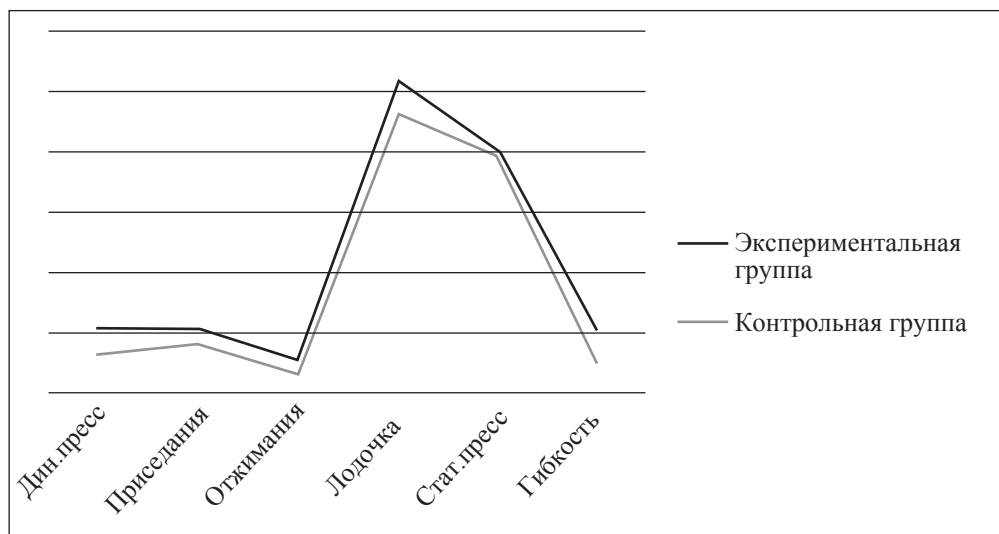

Рис. 1. Усредненные данные о прогрессе студентов двух групп по результатам выполнения различных упражнений. Значения вертикальной оси соответствуют дельте результатов выполнения упражнений в начале и в конце учебного года

Для статистической обработки данных использовался U-критерий Манна — Уитни [6]. Он показал достоверные различия между выборками на уровне значимости $p = 0.05$, что свидетельствует о большей эффективности экспериментальной методики по сравнению со стандартным курсом оздоровительно-коррекционных занятий.

Таким образом, результаты эксперимента свидетельствуют о целесообразности включения элементов аэробики в курс оздоровительно-коррекционных занятий для студентов с детским церебральным параличом. Также разработанная авторами исследования методика может быть использована для повышения результативности занятий в рамках АФК со студентами, имеющими другие нарушения опорно-двигательного аппарата.

Список литературы

1. Бадалян Л.О. Детские церебральные параличи / Л.О. Бадалян, Л.Т. Журба, О.В. Тимонина. — Киев: Здоровье, 1988. — 326 с.
2. Збаразская Е.В. Фитнес в образовательных учреждениях для студентов III группы инвалидности // Человек. Общество. Инклюзия. — 2015. — № 4 (24). — С. 148–153.
3. Панова И.П., Панов С.Ф., Кравцевич П.В. Аэробика как средство коррекции физических способностей школьников с умственной отсталостью // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. — 2013. — № 2. — С. 126–133.

4. *Шакурова Л.Е.* Физическое воспитание умственно отсталых школьников 12–13 лет оздоровительно-коррекционными средствами: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04. — Набережные Челны, 2009. — 18 с.

5. *Шапкова Л.В.* Средства адаптивной физической культуры: метод, рекомендации по физкультурно-оздоровительным развивающим занятиям детей с отклонением в интеллектуальном развитии. — М.: Советский спорт, 2001. — 152 с.

6. *Бондарева Е.В., Стеценко Н.В.* Статистическая обработка малых выборок в адаптивной физической культуре с использованием критерия Манна — Уитни // Математическая физика и компьютерное моделирование. — 2017. — № 4. — Т. 20. — С. 39–42.

*Посвящается Всемирному Дню борьбы с туберкулезом
(24.03.2018)*

О.Ю. Асаянова, Т.Г. Богданова, С.Д. Иванов, А.Д. Иванов

**ОБУЧЕНИЕ ТУБИНФИЦИРОВАННЫХ ДЕТЕЙ В РАМКАХ
ПРОЕКТА «МОСКОВСКАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ШКОЛА»**

**TEACHING OF TUBERCULOSIS INFECTED CHILDREN
IN THE PROJECT'S BOUNDARIES "MOSCOW
ELECTRONIC SCHOOL"**

АСАЯНОВА Ольга Юрьевна — директор ГБОУ Школа «Технологии обучения» (e-mail: asayanovado@i.home-edu.ru)

БОГДАНОВА Тамара Геннадиевна — профессор, доктор психологических наук ГАОУ ВО МГПУ (e-mail: tambogdan@mail.ru)

ИВАНОВ Сергей Дмитриевич — учитель истории и обществознания ГБОУ Школа «Технологии обучения» (e-mail: serg8419@mail.ru)

ИВАНОВ Андрей Дмитриевич — учитель биологии ГБОУ Школа «Технологии обучения» (e-mail: werdinant@mail.ru)

ASAYANOVA Olga Yuryevna — Principal of SBEI School «Teaching Technologies»(e-mail: asayanovado@i.home-edu.ru)

BOGDANOVA Tamara Gennadijevna — Doctor of Philosophy, Professor, SAEI MGPU (e-mail: tambogdan@mail.ru)

IVANOV Sergei Dmitrievich — History and Social Education Teacher, SBEI School «Teaching Technologies» (e-mail: serg8419@mail.ru)

IVANOV Andrey Dmitrievich — Biology Teacher, SBEI School «Teaching Technologies» (e-mail: werdinant@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема реализации права каждого ребенка на образование. Проблема анализируется на примере внедрения в учебный процесс проекта Московской электронной школы для детей, находящихся на длительном лечении в стационаре ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза». В результате анализа выявлены условия осуществления процесса обучения больных детей, а также необходимость использования дистанционных форм обучения школьников в специфических условиях лечебно-профилактического учреждения.

Ключевые слова: Московская электронная школа, особые образовательные потребности, специальные образовательные условия обучения, тубинфицированные дети.

Abstract. This article reveals the problem of the realization of every child's right for education. Central Tuberculosis Research Institute is a place of introducing the project "Moscow electronic school" for children who are on long-term treatment. As a result of the analysis, the conditions for the implementation of the teaching process for ill children were revealed, as well as the need to use distance learning forms for school age children in the specific conditions of a medical and preventive institution.

Keywords: *Moscow Electronic School, special educational needs, special educational conditions for training, children ill with respiratory tuberculosis.*

Актуальность. В последние годы увеличивается количество детей с особыми образовательными потребностями, испытывающих трудности в усвоении программы обучения и социально-психологической адаптации вследствие соматических заболеваний. Среди инвалидизирующих заболеваний одно из ведущих мест занимает туберкулез. Поэтому тубинфицированные дети и подростки составляют большую группу детей, имеющих особые образовательные потребности и нуждающихся в создании специальных условий обучения. При этом отмечается не только увеличение заболеваемости туберкулезом детей и подростков, но и значительное утяжеление течения туберкулеза. Эти дети испытывают выраженные трудности в социально-психологической адаптации, адекватной самореализации, интеграции в образовательную и социокультурную среду.

Неслучайно на эту проблему обратил серьезное внимание президент РФ В.В. Путин: «Туберкулез представляет серьезную опасность, несмотря на прогресс в здравоохранении: треть населения планеты инфицирована. И только вместе можно побороть этот недуг» [9].

Согласно данным ФГБУ ЦНИИОИЗ Министерства здравоохранения РФ, в эпидемической ситуации по туберкулезу детского населения России наблюдаются тенденции к снижению заболеваемости (с 3 688 ребенка инфицированных туберкулезом в 2012 г. до 2 865 в 2016 г. на 100 000 детей), но показатели в нашей стране продолжают оставаться достаточно высокими по сравнению со странами Европейского союза.

Под воздействием заболевания могут возникнуть серьезные отклонения в развитии психики детей. Следствием астенических состояний, связанных с болезнью, является наличие проблем, приводящих к трудностям усвоения школьной программы. Болезнь влияет не только на физическое здоровье детей, но и на их психическое развитие, определяет некоторые особенности личности и межличностных отношений со сверстниками. Для школьников, находящихся на длительном лечении в условиях госпитализации характерны индивидуально-психологические особенности, которые накладывают отпечаток на их социальную адаптацию [4, с. 12], на психологические особенности и статус [7; 10], на физическое здоровье [6].

Как известно, инфицированные туберкулезом дети не имеют возможности обучаться в общеобразовательных школах, и в то же время согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» [2], одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования. Следовательно, всем категориям детей и подростков, в том числе больным туберкулезом, необходимо предоставлять возможности для обучения, направленные на удовлетворение образовательных потребностей. Одну из таких возможностей предоставляют ресурсы «Московской электронной школы» (МЭШ). Поэтому тема нашего исследования является особенно актуальной.

Целью проведенного нами исследования является изучение возможностей «Московской электронной школы» при организации обучении детей, больных туберкулезом, находящихся на длительном стационарном лечении.

Статья стала результатом апробации МЭШ с апреля 2017 г. и проведенного анкетирования учителей и школьников, лечащихся в ФГБНУ «Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза».

При проведении исследования мы основывались на следующих позициях, представленных в официальных документах:

- «государства-участники признают право ребенка на образование, и с целью постепенного достижения осуществления этого права на основе равных возможностей поощряют развитие различных форм среднего образования, обеспечивают его доступность для всех детей» [1]
- государство гарантирует реализацию образовательных программ обучающимся, нуждающимся в длительном лечении, в различных формах: очной, очно-заочной, сетевой, в том числе с применением электронного обучения и дистанционных образовательных программ [3].

Важным для реализации целей нашего исследования является понятие особых образовательных потребностей, которые определяются как потребности в условиях, необходимых для оптимальной реализации когнитивных, энергетических и эмоционально-волевых возможностей детей в процессе обучения. Особые образовательные потребности определяют конкретные требования к условиям, содержанию и темпу педагогической работы, в том числе — при использовании электронных ресурсов. Они дают возможность планировать применение особых форм организации социально-педагогической среды (специальная инфраструктура, обеспечение техническими средствами реабилитации и т.д.) [5; 8].

Методика исследования. Изучение роли «Московской электронной школы» при организации обучении детей, инфицированных туберкулезом и находящихся на длительном стационарном лечении, осуществлялось нами методом анкетирования. Были разработаны две анкеты: первая направлена на изучение отношения педагогов к ресурсам и возможностям МЭШ, а также выявление тех профессиональных качеств, которыми должны обладать педагоги для эффективной работы с тубинфицированными школьниками, определение методов обучения, условий, направленных на повышение качества обучения. Анкета состоит из нескольких блоков: первый блок направлен на сбор демографической информации, второй — на определение отношения педагогов к возможностям использования МЭШ в учебном процессе с детьми, больными туберкулезом¹, третий — на выяснение условий, способствующих совершенствованию процесса обучения², четвертый блок позволил провести анализ трудностей, с которыми учителя сталкиваются в процессе обучения детей.

Вторая анкета ориентирована на определение отношения учащихся, использующих МЭШ в процессе обучения, к ее возможностям. Им задавались вопросы, позволяющие провести анализ особенностей и оценочного отношения применения электронных ресурсов в процессе обучения, положительные и отрицательные аспекты работы в рамках использования МЭШ в целом и ее отдельных компонентов. Примеры вопросов: «Какой предмет с данным ресурсным при-

¹ Примеры вопросов: «Готовы ли Вы использовать материалы “МЭШ” в своей повседневной преподавательской работе?», «Какие Вы видите преимущества обучения больных детей с использованием МЭШ?»

² Примеры вопросов: «Какие методические приемы, на Ваш взгляд, наиболее эффективны при работе с этой категорией детей?», «Какие условия следует создать для плодотворной работы с больными детьми?»

ложением тебе больше нравится?», «Как бы ты расставил в порядке убывания значимости (полезности) для тебя использования приложений из библиотеки МЭШ? Нужно выбрать. Какой урок ты выберешь, традиционный или урок с использованием интерактивных компонентов?»

В анкетировании приняло участие 15 учителей (12 женщин и 3-е мужчин) в возрасте от 25 до 57 лет. Из них 9 учителей высшей квалификационной категории, учителей первой категории — 4. Характеристика возрастного состава и стажа работы дана в табл. 1.

Таблица 1

Педагогические кадры ГБОУ Школа «Технология обучения»

Возраст	Общий стаж работы	Стаж работы с детьми с ОВЗ
1 (25–32)	3–10	4–8
2 (33–45)	11–23	10–15
3 (46–57)	24–32	16–17

В анкетировании участвовало 46 школьников, находящихся на длительном лечении (табл. 2). Это школьники из различных этнических и субкультурных общностей, некоторые плохо владеют русским языком, все из разных социальных слоев населения, встречаются и дети с нарушениями развития.

Таблица 2

Возрастно-половой состав тубинфицированных детей и подростков

Группы, возраст	Девочки, <i>n</i>	Мальчики, <i>n</i>	Всего
1 (11–12)	3	4	7
2 (13–14)	4	10	14
3 (15–17)	9	16	25
Итого	16	30	46

Результаты исследования. ГБОУ Школа «Технологии обучения» (далее *Школа*) — уникальное образовательное учреждение, в котором реализуется право детей с различными видами заболеваниями на получение образования. Эффективный образовательный процесс в *Школе* достигается благодаря комплексному подходу — наличию медико-психолого-педагогического взаимодействия и тьюторского сопровождения процесса обучения, а также индивидуальному подходу, реализация которого возможна при использовании ресурсов МЭШ, поскольку именно они способствуют вариативности обучения, как в отношении использования учебных материалов, так и индивидуальных особенностей детей. При невозможности посещения урока ребенок всегда может использовать ресурс МЭШ для отработки урока. Важные особенности проекта МЭШ: побуждение к новым знаниям, развитие интереса ко многим предметам, предоставление школьникам возможности проявить интерес к учебе, развитие умственной инициативы и самостоятельности в процессе обучения, уникальные сценарии уроков, содержащих новый и разнообразный материал.

Для полноценного и качественного обучения детей больных туберкулезом в Школе созданы все необходимые условия (рис.1).

Рис. 1. Материально-техническая база школы

Как показали результаты исследования, больные туберкулезом дети испытывают трудности с учебной мотивацией. Мотивация учебной деятельности школьников, находящихся на длительном лечении ослаблена из-за ряда причин: прием сильнодействующих лекарственных средств, редкие, а иногда в принципе невозможные встречи с родителями и близкими детьми, проживающими в отдаленных регионах России. Кроме этого, на мотивацию влияет необходимость адаптации к медицинскому учреждению, другим больным детям, режиму дня, обучению в необычных условиях.

Специфика педагогической деятельности в школе для детей, больных туберкулезом, предъявляет высокие требования к уровню профессиональной подготовки работающих с ними педагогов. Учителям приходится иметь дело с неоднородным контингентом обучающихся. Зачастую в стационарной школе оказываются дети с различным уровнем знаний и обучаемости: за партой могут оказаться вместе ученики лицея, гимназии, сельской школы. Все это серьезно осложняет для учителя организацию коллективной образовательной деятельности. Следовательно, возрастают требования к педагогам, работающим с больными детьми.

Анализ материалов анкетирования учителей показал, что учителя используют МЭШ в повседневной работе благодаря тем преимуществам, которые есть у проекта. Учителя используют на занятиях только проверенные модератором уроки. В русле проекта разработаны сценарии уроков по всем общеобразовательным предметам и темам, кроме того, учителя используют конструкторы сценариев уроков, т.е. проявляют творческий подход и реализуют индивидуальный подход к каждому ученику.

Многие учителя отмечают, что МЭШ значительно экономит время на подготовку к уроку, которое педагоги используют для проведения внеклассных мероприятий и индивидуальной помощи отдельным ученикам.

Использование МЭШ позволяет осуществлять текущий контроль, проверку домашнего задания и диагностику без использования традиционных тетрадей, что очень полезно и особенно важно при обучении детей с открытой формой туберкулеза.

В библиотеке МЭШ находятся тесты, рабочие тетради, виртуальные предметные лаборатории, хрестоматии и пособия, которые дети могут использовать, так как во время бациллярного периода (выделение микобактерий туберкулеза) у детей нет возможности пользоваться материалами на бумажных носителях.

Важным для педагогов является то, что ресурс проекта ежедневно пополняется новыми материалами: на данный момент доступно более 12 000 сценариев уроков для учащихся 1–11 классов.

Наша школа и медицинская организация содействует не только сохранению и укреплению здоровья, но и интеграции традиционных и новых технологий в получении знаний (рис. 2).

Рис. 2. МЭШ в санаторной школе

Анализ материалов анкетирования школьников, находящихся на длительном лечении, показал, что практически все дети отмечают положительный опыт использования МЭШ. Трудности возникают у детей, которые плохо владеют русским языком и имеют недостаточную компьютерную грамотность. С такими детьми необходимо проводить подготовительную работу по овладению приемами работы с электронными ресурсами, после чего постепенно включать их в активную работу. Школьники отмечали, что получают большой практический опыт при проведении интерактивных лабораторных работ по химии и физике, которые невозможно выполнить, находясь в стационарной школе.

Выводы. Электронный образовательный проект «Московская электронная школа» имеет большое значение для дальнейшего совершенствования московского образования, повышения его качества, для поддержки учителей, школьников, находящихся на длительном лечении и не имеющих возможности получать традиционное образование, используя материалы на бумажном носителе. «Московская электронная школа» является ценным и перспективным образовательным проектом для совершенствования процесса обучения

детей с соматическими заболеваниями, проходящими длительное лечение в стационаре.

Мы хотим, чтобы в современном быстро меняющемся мире наши ученики смогли взять с собой в будущее то, без чего они не смогут обойтись — разнообразные знания, навыки и умения. Именно ресурсы МЭШ дают возможность детям, проходящим лечение, приобретать необходимые знания, ориентироваться в информации, реализовать право на обучение, несмотря на проблемы со здоровьем.

В современном компьютеризированном обществе существенно изменились представления о получении знаний и отношениях между учителем и учеником. Если на протяжении долгого времени учитель оставался единственным и главным источником знаний для школьника, то сегодня их можно получить с помощью электронных ресурсов. «Московская электронная школа» помогает учителю стать тем проводником безграничных знаний, которые необходимы ученику, находящемуся на длительном лечении и не имеющему возможности получать знания каким-либо другим путем.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 12.01.2018).

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.01.2018).

3. Письмо Министерства образования и науки РФ от 31 августа 2015 г. № ВК-2101/07 «О порядке организации получения образования обучающимися, нуждающимися в длительном лечении» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71142184/> (дата обращения: 12.01.2018).

4. *Бабиева Л.Г.* Педагогические условия социальной адаптации детей в условиях школы-интерната: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — Владикавказ, 2008.

5. *Богданова Т.Г.* Особые образовательные потребности детей с ограниченными возможностями здоровья как основа организации инклюзивного обучения // Специальная педагогика и специальная психология: современные проблемы теории, истории, методологии инклюзивного образования. Материалы 7 международного теоретико-методологического семинара. — М.: ГБОУ ВПО МГПУ, 2015. — С. 14–22.

6. *Быконя С.Г.* Методические особенности физического воспитания тубинфицированных детей 12–14 лет в условиях санаторно-лесной школы: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.04. — Красноярск, 2009. — 24 с.

7. *Вовненко К.Б.* Особенности эмоционально-личностной сферы детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дисс. ... канд. псих. наук: 19.00.10. — Нижний Новгород, 2010. — 24 с.

8. *Лубовский В.И.* Методологические проблемы специальной психологии // Специальная педагогика и специальная психология: современные методологические подходы. — М.: Логомаг, 2013. — С. 9–36.

9. Путин В.В. Лечение всем миром // Российская газета. — 2017. — № 7427 (16 ноября).

10. Синявина Е.Н. Психологическое сопровождение личностного развития подростков, обучающихся в школе интернате санаторного типа: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. — Нижний Новгород, 2012. — 25 с.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
АДАПТАЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СТУДЕНТОВ
С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

**INTERNATIONAL EXPERIENCE OF ADAPTATION
DISCIPLINES IMPLEMENTATION FOR STUDENTS
WITH DISABILITY**

ИСАЕВ Сергей Михайлович — кандидат экономических наук, доцент Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО РАНХиГС (e-mail: sm.isaev@gmail.com)

КОЛЕСНИКОВА Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО РАНХиГС (e-mail: ivk@ibs-m.ru)

МИХАЛЬЧИ Екатерина Владимировна — старший преподаватель Института бизнеса и делового администрирования ФБГОУ ВО РАНХиГС (e-mail: missi-ice@rambler.ru)

ISAEV Sergey Mikhailovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of IBS RANEPА (e-mail: sm.isaev@gmail.com)

KOLESNIKOVA Irina Vladimirovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities, Business Ethics and Social Responsibility of IBS RANEPА (e-mail: ivk@ibs-m.ru)

MIKHALCHI Ekaterina Vladimirovna — Lecture of IBS RANEPА (e-mail: missi-ice@rambler.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации адаптационных дисциплин для студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в разных странах. Авторами выделены основные направления в адаптивном обучении в Германии, Италии, США, Польше, Румынии и Финляндии. Также приведены примеры модулей адаптационных дисциплин и их тематического наполнения. Проведенное изучение и анализ опыта разных стран в реализации адаптационных дисциплин направлены на оказание педагогической поддержки участникам образовательного процесса и нацелены на дальнейшее развитие адаптационного образования в системе высшего образования.

Ключевые слова: адаптационные дисциплины, студенты с инвалидностью, инклюзивное образование, адаптивная кинезиология.

Abstract. The article deals with the implementation of adaptation disciplines for students with disabilities in different countries. The authors singled out the main directions in adaptive learning in Germany, Italy, the USA, Poland, Romania and Finland. Examples of modules of adaptation disciplines and their thematic filling are also given. The study and analysis of the experience of different countries in the implementation of adaptation disciplines are aimed at providing pedagogical support to participants in the educational process and are aimed at further development of adaptive education in the system of higher education.

Keywords: *adaptation disciplines, students with disabilities, inclusive education, adaptive kinesiology.*

Включение адаптационных дисциплин (АД) в учебный процесс молодых людей с ОВЗ и инвалидностью является одним из специальных условий реализации инклюзивного образования в образовательных организациях высшего образования. Выбор адаптационных дисциплин или модулей зависит от потребностей учащихся с ОВЗ и инвалидностью и образует индивидуальные образовательные траектории для каждого из них. Преподавание адаптационных дисциплин влияет на социализацию и адаптацию студентов с ОВЗ и инвалидностью, повышает эффективность общего учебного процесса и уровень их профессиональной компетентности, способствует преодолению психофизических барьеров.

В настоящее время АД широко внедряются в учебный процесс образовательных организаций высшего образования, в связи с чем возникает ряд трудностей: выбор адаптационных дисциплин или модулей с учетом потребностей и видов ограничений в здоровье студентов; кадровое обеспечение преподавания АД; определение содержания учебных курсов; поиск возможностей включения их в учебные планы; изучение влияния разных адаптационных курсов на психофизическое состояние студентов с ОВЗ и инвалидностью. Этим обусловлена *актуальность* изучения международного опыта реализации адаптационных дисциплин для студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Целью данного исследования является изучение и анализ опыта тех стран, где инклюзивное образование внедрено в образовательную систему, применяется на протяжении длительного времени и в его русле эффективно реализуются программы адаптационных дисциплин.

Далее рассмотрим системы организации адаптивного обучения для студентов с ОВЗ и инвалидностью и примеры реализации и содержания учебных курсов по адаптационным дисциплинам в иностранных университетах.

Германия

В высших учебных заведениях Германии обучается лишь малая часть молодых людей с ОВЗ и инвалидностью. Они имеют право на обеспечение специальными техническими и вспомогательными средствами, им оказывается социальная и медицинская поддержка со стороны государственной социальной службы *Studienwerk*. В процессе обучения студенты с ОВЗ и инвалидностью имеют возможность продления срока сдачи семестровых работ, замены письменного экзамена на устный, сдачи экзаменов в индивидуальном порядке, включения в индивидуальный учебный план дополнительных учебных семинаров и тренингов и др.

В университете Гамбурга (*Universität Hamburg*) проводятся следующие специальные семинары и тренинги для студентов с инвалидностью: «Инклюзивное образование», «Особенности коммуникации с инвалидами разных групп», «Рекомендации по организации учебной деятельности с учетом имеющегося нарушения здоровья», «Компенсационные возможности для студентов с ограничениями здоровья», «Доступность образовательной среды», «Организация учебной и внеучебной деятельности» [16].

Рассмотрим подробнее программу адаптационного курса «Инклюзивное образование», проводимого в Гамбургском университете. Студентов с ОВЗ и ин-

валидностью обучают поведению в образовательном пространстве и особенностям среды учебного заведения, в частности, ориентации на местности, возможностям передвижения между учебными корпусами и по территории кампуса; поведению на экзаменах; организации доступной среды во внешних и внутренних помещениях учебного заведения; работе в университетской библиотеке; использованию учебных материалов в аудио- и видеоформатах; особенностям резервирования мест в аудиториях. Также учащиеся с ОВЗ и инвалидностью знакомятся с распорядком учебного процесса: оформлением отсутствия по причине болезни или длительного лечения; работе с форматами учебных материалов и литературы, которые может предоставить университет; получением доступа к электронным учебным материалам; возможностями изучения курсов в дистанционной форме; единому оформлению учебных эссе и презентаций. Студенты изучают особенности процесса коммуникации в образовательной среде, установления социальных контактов, использования альтернативных способов общения, участия в различных мероприятиях.

Изучение адаптационного курса «Инклюзивное образование» направлено на адаптацию и социализацию студентов с ОВЗ и инвалидностью в условиях учебной среды университета Гамбурга [20].

В Германии учащиеся с ОВЗ и инвалидностью имеют возможность посещать занятия по адаптивному спорту в университетских спортивных центрах. Они могут выбирать специальные спортивные занятия для инвалидов или заниматься по традиционным учебным курсам наравне с другими учащимися. Распространение в высших учебных заведениях получили курсы для коррекции психофизических нарушений и развития компенсационных возможностей у студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Обучение лиц с ОВЗ и инвалидностью организовано во многих университетах в Германии. В университете Гумбольдта (*Humboldt-Universität zu Berlin*) лица с нарушениями слуха получают три специальности: первая — сурдопедагогика, вторая связана с нарушениями здоровья другого рода, третья — предмет по выбору [2]. Таким образом, одно адаптационное направление помогает овладеть жестовой речью, а другие два способствуют становлению студента с ограничениями по слуху как специалиста в области специальной педагогики. Такая организация учебного процесса дает конкурентные преимущества, способствует трудоустройству и профессиональной компетентности выпускников с ОВЗ и инвалидностью.

Студенты с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью могут принимать участие в коучинговой программе. В ходе ее изучения участникам оказывается индивидуальная психологическая помощь, устраняются барьеры, проводятся мероприятия по налаживанию социальных контактов. Преподаватели обсуждают с учащимися трудности, с которыми они сталкиваются в процессе обучения. Студенты разрабатывают личный план учебного дня, учатся повседневному планированию и управлению своим временем, исследуют факторы доступности образовательной среды. Реализация данной программы направлена на преодоление психологических и педагогических барьеров, возникающих в процессе обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью и привлечение учащихся к самостоятельному изучению инклюзивной системы с использованием средового подхода [19].

Для студентов с инвалидностью образование в немецких вузах может быть организовано в дистанционной форме, в частности Центр дистанционного обучения *EADTU (The European Association of Distance Teaching Universities)* предлагает удаленный доступ для студентов с ОВЗ и инвалидностью к обучению более чем в 15 учебных заведениях по 60 дистанционным курсам. Распространение в Германии получило и электронное образование (*e-learning*), которое реализуется в высших учебных заведениях на платформе *Moodle* и дает возможность обучаться дома, в привычной и адаптированной среде. Также учащиеся с ОВЗ и инвалидностью обязательно принимают участие в научных исследованиях, проводимых в учебных заведениях по следующим направлениям: экономика, математика, информатика, электротехника, образование [6].

Опыт Германии в реализации адаптационных дисциплин основан на теоретических концепциях и практических исследованиях инклюзивного образования, в которых участвуют студенты с ОВЗ и инвалидностью. Они имеют доступ к адаптивным видам спорта, психологической и педагогической поддержке, а также могут выбирать адаптационные курсы в зависимости от имеющихся нарушений здоровья и вторично возникающих трудностей в процессах социализации и коммуникации.

Италия

Итальянская модель реализации инклюзивного образования в системе высшего образования является наиболее развитой в Европе, а Италию считают «всемирным исследовательским центром влияния инклюзивного образования» [4, с. 46]. Большое внимание в итальянской системе образования уделяется развитию дистанционного образования для лиц с ОВЗ и инвалидностью и организации специальных условий в учебных заведениях.

В итальянских университетах функционируют службы поддержки студентов с инвалидностью (*Servizio Studenti con Disabilità, DSA*). В рамках деятельности такой службы в Миланском государственном университете для студентов с нарушениями зрения организуется бесплатное обучение брайлевскому письму, компьютерной грамотности и использованию приложений «*Office*», обновленных до новых версий программ или операционных систем и курсов, направленных на получение европейской базовой и продвинутой лицензии *ECDL (European Computer Driving Licence)*. Также предоставляются специальные занятия для изучения иностранных языков по адаптированным методикам [18].

При обучении студентов с ОВЗ и инвалидностью в дистанционной форме для них организуются курсы по правильному использованию платформы «Ариэль» Центром обслуживания мультимедийных технологий, мультимедиа и дистанционного обучения.

Рассмотрим организацию пропедевтического курса по адаптационной дисциплине «*Работа с научным текстом*» в Миланском государственном университете, в ходе изучения которого студенты с ОВЗ и инвалидностью обучаются подготовке научных работ, тезисов и диссертаций. Данный курс разделен на две отдельные части: первый посвящен тематике исследования и выбору источников, полезных для научной работы и написания тезисов, а второй — созданию текста.

Студенты ОВЗ и инвалидностью могут посещать специальные курсы по «*Методологии обучения*», в ходе которого они осваивают приемы организации

учебного времени, навыки самостоятельной работы, самоменеджмента, основные приемы и методики обучения в университете. Внедрение и реализация в учебном процессе пропедевтических курсов имеют значение для лиц с ОВЗ и инвалидностью, влияя на их адаптацию к условиям высшего учебного заведения при переходе из школы в университет и способствуя овладению навыками учебной деятельности и организации индивидуального распорядка дня. Также в университете организованы адаптационные тренинги по развитию мобильности и ориентации в Центре спорта и студенческом городке [5].

Студентам с ОВЗ и инвалидностью доступно обучение театральному искусству для развития навыков общения, самопрезентации, постановки речи, ощущения своего тела и движений, повышения самооценки, установления социальных контактов с окружающими людьми. Учащиеся с ограничениями жизнедеятельности могут посещать специальные курсы по развитию навыков художественного письма и затем публиковать свои работы в журнале университета. Им предоставляется возможность получить диплом журналиста после окончания соответствующих курсов. Развитие навыков выступления перед зрителями, художественной речи и академического письма помогает учащимся с ОВЗ и инвалидностью в преодолении психологических барьеров, индивидуальных комплексов и затруднений в общении с окружающими [17].

Ключевым фактором в итальянской системе реализации инклюзивного образования является «человеческий фактор», подразумевающий внимание к учащимся, индивидуальный подход, развитое чувство эмпатии, доброты и заботы. Поэтому не случайно, что адаптационные дисциплины пропедевтического блока, а также предметы, направленные на развитие задатков у учащихся с ОВЗ и инвалидностью в Италии реализуются во многих университетах и им придается значение при организации адаптационного обучения.

Соединенные Штаты Америки

В США возможность изучать адаптационные дисциплины предоставляется студентам с ОВЗ и инвалидностью на основании закона об инвалидах (*The Americans with Disabilities Act*), статьи 504 закона о реабилитации 1973 г. (*Section 504 of the Rehabilitation Act of 1973*) и акта об образовании лиц с инвалидностью (*Individuals with Disabilities Education Act, IDEA*), в которых отмечено, что студенты с ОВЗ и инвалидностью должны получать образовательные услуги на равном уровне с другими учащимися [7].

Во многих англоязычных странах (США, Канаде, Мальте и др.) студенты с ОВЗ и инвалидностью обучаются на основании «Индивидуальной образовательной программы» (*Individualized Education Programs, IEPs*), в которой прописаны следующие условия реализации инклюзивного образования: специальная организация внутреннего пространства учебных заведений и аудиторий, применение адаптированных форм подачи учебного материала и включение адаптационных образовательных дисциплин [24]. В рамках «Индивидуальной образовательной программы» студенты с ОВЗ и инвалидностью, особенно из маломобильной группы, могут изучать адаптационные дисциплины по физическому развитию и здоровому образу жизни.

Одной из адаптационных учебных дисциплин, направленной на физическое развитие и привлечение студентов с ОВЗ и инвалидностью к здоровому образу жизни является «Адаптированная кинезиология» [8]. Кинезиология как область

физической науки «изучает физиологию человека и механику движения тела как теоретически, так и на практике посредством физических упражнений, учит расслаблению мышц» [9]. Данная адаптационная дисциплина включается в список учебных программ и услуг, предоставляемых студентам с инвалидностью в американских колледжах и университетах. В ходе ее изучения учащиеся с ОВЗ и инвалидностью развивают гибкость, повышают выносливость, учатся удерживать баланс, укрепляют сердечно-сосудистую систему в возможных для них формах активности. В учебный курс включены: оценка физических возможностей каждого студента, разработка индивидуальных упражнений совместно с учащимся, использование современного оборудования, консультации физиотерапевта, возможность поддержки со стороны ассистента, измерение показателей здоровья учащегося перед началом занятий фитнесом. В ходе изучения дисциплины «Адаптированная кинезиология» возможны занятия боулингом, танцами и водными видами спорта. «Учащимся предлагается максимизировать свой физический потенциал в рамках ограничений их возможностей» [12].

В рамках инклюзивного образования в колледжах и университетах США преподаются адаптационные дисциплины из разных блоков, что является эффективным инструментом педагогической поддержки студентов с ОВЗ и инвалидностью (табл. 1).

Таблица 1

Блоки адаптационных дисциплин для студентов с ОВЗ и инвалидностью в США

Название учебного заведения / Название блока адаптационных дисциплин	<i>California community college</i> [11]	<i>City college of San Francisco</i> [15]	<i>Cuyamaca college, San Diego</i> [23]
Адаптационные физические дисциплины	Адаптивная физическая культура. Адаптивное физическое образование	Адаптированные занятия по фитнесу и здоровому образу жизни	Основы кинезиологии
Пропедевтические дисциплины	Консультирование студентов с ОВЗ и инвалидностью	Стратегии обучения в высшей школе. Диагностика в обучении. Дополнительное обучение чтению и письму на английском языке	Обучение математике для лиц с ОВЗ и инвалидностью. Основы грамматики и письменного конспектирования. Практические навыки обучения
Адаптированные компьютерные дисциплины	Адаптированные компьютерные технологии	Обучение в компьютерной лаборатории	Адаптированные основы работы на компьютере. Адаптированные информационно-

Название учебного заведения Название блока адаптационных дисциплин	<i>California community college</i> [11]	<i>City college of San Francisco</i> [15]	<i>Cuyamaca college, San Diego</i> [23]
			компьютерные технологии
Творческое развитие	-	Доступное театральное искусство. Доступные формы искусства и ремесла	-
Коррекционные дисциплины	Физическая ограниченность (недостатки). Нарушения в развитии человека. Речь и язык. Когнитивная ограниченность. Глухие и слабослышащие	Обучение с приобретенной травмой мозга. Восстановление навыков коммуникаций после инсульта. Коммуникации для слепых. Чтение с губ	Навыки общения и коммуникативные стратегии
Профессиональное развитие	-	Стратегии принятия решений. Навыки поиска работы	Правовая самозащита

Преподавание адаптационных дисциплин, как специальное условие реализации инклюзивного образования, ведется во всех учебных заведениях в Соединенных Штатах Америки. Большое значение придается развитию адаптационного спорта и привитию навыков ведения здорового образа жизни студентам с ОВЗ и инвалидностью. Спортивные занятия, связанные с физической нагрузкой, заменяются фитнесом, семинарами по технологиям здорового образа жизни, изучением основ кинезиологии, упражнениями по статическому напряжению мышц и их расслаблению, что подходит практически для всех учащихся с инвалидностью разных нозологических групп. В колледжах и университетах в США преподаются коррекционные дисциплины для учащихся с разными видами психофизических нарушений. При изучении этих дисциплин студенты осваивают жестовый язык, учатся чтению с губ, изучают рельефно-точечное письмо, обучаются методикам помощи и обучения лиц с травмами головного мозга и после инсульта. Им оказывают помощь по восстановлению утраченных навыков и развитию компенсационных механизмов. Подобный опыт реабилитационной помощи лицам с ОВЗ и инвалидностью в процессе получения высшего образования слабо реализуется в других странах и является актуальным направлением в области инклюзивного образования.

Польша

В Польше студенты с ОВЗ и инвалидностью обучаются по индивидуальному учебному плану, в котором отмечаются необходимые условия обучения. В частности, они могут посещать занятия со старшими курсами по своему вы-

бору, расписание их занятий оформляется индивидуально, зачеты и экзамены назначаются на удобную для студента дату вместе с консультантом. Индивидуальные учебные планы утверждаются в учебных заведениях на 1 год.

Студенты Ягеллонского университета могут проходить курсы в рамках учебной программы (*Jagiellonian University Disability Support Service, JU DSS*). Основным принципом организации этих курсов является индивидуальная адаптация учебных планов для каждого учащегося с целью дать ему возможность полноценно учиться и жить в студенческом сообществе. Университет проводит собственные научные исследования в области инклюзивного образования для эффективной адаптации учебных материалов и организации занятий (лекций и семинаров) для студентов с ОВЗ и инвалидностью. Это позволяет гарантировать «студентам всех категорий равный доступ к образовательным услугам и поддерживать развитие их независимого мышления» [14].

В рамках *JU DSS* проводятся индивидуальные консультации по влиянию инвалидности на процесс обучения; организуются курсы; адаптируются учебные материалы/задания/тесты в необходимые форматы для учащихся с инвалидностью разных нозологических групп; проводится обучение работе с использованием современных информационных технологий, которые облегчают образовательный процесс и с учебными материалами для студентов-инвалидов; разрабатываются методические рекомендации для преподавателей; организуется содействие консультантов в процесс обучения.

В другом польском высшем учебном заведении — Университете им. Марии Кюри-Склодовской (*Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej*) для студентов с ОВЗ и инвалидностью организованы следующие адаптивные курсы: семинар «Переключение мыслительных процессов», направленный на адаптацию к процессу получения образования, снижение стресса и усталости в период обучения, изучение познавательных стилей, знакомство с мнемотехниками и картографированием мыслей; семинар «Правовая защита лиц с инвалидностью», в ходе которого изучаются правовые нормы социального обеспечения инвалидов, правила заполнения юридических документов, правовое регулирование ведения бизнеса и т.п.; дисциплина «Психологическое консультирование» для студентов с ОВЗ и инвалидностью реализуется для решения текущих психологических проблем учащихся, развития межличностных, социальных и личностных навыков взаимодействия, самопринятия и самоутверждения [13].

Адаптивный спорт в большинстве польских образовательных организаций высшего образования реализуется в форме занятий в специально оборудованных бассейнах и игровым видам спорта: бочча, настольный футбол и т.д.

Одним из видов адаптивных дисциплин, реализуемых в большинстве вузов и характерной для польской системы высшего образования, являются курсы *английского языка*. Данное направление для лиц с ОВЗ и инвалидностью реализуется в университетах преимущественно в связи с тем, что их родной язык относится к группе славянских языков и изучение английского языка может вызывать трудности у инвалидов. Также влияет на это процесс интеграции Польши в Европейский союз и необходимость в связи с этим знания английского языка как международного. Студентам с ОВЗ и инвалидностью курсы предоставляются бесплатно, язык изучается с учетом уровней предыдущей подготовки, часто внедряются мультимедийные технологии и методы обучения с учетом вида инвалидности учащегося [10].

Румыния

В Румынии активно внедряются принципы обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью на основе европейской политики и законодательства в области образования. Для реализации инклюзивного образования программы высшего образования адаптируются.

Адаптивные дисциплины для студентов с психофизическими отклонениями (по зрению, слуху, с физическими дефектами) направлены на изучение «шрифта Брайля, жестового языка, альтернативных способов общения, формирование навыков ориентации в пространстве, социализации и общественной интеграцию, профессиональной деятельности с учетом формы инвалидности» [22].

Одним из приоритетных направлений в системе высшего образования в Румынии является внедрение электронного образования и адаптация информационно-компьютерных технологий для обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью. Такой проект реализуется в университете «Луциана Блага» в г. Сибиу (*Universitatea «Lucian Blaga» din Sibiu*). В нем был организован проект по адаптации *информационно-компьютерных дисциплин* для студентов с инвалидностью разных нозологических групп. В рамках этого проекта в университете прошли обучение около 100 ассистентов для оказания помощи в изучении ИКТ, учебные материалы были адаптированы с учетом вида инвалидности, были разработаны и внедрены адаптированные решения в учебный процесс, организована сетевая поддержка учащихся. Более 100 учащихся с различными формами психофизических отклонений прошли обучение использованию информационно-компьютерных технологий и инструментов. Студентам с ОВЗ и инвалидностью была предоставлена возможность заниматься на адаптированном оборудовании, проходить научные и профессиональные стажировки, участвовать в университетских исследованиях. Преподаватели, участвующие в проекте по адаптации ИКТ для этих студентов, получили дополнительные педагогические навыки. Как отмечают разработчики данного проекта: «В разработке стратегии проекта лежит принцип равенства. Этот принцип учитывался на каждом этапе разработки и деятельности проекта: учебные мероприятия и формы поддержки учащихся, наставничество и учебные программы реализуются независимо от расы, национальности, религии, социального статуса, убеждений, пола, сексуальной ориентации, возраста, наличия инвалидности, хронических заболеваний, ВИЧ-статуса, принадлежности к социально-защищенным группам» [21].

В Румынии адаптационные дисциплины для учащихся с ОВЗ и инвалидностью реализуются в небольшой части учебных учреждений высшего образования. В румынской образовательной системе инклюзивное образование реализуется в основном в формах частичной инклюзии и мейнстриминга, что снижает затраты на финансирование процесса обучения лиц с инвалидностью, но не всегда полно отвечает их возможностям и потребностям. В университетах адаптационное образование организовано посредством дистанционной формы и электронных технологий обучения, поэтому приоритетное значение имеют информационно-компьютерные дисциплины для учащихся с ОВЗ и инвалидностью. Также в индивидуальные учебные планы студентов с ОВЗ и инвалидностью могут включаться специальные коррекционные дисциплины. Другое направление адаптационного обучения лиц с психофизическими нарушениями в настоящее время развиты в Румынии слабо.

Финляндия

Опыт Финляндии в реализации инклюзивного образования на всех уровнях образовательной системы заслуживает внимания, в том числе и в области реализации адаптационных дисциплин. «Инклюзивное образование понимается в Финляндии очень широко — это процесс развития и постоянного совершенствования общего образования, которое должно быть доступно всем без исключения детям (мигрантам, детям из отдаленных районов, представителям национальных меньшинств, индивидам с ограниченными возможностями и др.)» [1].

В форме адаптационных дисциплин студенты могут изучать курсы, направленные на формирование навыков общения, межличностного взаимодействия, знаний в области математико-естественных наук, навыков трудоустройства, а также на формирование социальной и культурной компетентности.

Адаптационное обучение в финской образовательной системе организуется по личному заявлению студента и направлено на его физическое, психологическое и социальное благополучие.

Учебная программа для учащихся с ОВЗ и инвалидностью утверждается образовательными организациями высшего образования с привлечением родителей студентов и государственных органов, ответственных за социальное обеспечение, здравоохранение и образование [3].

В рамках адаптации студентов с ОВЗ и инвалидностью к будущей профессиональной деятельности в образовательных организациях высшего образования в Финляндии (Университет Турку, *Turun yliopisto*) реализуются следующие курсы: «Особенности жизнедеятельности молодых людей с инвалидностью», в котором освещены вопросы самостоятельной жизнедеятельности и независимого проживания молодых людей с инвалидностью, оказания им поддержки и помощи со стороны государства; «Занятость инвалидов» и «Деятельность службы занятости» — аспекты профессиональной реализации и построения карьерного пути для лиц с ОВЗ и инвалидностью. Им доступны встречи с работодателями, услуги по трудоустройству со стороны образовательных организаций и личный опыт людей с инвалидностью по поиску работы, сведения об особенностях деятельности служб занятости в отношении лиц из данной категории [25].

В финском обществе ограничения в здоровье воспринимаются в рамках социальной модели инвалидности. Под инвалидностью в финском обществе понимается феномен столкновения между потребностями людей, социальными условиями и практикой. Адаптационные курсы в Хельсинском университете (*Helsingin yliopisto*) направлены на изучение инвалидности в области социальных наук и исследование инвалидности как социального, культурного и политического феномена. В частности, в данном направлении организованы следующие адаптационные курсы для студентов с ОВЗ и инвалидностью: «Введение в исследование инвалидности», «Инвалидность и финское общество», «Инвалидность в глобальной перспективе». Изучение этих курсов дает возможность студентам понимать суть, основные факторы и перспективы развития инвалидности в Финляндии и в других странах, особенности отношения общества к лицам с ограничениями в жизнедеятельности в разных культурах; выявлять и анализировать формы инвалидности с точки зрения прав человека с инвалидностью на основе Конвенции ООН о правах инвалидов; развивать сотрудничество с организациями инвалидов и другими государственными и неправительственными организациями [26].

Как показал анализ зарубежного опыта в области реализации адаптационных дисциплин для студентов с ОВЗ и инвалидностью, их преподавание в системах высшего образования ведется во всех рассмотренных странах. Однако выбранные направления развития адаптационного обучения отличаются в каждой из них. Опыт реализации АД в Германии близок по вариативности и содержанию учебных курсов к реализуемому в российской системе образования. В учебные программы университетов включены адаптационные курсы по психолого-педагогической и бытовой адаптации, преодолению коммуникационных барьеров, информационные и спортивные АД для студентов с ОВЗ и инвалидностью. В Италии большое внимание уделяется развитию навыков учебной и научной деятельности, а также включению студентов с ОВЗ и инвалидностью в доступную им творческую деятельность. Развитие творческих навыков учащихся характерно для итальянской системы инклюзивного образования, которая опирается на «человеческий фактор» как основное условие функционирования инклюзивной среды. В американской инклюзивной образовательной системе широко представлены все направления адаптационного обучения. Отличительными особенностями реализации АД является развитие вспомогательных физических дисциплин и реабилитационных направлений в обучении лиц с полученными травмами и перенесших тяжелые заболевания. В Польше уделяется внимание обучению английскому языку и основам правовых знаний учащихся с особыми образовательными потребностями. Также в университетах преподаются адаптационные курсы, направленные на повышение эффективности мыслительных процессов лиц с ОВЗ и инвалидностью, которые часто замедлены ввиду наличия психофизических нарушений. В Румынии получили развитие дистанционные системы обучения в университетах студентов с ОВЗ и инвалидностью, поэтому на настоящем этапе активно развиваются информационно-компьютерные АД. В финскую образовательную систему инклюзивное образование внедрено на протяжении длительного периода и эффективно развивается на всех уровнях обучения. В университетах существуют инклюзивные магистерские программы для студентов с ОВЗ и инвалидностью, где внимание уделяется изучению вопросов социальных отношений между инвалидами и другими членами общества, проводятся научные исследования в этом направлении, исследуются глобальные перспективы взаимодействия общества и лиц с инвалидностью. Стоит отметить, что в Финляндии полноценно реализуется социальная модель инвалидности и в образовательной системе отражен уникальный опыт взаимодействия общества и инвалидов. Это следующая ступень в развитии адаптационного обучения для других стран.

Проведенные изучение и анализ зарубежного опыта в области реализации адаптационных дисциплин направлены на оказание педагогической поддержки участникам образовательного процесса и нацелены на дальнейшее развитие адаптационного образования в системе высшего образования РФ для лиц с ОВЗ и инвалидностью.

Список литературы

1. *Елисеева И.Г.* Инклюзивное образование в Финляндии // Информационно-методический журнал «Открытая школа». — 2014. — № 7. — С. 31–35.

2. *Зиновьева В.И., Берсенев М.В.* Сопровождение студентов с ограниченными возможностями в вузах Германии (университет Гумбольдта) // Вестник Томского государственного университета. — 2011 — № 3. — С. 185–187.

3. Исследования по инвалидности Открытого университета в Финляндии. (Vammaistutkimus Open university) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://courses.helsinki.fi/en/open-university/subjects/vammaistutkimus#course-number-A731320en> (дата обращения: 15.10.2017).

4. *Михальчи Е.В.* Инклюзивное образование: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2017.

5. О курсах и семинарах для студентов с инвалидностью в Миланском государственном университете (Iniziativa, corsi e seminari Servizio Disabili e DSA) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.unimi.it/studenti/69796.htm> (дата обращения: 11.10.2017).

6. Положение об Европейской ассоциации дистанционных учебных заведений (The European Association of Distance Teaching Universities) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://eadtu.eu/> (дата обращения: 10.10.2017).

7. A Guide to Disability Rights Laws. U.S. Department of Justice. Civil Rights Division. Disability Rights Section. 2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ada.gov/cguide.htm>. (дата обращения: 12.10.2017).

8. Adapted Kinesiology. Orange Coast College. California [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.orangecoastcollege.edu/student_services/special_services/Pages/adapted-kinesiology.aspx (дата обращения: 12.10.2017).

9. *Alvarez Alvin.* Kinesiology // San Francisco State University Bulletin. — 2017–2018. — Pp. 1–10.

10. Biuro ds. Osób Niepełnosprawnych Uniwersytetu Gdańskiego [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://bariery.ug.edu.pl/pl/indywidualny_plan_studiow/ (дата обращения: 14.10.2017).

11. *Brice W. Harris.* Minimum qualifications for faculty and administrators in California community colleges. — USA. — California: Publ. California Community Colleges, 2014.

12. Catalog Orange Coast College 2016–2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.orangecoastcollege.edu/academics/CourseCatalog/Catalog%20Archive/Course%20Catalog%202016-2017.pdf> (дата обращения: 12.10.2017).

13. Centrum Kształcenia i Obsługi Studentów Biuro Spraw Studenckich Zespół ds. Studentów Niepełnosprawnych [Электронный ресурс] // Информация отдела по работе с инвалидами Университета им. Марии Кюри-Склодовской. Режим доступа: <http://www.umcs.pl/pl/zespol-ds-obslugi-osob-niepelnosprawnych,3222.htm> (дата обращения: 14.10.2017).

14. Disability Support Service The Jagiellonian University [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.en.uj.edu.pl/en_GB/studying/student-services (дата обращения: 14.10.2017).

15. Disabled students programs and services of City college of San Francisco. DPSP Classes [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ccsf.edu/en/student-services/student-counseling/dsps/classes.html> (дата обращения: 12.10.2017).

16. Information of Büro für die Belange von Studierenden mit Behinderungen oder chronischen Krankheiten Universität Hamburg (Информация Управления по проблемам учащихся с ограниченными возможностями или хронических заболеваний Гамбургского университета) [Электронный ресурс] // Режим досту-

па: <https://www.uni-hamburg.de/studieren-mit-behinderung.html> (дата обращения: 10.10.2017).

17. Information of Servizio per gli Studenti con Disabilità Università di Bologna (Информация Службы поддержки студентов с инвалидностью Болонского университета) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.studentidisabili.unibo.it/servizi-agli-studenti> (дата обращения: 11.10.2017).

18. Information of Servizio Studenti con Disabilità Università degli Studi di Milano (Положения Службы поддержки студентов с инвалидностью в Миланском государственном университете) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.unimi.it/ENG/> (дата обращения: 11.10.2017).

19. Information of Studentenwerk Leipzig (Информация службы помощи студентам с ОБЗ и инвалидностью Лейпцигского университета) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.studentenwerk-leipzig.de/beratung-soziales> (дата обращения: 10.10.2017).

20. Informationen für Lehre und Verwaltung. (Информация по преподаванию и управлению инклюзивным образованием в Гамбургском университете) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.uni-hamburg.de/studieren-mit-behinderung/infos-lehrende.html> (дата обращения: 10.10.2017).

21. *Mara D.* Higher education for people with disabilities. Romanian education experience // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. — 2014. — № 142. — Pp. 78–82.

22. *Mara Daniel, Mara Elena-Lucia.* Curriculum adaption in inclusive education // *Procedia: Social and Behavioral Sciences* — 2012. — № 46. — Pp. 4004–4009.

23. Personal development — special services (PDSS). Cuyamaca College 2017–2018 Catalog [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.cuyamaca.edu/academics/catalog/> (дата обращения: 12.10.2017).

24. *Thomas R. Wolanin, Patricia E. Steele.* Higher Education Opportunities for Students with Disabilities: A Primer for Policymakers. The institute for higher education policy. — Washington, DC, 2004.

25. Turun yliopisto [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.utu.fi/fi/Opiskelu/Sivut/home.aspx> (дата обращения: 15.10.2017).

26. Vammaisuus ja suomalainen yhteiskunta, toukokuu 2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://courses.helsinki.fi/fi/a731330/118091293> (дата обращения: 15.10.2017).

Д.В. Нуцубидзе, Н.В. Труб

**ПОВЕДЕНИЕ ОДНОГО РЕШЕНИЯ УРАВНЕНИЯ
ТЕПЛОПРОВОДНОСТИ НА БЕСКОНЕЧНОСТИ**
**THE END BEHAVIOR OF THE HEAT EQUATION
SOLUTION AT INFINITY**

ТРУБ Наталья Васильевна — старший преподаватель кафедры математики МГГЭУ (ntrub73@mail.ru)

НУЦУБИДЗЕ Давид Вахтангович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики МГГЭУ (david1954@mail.ru)

TRUB Nataliya Vasilyevna — Senior Lecturer of Mathematics Department, MGGEU (ntrub73@mail.ru)

NUTSUBIDZE David Vakhtangovich — Associate Professor of Mathematics Department, MGGEU (david1954@mail.ru)

Аннотация. В работе решена задача В.И. Арнольда и исследовано асимптотическое поведение решения уравнения теплопроводности на бесконечности, когда начальное и граничные условия — вполне конкретные функции.

Ключевые слова: теплопроводность, начальные и граничные условия, асимптотическое поведение решения, уравнение в частных производных.

Abstract. In the paper the problem of V.I. Arnold is solved, moreover the asymptotic behaviour of solutions of the heat equation at infinity when the initial and boundary conditions are quite specific functions is investigated.

Keywords: heat conduction, initial and boundary conditions, the asymptotic behavior of the solution, the equation in partial derivatives.

Эта задача интересна асимптотическим поведением решения уравнения теплопроводности на бесконечности. А именно, решение линейного уравнения теплопроводности $U(x;t)$, задаваемое в начальный момент параболой ($U(x;0) = x^2, x \in [0,1]$), при $t \rightarrow +\infty$ сходится равномерно к линейной функции $U(x;t) = x$.

Для известного уравнения теплопроводности

$$\frac{\partial u}{\partial t} = a^2 \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}, \quad 0 < x < l, \quad t < 0, \quad (1)$$

при начальных

$$U(x;0) = \varphi(x), \quad x \in [0;l], \quad (2)$$

и граничных условиях:

$$U(0; t) = 0, \quad U(l; t) \text{ при } t > 0 \tag{3}$$

общее решение задачи задается формулой:

$$U(x; t) = \sum_{n=1}^{\infty} C_n e^{-\frac{\pi^2 n^2 a^2}{l^2} t} \sin \frac{\pi n}{l} x, \tag{4}$$

где

$$C_n = \frac{2}{l} \int_0^l \varphi(x) \sin \frac{\pi n}{l} x dx. \tag{5}$$

Рассмотрим задачу (1) с условиями (2) и (3) в случае, когда начальное и граничные условия — вполне конкретные функции, а именно:

$$\frac{\partial u}{\partial t} = \frac{\partial^2 u}{\partial x^2}, \quad 0 < x < 1, \quad t < 0 \tag{6}$$

при начальных условиях

$$U(x; 0) = x^2, \quad x \in [0, 1], \tag{7}$$

и граничных условиях

$$U(0; t) = 0, \quad U(1; t) = 1. \text{ при } t \geq 0. \tag{8}$$

Рассмотрим вспомогательную функцию:

$$\tilde{U}(x; t) = U(x; t) - x.$$

Тогда функция $\tilde{U}(x; t)$ является решением задачи:

$$\frac{\partial \tilde{u}}{\partial t} = \frac{\partial^2 \tilde{u}}{\partial x^2}, \quad 0 < x < 1, \quad t > 0,$$

при начальных условиях

$$\tilde{U}(x; 0) = x^2 - x, \quad x \in (0; 1], \tag{9}$$

и граничных условиях

$$\tilde{U}(0; t) = 0, \quad \tilde{U}(1; t) = 0 \text{ при } t \geq 0. \tag{10}$$

Тогда, согласно формуле (4), имеем:

$$\tilde{U}(x; t) = \sum_{n=1}^{\infty} C_n e^{-\pi^2 n^2 t} \sin \pi n x, \tag{11}$$

где

$$C_n = \frac{2}{1} \int_0^1 (x^2 - x) \sin \frac{\pi n}{1} x dx = 2 \int_0^1 (x^2 - x) \sin \pi n x dx =$$

$$\begin{aligned}
 &= -\frac{2}{\pi n} (x^2 - x) \cos \pi n x \Big|_0^1 + \frac{2}{\pi n} \int_0^1 (2x - 1) \cos \pi n x dx = \\
 &= \frac{2}{\pi^2 n^2} (2x - 1) \sin \pi n x \Big|_0^1 - \frac{2}{\pi^2 n^2} \int_0^1 2 \sin \pi n x dx = \\
 &= \frac{4}{\pi^3 n^3} \cos \pi n x \Big|_0^1 = \begin{cases} -\frac{8}{\pi^3 (2k-1)^3}, & \text{при } n = (2k-1) \\ 0, & \text{при } n = 2k, \end{cases} \\
 &k = 0, 1, 2, \dots
 \end{aligned} \tag{12}$$

Следовательно,

$$\tilde{U}(x; t) = \sum_{n=1}^{\infty} \frac{-8}{\pi^3 (2k-1)^3} e^{-\pi^2 (2k-1)^2 t} \sin \pi (2k-1)x. \tag{13}$$

Тогда:

$$U(x; t) = \tilde{U}(x; t) + x \tag{14}$$

или

$$U(x; t) = -\sum_{n=1}^{\infty} \frac{8}{\pi^3 (2k-1)^3} e^{-\pi^2 (2k-1)^2 t} \sin \pi (2k-1)x + x. \tag{15}$$

Из (15) следует:

$$\begin{aligned}
 |U(x; t) - x| &= \left| \sum_{n=1}^{\infty} \frac{8}{\pi^3 (2k-1)^3} e^{-\pi^2 (2k-1)^2 t} \sin \pi (2k-1)x \right| \leq \\
 &\leq e^{-\pi^2 t} \sum_{k=1}^{\infty} \frac{8}{\pi^3 (2k-1)^3} = C e^{-\pi^2 t},
 \end{aligned} \tag{16}$$

где

$$C = \sum_{k=1}^{\infty} \frac{8}{\pi^3 (2k-1)^3}$$

— сумма сходящегося числового ряда.

Таким образом:

$$|U(x; t) - x| \leq C e^{-\pi^2 t}. \tag{17}$$

Из (17) следует, что:

$$\lim_{t \rightarrow \infty} U(x; t) = x.$$

Т.е. решение задачи (6), (7), (8) $U(x; t)$ при $t \rightarrow \infty$ равномерно сходится к функции $U(x; t) = x$.

В дальнейшем планируется исследовать асимптотическое поведение решений уравнения теплопроводности на бесконечности в зависимости от начальных и граничных условий.

Список литературы

1. *Тихонов А.Н., Самарский А.А.* Уравнения математической физики. — М.: Наука, 1966. — 724 с.
2. *Владимиров В.С.* Уравнения математической физики. — М.: Наука, 1988. — 512 с.
3. *Соболев С.Л.* Уравнения математической физики. — 4-е изд. — М.: ГИТТЛ, 1966. — 444 с.
4. *Петровский И.Г.* Лекции об уравнениях с частными производными. — М.: ГИТТЛ, 1953.
5. *Кошляков Н.С., Глинер Э.Б., Смирнов М.М.* Дифференциальные уравнения математической физики. — М.: Гос. изд. ф.-м. литературы, 1962. — 767 с.
6. *Нуцубидзе Д.В., Каленова А.А.* Уравнения в частных производных: учебно-методическое пособие — М., МГГЭИ, 2011. — 48 с.

**ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЗЫКАЛЬНОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**PROTECTION OF COPYRIGHTS ON THE PIECE
OF MUSIC IN RUSSIA AND THE USA: COMPARATIVE
AND LEGAL ANALYSIS**

ХАСАНОВ Эльнур Расимович — преподаватель кафедры теории и истории государства и права, МГГЭУ (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru)

KHASANOV Elnur Rasimovich — Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, MGGEU (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru)

Аннотация: Правовая защита авторских прав относится уже длительное время к числу сложнейших юридических проблем, имеющих научную и практическую значимость. Цель данной статьи – сравнительно-правовой анализ особенностей авторских прав на музыкальные произведения в России и США. Эмпирической базой исследования послужили материалы судебной и правоприменительной практики, а также труды ученых-правоведов в области охраны авторских прав. Исследование позволило проанализировать современное состояние защиты авторских прав на примере охраны музыкальных произведений в США и России, а также наметить возможные направления деятельности в данной области.

Ключевые слова: авторское право, музыкальные произведения, исключительные права, защита, сравнительно-правовой анализ, Россия, США.

Abstract. Legal protection of copyright has long been one of the most complex legal problems that have scientific and practical significance. The purpose of this article is a comparative-legal analysis of copyright characteristics of music in Russia and the US. The empirical basis of the study was the materials of judicial and law enforcement practice, as well as the works of legal scientists in the field of copyright protection. The study allowed to analyze the current state of copyright protection by the example of the protection of music in the US and Russia, as well as outline possible areas of activity in this area.

Key words: copyright, musical works, exceptional rights protection, comparative legal analysis, Russia, USA.

Известно, что доходы в музыкальной индустрии формируются за счет создания, реализации и исполнения музыкальных произведений. Как и другие права интеллектуальной собственности, авторское право необходимо для установления правил использования музыкальных произведений, в том числе, чтобы

упорядочить получение доходов. Однако в отличие от других видов интеллектуальной собственности, авторское право не защищает творческую идею саму по себе, только ее выражение в фиксированной форме.

Это означает, что, к примеру, жанр «рок-музыки» (как определенный стиль, ритм и т.д.) не может быть объектом авторского права, но его частное выражение, скажем, композиции группы «Роллинг Стоунз» — может. В отличие от патентов, авторские права не выдаются, а просто утверждаются автором или издателем [7, с. 71].

Музыкальные произведения являются одними из самых распространенных объектов авторского права, и в настоящее время вопросы их правового режима и защиты по-прежнему актуальны. Помимо этого, некоторые моменты авторского права могут пересекаться со смежными правами на эти же объекты.

Понятие раскрывается в ст. 1225 и ст. 1255 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2]. Именно здесь можно найти перечень объектов интеллектуальной собственности, на которые распространяется установленная законом защита. Они делятся на две категории: личные неимущественные и исключительные. К первой категории относится право авторства, право на имя и на обнародование произведения. Эта категория прав является неотчуждаемой, то есть создатель не может, например, продать свое право на имя произведения другому человеку. Если такая сделка состоится, она впоследствии может быть признана ничтожной.

Вторая категория прав связана с распоряжением результатами интеллектуального труда. Исключительные права — это принадлежащая автору возможность распоряжаться своим произведением так, как он считает нужным, не нарушая при этом закон. Так, сочинитель может отказаться от своих исключительных прав на песню по договору об отчуждении исключительного права в пользу другого лица за определенное вознаграждение. Он может также передать свою песню иному лицу по лицензионному договору.

Согласно ст. 1259 ГК РФ, музыкальные произведения делятся на два типа: с текстом и без него. В первом случае речь идет по большому счету о песнях, во втором — о музыкальных композициях. То есть, если вместе с инструментальными партиями присутствует и текст, как правило, в стихотворной форме, то можно в большинстве случаев говорить именно о песне.

У песен, как правило, имеется два автора — композитор (создатель музыки) и поэт (автор текста), следовательно, можно говорить о наличии соавторов, причем это тот случай, когда оба результата творческой деятельности могут быть использованы отдельно.

К примеру, рассмотрим знаменитую песню «Миллион алых роз», которую исполняла Алла Пугачева. Автор текста (слов) — русский советский поэт Андрей Вознесенский, композитор (музыка) — Раймонд Паулс. Если будут нарушены исключительные права только автора текста или композитора (одного из соавторов), то в силу п. 4 ст. 1258 ГК РФ каждый из них может заявить о нарушении и потребовать защиты. Следовательно, если кто-то использует текст песни, то именно Вознесенский (ум. в 2010 году) мог бы требовать выплаты компенсации, а не композитор Раймонд Паулс, в то время как при использовании музыкальной части происходит обратное. Впрочем, соавторы могут заключить между собой договор, в силу которого правообладателем будет являться кто-то один.

Во втором случае мы имеем дело с определенной комбинацией звуков (определенной последовательностью нот), у которой есть автор, придумавший ее, а затем объективно выразивший, например, записав ноты на бумаге. На выходе мы имеем только один результат интеллектуальной деятельности и единственного автора (за исключением случаев, когда произведение создается в соавторстве).

Здесь следует обратить внимание на такой момент. Представим, что рок-группа создает композицию, и каждый ее участник (гитарист, барабанщик, бас-гитарист, клавишник) написали свою партию. Возникло четыре объекта авторских прав, однако на выходе, скорее всего, получится единый сложный объект (произведение, включающее в себя все партии инструментов). Такой случай допускается в соответствии с п. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса РФ. Для этого необходимо, чтобы создатель сложного объекта заключил с каждым из участников договоры (лицензионные или отчуждения).

Так, правообладателем готовой композиции будет уже конкретное лицо, а участники группы, создавшие простые объекты (в нашем случае это инструментальные партии), уже не будут иметь исключительных прав на сложный объект [10]. Как правило, создателем композиции как сложного объекта в музыкальной группе является ее лидер, который руководит общим творческим процессом.

В качестве примера можно привести лидера, вокалиста и гитариста группы «Звери» Романа Билык. Он от своего имени подал иск в суд на ООО «Кинокомпанию «Лунапарк» и ООО «Централ Партнершип» за нарушение исключительных прав на песню «Южная ночь». Из этого можно сделать вывод, что именно он единолично обладает исключительным правом на песню как создатель сложного объекта. Возникновение авторских прав на произведения происходит с момента создания объекта, никаких формальностей в данном случае не требуется.

В законодательстве Российской Федерации не предусмотрена процедура официальной регистрации результата интеллектуального труда, если это не программа для ЭВМ. В соответствии с ГК РФ, защита авторских прав возможна без всякой их регистрации. Исключительные и неимущественные права на объект интеллектуальной собственности возникают с момента его создания и действуют вне зависимости от того, было произведение опубликовано или нет [9, с. 136].

Вышесказанное можно выразить в виде таблицы (см. табл. 1).

Согласно ст. 1271 ГК РФ, автор, чтобы защитить права на свое произведение, может поставить на нем специальный знак охраны авторского права. Этот знак хорошо всем известен: латинская буква «С» в окружности. Рядом пишут год создания произведения и имя автора. Но многим авторам такая защита кажется недостаточной [5, с. 12].

Однако для надежности стоит ознакомиться с такой процедурой, как депонирование, т.е. фактическая фиксация произведения в специальной организации (например, в Российском авторском обществе (далее — РАО)). Это в дальнейшем освободит автора музыкального произведения от доказывания своего авторства и наличия у него исключительных прав. Процедура депонирования не является государственной регистрацией. Сделать авторские права по зафиксированной государством процедуре невозможно, поскольку такая процедура законом не предусмотрена. Поэтому депонирование проводится в РАО [4].

Авторские права на музыкальные работы

Музыкальная идея	Класс права	Создатель музыкального произведения или автор ¹	Материальный носитель, на котором музыкальное произведение может быть представлено ²
Музыкальная композиция	Исполнительское искусство — РА	Композитор. Поэт	Нотная запись. Фонограмма (магнитофонная лента, компакт-диск и т.д.)
Запись звука	Запись звука — SR	Исполнитель. Продюсер (или издатель). Оба вместе	Фонограмма (магнитофонная лента, компакт-диск и т.д.)

¹ Композитор, поэт, исполнитель, продюсер (или издатель) — не обязательно разные лица.

² Материальные носители — это не сами музыкальные композиции или записи звука, а способы, которыми различные виды музыкальной продукции могут быть представлены.

Источник: Andersen, Miles (1999).

Помимо данной процедуры, право на музыкальные произведения возможно защитить при помощи нотариуса. Этот способ подходит только для бумажных носителей, поэтому в случае подтверждения прав на песню необходимо будет предъявить нотные записи, бумажные черновики. Нотариус фиксирует время предъявления документов и подлинность подписи сочинителя [8, с. 9].

Законодательство США в области авторского права считается довольно развитым, однако и его нельзя признать идеальным. Например, охрана авторского права, согласно законодательству об авторском праве, не распространяется на произведения, не зафиксированные в вещественной форме (например, хореографические произведения, или импровизационные выступления, или представления, которые не были записаны в письменном или ином виде). Под представлениями в данном случае можно понимать в том числе выступления с музыкальными произведениями (например, импровизационная игра на скрипке, барабане или любом другом музыкальном инструменте, а также импровизационное выступление певца под аккомпанемент).

В США музыкальные произведения (в том числе сопровождаемые словами) признаются охраняемыми объектами авторских прав в соответствии с пп. 2 п. (а) §102 *Copyright Law of the United States* [12]. Параграф 402 данного Закона предоставляет владельцам авторских прав на звукозапись возможность уведомления о своих авторских правах путем использования специальной отметки. Такая отметка прикреплялась к поверхности аудионосителя, этикетке звукозаписи или упаковке с авторской звукозаписью и содержала три обязательных элемента:

- год первой публикации звукозаписи;
- имя правообладателя авторского права на звукозапись или аббревиатуру, из которой можно узнать имя правообладателя.

Такая отметка о смежных правах на протяжении долгого времени носила обязательный характер, однако 1 марта 1989 г. в результате присоединения США к

Бернской конвенции [1] данное требование было исключено. Для регистрации произведения авторского права необходимо отправить в Бюро по охране авторских прав Конгресса США заявление, копию произведения, которая будет храниться в Библиотеке Конгресса, и оплатить государственную пошлину. По итогам регистрации Бюро по охране авторских прав выдаст правообладателю сертификат, подтверждающий наличие регистрации в отношении конкретного произведения [6, с. 14].

Таким образом, анализ некоторых основных норм законодательства США в области авторского права показывает двойственное отношение к процедуре регистрации произведений, в том числе музыкальных произведений. С одной стороны, произведения охраняются уже по факту их создания, с другой — предусмотрен целый ряд различных формальностей, соблюдение которых является крайне важным для реализации всех авторских прав в отношении произведений, в том числе музыкальных.

Кандидат юридических наук Л.В. Терентьева отмечает, что авторское право США демонстрирует более высокую защиту интересов правообладателей, что объясняется экономическими соображениями, когда изменения законодательства в сфере авторского права происходят в результате мощного лоббирования различными индустриями [11, с. 71].

Рассмотрим виды лицензий на музыкальные произведения в США (см. табл. 2). Из данной таблицы нагляднее всего видны различия в регулировании защиты авторских прав на музыкальные произведения в России и США.

Таблица 2

Виды лицензий на музыкальные произведения в США

Использование музыкальной продукции	Требуемая лицензия
1. Коммерческое вещание музыкальных произведений, за исключением оперных и театральных постановок	Лицензия на право исполнения
2. Вещание по запросу (например, сервис «YouTube»), за исключением оперных и театральных постановок	Лицензия на право исполнения
3. Продажа аудиозаписей для частного использования	Обязательная или «договорная» техническая лицензия
4. Производство музыкальной видеопродукции, предназначенной для кабельного телевидения	Лицензия на право синхронизации или право исполнения
5. Продажа или сдача в аренду фильмов, музыкальной видеопродукции и других видеопрограмм индивидуальным пользователям для домашнего просмотра	Лицензия на право синхронизации, включающая право на техническое тиражирование копий для продажи
6. Показ кинофильмов в кинотеатрах	Лицензия на право синхронизации, включающая право показа (право исполнения)
7. Коммерческое вещание	Специальное разрешение
8. Рекламная продукция, компьютерное программное обеспечение и т.д.	Специальное разрешение

Использование музыкальной продукции	Требуемая лицензия
9. Природные звуки	Лицензия на право аранжировки, включающее право на исполнение
10. Оперная и театральная видеопродукция (живое исполнение)	Полное право или театральная лицензия
11. Публичные широкоэмиттерные станции	Договорная лицензия
12. Музыкальные автоматы	Договорная лицензия
13. Кабельное телевидение	Обязательная лицензия или договорная лицензия

Источник: Baskerville (1995).

Автор или владелец авторского права имеет исключительный контроль над совокупностью правомочий (таких, как право исполнять, воспроизводить и распространять произведения, охраняемые авторским правом). Эти правомочия (по отдельности или вместе) могут передаваться другому лицу. В случае музыкальной композиции, общепринятым правилом является передача права собственности от автора оригинальной композиции издателю, в то время как владелец записи звука обычно передает ее в собственность звукозаписывающей компании, которая владеет правом записи.

Как было указано выше, по сравнению с большинством типов промышленных инноваций, ключевым шагом в деятельности музыкальной индустрии является реализация авторского права, начиная от исходного создателя произведения по всей цепочке распространения и вещания в различных средствах массовой информации.

Получив авторские права, продюсер может начинать комплексный и дорогостоящий процесс подбора и организации музыкальных исполнителей, режиссеров, звукооператоров, временных исполнителей и т.д., а звукозаписывающая компания может начать издание музыкального продукта и вывод его на рынок с гарантией, что их инвестиции защищены от нелегального использования [7, с. 72]. Исполнителю в будущем гарантируется доход, основанный на популярности его или ее композиции.

Таким образом, авторское право на музыкальное произведение представляет собой сложный вид совместной собственности между автором (и композитором), издательством, звукозаписывающей компанией и другими лицами, участвующими в коммерциализации музыкального произведения.

Список литературы

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. — 2003. — № 9.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // «Собрание законодательства РФ». — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
3. Copyright Law of the United States [Электронный ресурс] // U.S. Copyright Office. Режим доступа: <https://www.copyright.gov/title17/> (дата обращения: 11.01.2018).

4. Авторские права на песню [Электронный ресурс] // Правовед.ru. Режим доступа: <https://pravoved.ru/themes/авторские-прав-на-песню/> (дата обращения: 11.01.2018).

5. *Алисова Е.В.* Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // *Современные научные исследования и инновации.* — 2016. — №7. — 12 с.

6. *Волынкина М.В., Гумовская Г.Н.* Особенности правового регулирования авторских прав в США // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2012. — № 11. — С. 7–14.

7. *Дадян П.Г.* Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Российский государственный институт интеллектуальной собственности. — Москва, 2015. — 148 с.

8. *Илларионов В.С.* Авторские права на музыкальные произведения, распространённые в сети Интернет: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Москва, 2013. — 32 с

9. *Михайликов В.Л.* Формы защиты авторских прав // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право.* — 2010. — № 2. — С.136–137.

10. Музыкальное произведение как объект авторского права [Электронный ресурс] // CopyLegal. Режим доступа: <http://copylegal.ru/avtorskoe-pravo/muzykalnoe-proizvedenie-kak-obekt-avtorskogo-prava/> (дата обращения: 15.01.2018).

11. *Терентьева Л.В.* Особенности охраны музыкальных произведений в США // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* — 2013. — № 11. — С. 71.

М.С. Ильинских

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ВЫПУСКНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

SOME SPECIAL FEATURES OF MOTIVATIONAL ENVIRONMENT FORMATION FOR ORPHANAGE ESTABLISHMENTS LEAVERS

ИЛЬИНСКИХ Марина Сергеевна — аспирант кафедры «Социальная работа» Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: ilinskih.m@gmail.com)

ILYINSKIKH Marina Sergeevna — Postgraduate Student of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University (e-mail: ilinskih.m@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики мотивационной сферы выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Мотивационная сфера понимается как совокупность мотивов, целей, ценностей, интересов, потребностей, которые определяют поведение выпускников-сирот. Выпуск из организации закрытого типа является для детей-сирот переломным моментом в жизни, требующим достаточно долгой адаптации к новым реалиям. Отмечается необходимость изучения содержания мотивации к достижению успеха выпускников, дается характеристика процессов формирования ее компонентов, которые обеспечивают их личностный рост. Представлен анализ результатов исследования по формированию мотивационной сферы выпускников организаций для детей-сирот.

Ключевые слова: социальное сиротство, мотив, мотивация, достижение успеха, мотивационная сфера, социализация, адаптация.

Abstract. The article discusses the characteristics of the motivational sphere of alumni organizations for orphans and children left without parental care. Motivational sphere is understood as the totality of motives, goals, values, interests, needs, which determine the behavior of graduates-orphans. The graduation from orphanage establishments is a crucial moment for orphans and it requires a long adaptation period to new realities. The necessity of studying the content of motivation to the success of the graduates is revealed, the characteristic of its components formation processes contributing to their personal growth is given. The analysis of the study results on the motivational sphere formation of alumni organizations for orphans is presented.

Keywords: social orphan hood, motive, motivation, success, motivational sphere, socialization, adaptation.

Изучение проблематики сиротства по-прежнему актуально с точки зрения оценки качественных и количественных изменений в свете реализуемых в настоящее время социально-политических и организационных мер. Количество детей из числа сирот, находящихся в государственных социальных учреждениях остается достаточно высоким. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ в 2014 г. данный показатель составлял 75,4 тыс., в 2015 — 78 тыс., в 2016 — 86,3 тыс. [8].

Социальное сиротство обнаруживает новые проблемные грани после того как ребенок-сирота покидает стены организации для детей-сирот и интегрируется в общество. Именно в этот период обостряются проблемы их социализации и социальной адаптации, под которой мы понимаем готовность молодого человека после выхода из организации для детей-сирот к самостоятельному проживанию. Готовность включает навыки бытового самообслуживания, коммуникации с представителями различных социальных групп не только внутри, но и за пределами организации для детей-сирот, способность выстраивать позитивные отношения со сверстниками, здоровый образ жизни [2]. Возникновение данных проблем у выпускников в России связывается с различными причинами и прежде всего со спецификой организации пребывания детей и подростков в государственных социальных учреждениях [1], которая проявляется в недостаточности полноценного эмоционального общения со взрослыми, ограниченности круга общения, жесткой регламентацией и вынужденным коллективизмом, отсутствием образцов жизнедеятельности в условиях семьи. Привыкнув к заботе и внешнему контролю со стороны работников учреждения, большинство выпускников-сирот сталкиваются с многочисленными проблемами в самостоятельной жизни и не способны грамотно их решить.

Специфика условий организаций для детей-сирот порой приводит к развитию у воспитанников неадекватной самооценки, несамостоятельности в суждениях и поведении, отсутствию мотивации к достижению успеха. В результате при вступлении в самостоятельную жизнь у молодых людей из числа детей-сирот нередко отмечаются признаки иждивенчества, неуверенность в собственных силах, равнодушное отношение к своему образу жизни. Эти личностные проблемы обусловлены неразвитой структурой мотивов: мотивы слабо дифференцированы, слабо осознаются и принимаются.

Мотивы формируются под воздействием целого комплекса внешних и внутренних факторов - способностей, образования, социального положения, материального благосостояния, общественного мнения и т.п.

Проблемой мотивации достижения успеха детей-сирот занимались такие отечественные ученые как. Е.А. Булатова, В.А. Кручинин и другие. Н.Б. Евстифеева считает, что для воспитанников организаций для детей-сирот большое значение имеет формирование компонентов мотивации достижения успеха [5].

В социологии мотив рассматривается как осознанная потребность субъекта в достижении определенных целей. Создание, поддержание и формирование условий для побуждения человека к какой-либо деятельности является достаточно сложным делом, так как мотивы меняются в зависимости от личностных характеристик человека, поставленных задач и временного периода. Поведение человека, как правило, определяется не одним мотивом, а их системой.

В исследовании Л.Ф. Сенкевич выявлены структурные изменения мотивационного ядра личности социальных сирот, которые патологически изменяют

личность и поведение подростков [7]. Автор выводит понятие «мотивационного сдвига», обусловленного социальной депривацией, который неизбежно ведет к затруднениям личностного развития, задержке и искажению процессов социализации и индивидуализации сирот [7].

Т.О. Гордеева применяет термин мотивации для объяснения причин поведения людей, его направленности и механизмов осуществления. Основным средством формирования и развития мотивационной сферы личности является деятельность. Мотивация достижения цели существенно влияет на полноценное развитие личности. Т.О. Гордеева под мотивацией достижения понимает мотивацию, направленную на возможно лучшее выполнение любого вида деятельности, ориентированного на достижение определенного результата [4].

Мотивация достижения успеха имеет возрастные особенности. Благоприятным периодом в формировании мотивации достижения успеха является подростковый возраст. В работах Е.А. Булатовой, В.А. Кручинина и других утверждается, что необходимым условием для формирования мотивации достижения успеха у детей является наличие в окружении ребенка образца для подражания. В семьях таким примером для ребенка являются его родители, а для детей, воспитывающиеся в учреждениях закрытого типа — преподаватели, воспитатели. Авторы считают, что в случае, когда ребенок видит, как взрослые из его окружения смиряются с ролью неудачников, то он или примет их позицию, или будет стараться избегать неудачи [6].

Таким образом, сформированные стереотипы поведения детей-сирот за время нахождения в организациях для детей-сирот влияют на их успешность в самостоятельной взрослой жизни.

В 2016 г. нами было проведено исследование, направленное на выявление проблем в мотивационной сфере у выпускников организаций для детей-сирот. Под мотивационной сферой мы понимаем совокупность мотивов, побуждающих к активности и определяющих ее направленность. В ходе исследования ставились задачи:

- выявить особенности строения мотивационной сферы личности выпускников организаций для детей-сирот Белгородской области;
- определить уровень сформированной мотивационной сферы у выпускников организаций для детей-сирот.

Выборку исследования составили выпускники организаций для детей-сирот Белгородской области в возрасте от 14 до 23 лет (рис. 1).

В исследовании приняли участие 114 выпускников, из них 57,9% — девушки, 42,1% — юноши. Для изучения особенностей мотивации достижения успехов выпускниками-сиротами была разработана анкета, которая включала в себя следующие блоки вопросов:

- 1-й блок вопросов направлен на выявление представления об успехе в жизни выпускников-сирот;
- 2-й блок вопросов направлен на изучение особенностей поведения выпускников-сирот при возникновении проблемных ситуаций;
- 3-й блок вопросов включал определение личностных качеств, необходимых для достижения успеха;
- 4-й блок вопросов направлен на выявления уровня удовлетворенности жизненной ситуацией;

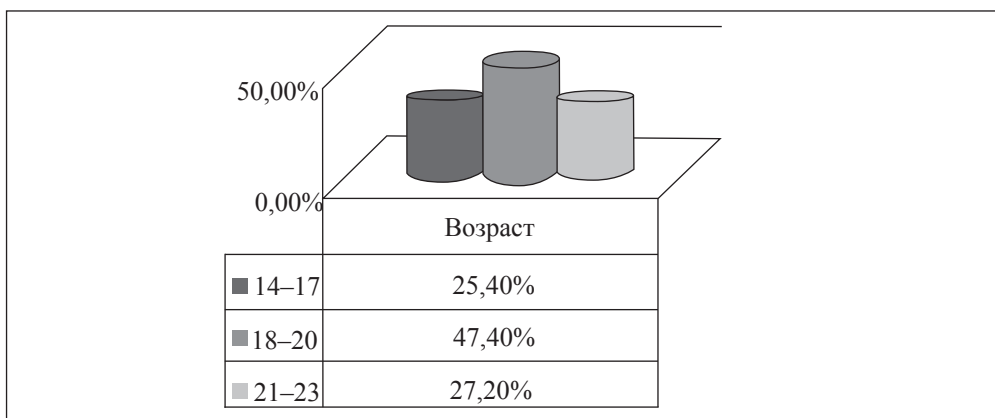

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту

— 5-й блок вопросов направлен на выявление жизненных сфер, наиболее важных для выпускников-сирот.

Среди респондентов большинство оказались студентами колледжей (техникумов) — 48,2% от общего числа опрошенных, 20,1% — студенты вузов, 15% — работающие выпускники, 16,7% — безработные.

Проанализировав данные, полученные в ходе проведенного анкетирования, можно сделать вывод о том, что, по мнению 50% выпускников главным в жизни является «быть счастливым», 46,5% опрошенных считают показателем успеха в жизни «занятие любимым делом, которое зажигает» и «финансовое благополучие», 32,5% указали, что успех — это «реализация самого себя и раскрытие своего потенциала». Важно отметить, что семья и дети лишь для 1,8% опрошенных выпускников воспринимаются как показатель успешности. Данный факт отчасти можно объяснить отсутствием опыта семейного воспитания, что влияет на формирование семейных ценностей и фобий относительно создания собственной семьи (рис. 2).

Анализ результатов исследования показал, что 83,8% опрошенных выпускников считают себя достаточно мотивированными к достижению успеха

Рис. 2. Представление выпускников из числа детей-сирот об успехе в жизни

(рис. 3). Однако выявлено наличие у категории детей-сирот преимущественно экстернальной позицией субъективного контроля, указывающей на неспособность к регуляции поведения при неуспехе, что и приводит к отказу либо от цели, либо от самого процесса достижения.

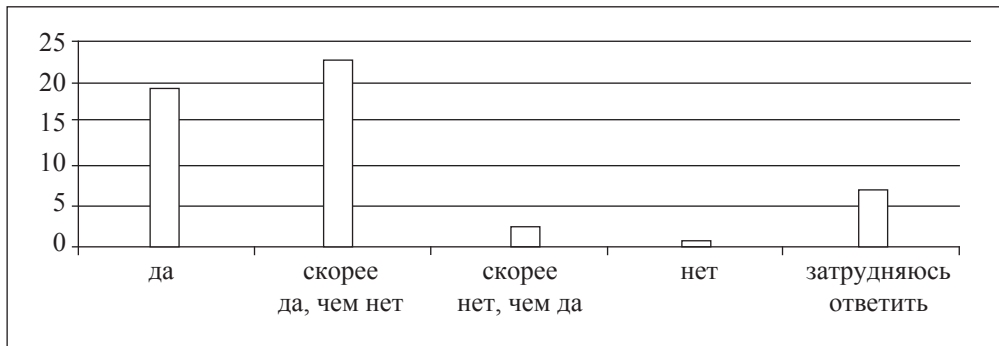

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы себя достаточно мотивированным к достижению успеха?»

При возникновении определенной ситуации, требующей принятия решения, как правило, выпускники стремятся уйти от ответственности выбора и пытаются переложить его на значимых взрослых. Данный факт подтверждается анализом ответов респондентов на вопрос «Ваши действия при возникновении трудностей?»: 39,5% выпускников «обращаются за помощью», 4,4% — «ничего не делают». Следует отметить, что круг значимых людей у выпускников достаточно обширен, но почти половина опрошенных выпускников в первую очередь обратятся за помощью к своим друзьям и знакомым (рис. 4).

Выпускники выделяют следующие личностные качества необходимые для достижения успеха: целеустремленность (72,8%), ответственность и моральные границы (56,9%), самореализация (возможность проявить себя в чем-то но-

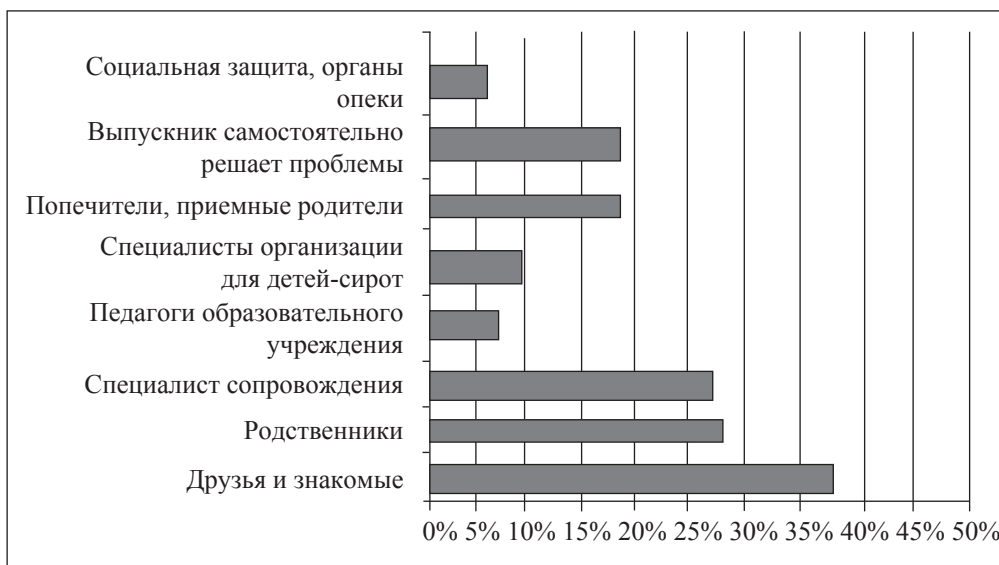

Рис. 4. Значимые взрослые, к которым обращаются выпускники за помощью при возникновении трудностей

вом и значимом для себя) (50%), оптимизм (57%), компетентность во времени (т.е. жизнь настоящим, а не будущим или прошлым) (43,9%). Подробный анализ мнения выпускников представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Личностные качества необходимые для достижения успеха,
по мнению выпускников**

Личностные качества	Не нужны	Необходимы, но не всегда	Обязательно необходимы
Целеустремленность	3 2,6%	28 24,6%	83 72,8%
Оптимизм	10 8,7%	39 34,3%	65 57%
Ответственность и моральные границы	8 7%	42 36,8%	64 56,9%
Самореализации	11 9,6%	46 40,4%	57 50%
Харизма	7 6,1%	55 48,2%	52 45,7%
Рациональное отношение к деньгам	11 9,6%	51 44,7%	52 45,7%
Компетентность во времени	7 6,1%	57 50%	50 43,9
Мощный внутренний импульс	6 5,3%	61 53,5%	47 41,2%
Уникальность	11 9,6%	56 49,1%	47 41,2
Перфекционизм	25 21,9%	50 43,9%	39 34,2%
Демократичность и скромность	22 19,3%	61 53,5%	31 27,2%
Склонность к риску, изменениям	31 27,2%	55 48,2%	28 24,6%

Также выпускники выделили личностные качества, которые у них преобладают. Среди таких качеств выпускники отметили целеустремленность (82,5%), оптимизм (79,8%), ответственные и моральные границы (77,2%), мощный внутренний импульс (руководство собственными мотивами и принципами) (72,8%), стремление к самореализации (возможность проявить себя в чем-то новом и значимом для себя) (72,8%).

В ходе исследования был установлен уровень удовлетворенности своей жизненной ситуацией выпускников. В целом, проанализировав ответы опрошенных респондентов, можно сделать вывод о том, что более половины участников анкетирования удовлетворены своей жизнью. И наиболее важным в жизни выпускники считают наличие престижной высокооплачиваемой работы, денег, хорошего здоровья и образования, семейного счастья, личной безопасности (табл. 2).

Наиболее важные для выпускников сферы жизни

Сферы жизни	Очень важно	Достаточно важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
Престижная высокооплачиваемая работа	55 48,2%	43 37,7%	10 8,8%	6 5,3%
Владение имуществом	44 38,6%	43 37,7%	18 15,8%	9 7,9%
Деньги	60 52,6%	32 28%	13 11,5%	9 7,9%
Хорошее здоровье	69 60,5%	38 33,3%	7 6,1%	0
Самореализация	38 33,3%	56 49,1%	13 11,4%	7 6,2%
Справедливость	49 43%	43 37,7%	17 14,9%	5 4,4%
Семейное счастье	74 64,9%	29 25,4%	8 7%	3 2,6%
Личная безопасность	56 49,1%	41 35,9%	13 11,4%	4 3,6%
Хорошее образование	67 58,9%	41 35,9%	3 2,6%	3 2,6%
Общественное признание	29 25,4%	46 40,4%	23 20,2%	16 14%
Досуг и отдых	42 36,8%	56 49,1%	10 8,8%	6 5,3%
Дружба	47 41,1%	58 50,9%	5 4,4%	4 3,6%
Слава	25 21,9%	39 34,2%	38 33,3%	12 10,6%
Власть	20 17,5%	31 27,2%	41 35,9%	22 19,4%
Уверенность в будущем	64 56,1%	41 35,9%	3 2,6%	6 5,4%

Таким образом, анализ результатов исследования позволил выявить особенности строения мотивационной сферы личности выпускников организаций для детей-сирот Белгородской области. А именно, сделать вывод о том, что специфика условий воспитания и развития в государственных социальных учреждениях значительно влияет на формирование мотивации к достижению успеха во взрослой жизни. Молодые люди из числа детей-сирот обладают сниженным уровнем мотивации достижения успеха, в ситуациях, требующих принятия решения, зависимы от субъективного контроля, что указывает на неспособность брать на себя ответственность в случае неуспеха.

Результаты исследования показали, что выпускники, считают себя достаточно мотивированными на достижение успеха. Однако при возникновении определенных затруднений, требующих от выпускника волевых усилий и действий по разрешению трудностей, молодые люди занимают позицию «избегания не-

удач», т.е. не предпринимают никаких действий для решения проблемы, либо перекаладывают всю ответственность за исход ситуации на значимых взрослых.

Поэтому одной из основных задач подготовки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей к самостоятельной жизни является формирование у них готовности отвечать на вызовы современной действительности на основе мотивации достижения успеха, развития личностных качеств.

Мы полагаем, что дальнейшее исследование структуры и динамики мотивации у выпускников организаций для детей-сирот будет способствовать ранней диагностике социальной дезадаптации и успешности ее профилактики.

Список литературы

1. *Абдрашитова И.И., Паточкина Н.А.* Проблемы социальной адаптации выпускников детских домов и интернатов // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. — 2015. — № 1. — С. 3–5.
2. *Волкова О.А., Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В.* Региональная политика детствосбережения: социологический анализ. Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. — Н. Новгород: НИСОЦ, 2016. — С.88–92.
3. *Гордеева Т.О.* Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации. — М.: Смысл, 2002. — С.47–103.
4. *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения. — М.: Смысл, 2006. — 336 с.
5. *Евстифеева Н.Б.* Особенности мотивации достижения успеха воспитанников детских домов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07. — Нижний Новгород, 2006. — 42 с.
6. *Кручинин В.А., Булатова Е.А.* Формирование мотивации достижения успеха в подростковом возрасте. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. — 208 с.
7. *Сенкевич Л.Ф.* Динамика личностного развития социальных сирот в подростковом возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13. — М., 2006. — 34 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 27.10.2017).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 – философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлекцией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

1(33) 2018

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антоноов
Дизайн обложки:	О.В. Кузнецова

Подписано в печать 27.03.18. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 9. Тираж 500 экз. Заказ № 14.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии СtP.